

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (17)
2018** ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

Редактор
А. А. Амирсейидова

Корректор
О. В. Балашова

Технический редактор
А. В. Родина

Верстка оригинал-макета
Е. А. Кузьминой

Выпускающие редакторы
А. А. Амирсейидова
Е. В. Невская

Автор перевода
А. В. Борзов

За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 26.03.18
Заказ №

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 13,49
Тираж 500 экз.

Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии **«Социальные и гуманитарные науки»**

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- И. Я. Кантеров* доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета
- С. А. Мартыанова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- Г. С. Егорова* кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Л. М. Баранова Личность в революционных потрясениях: особенности социализации	5
Е. Н. Орлик Революция как фактор социальной стратификации.....	14
А. Е. Еремеев Евразийский компонент дискурса о постреволюционной судьбе России	26
Н. И. Горская Земская реформа Временного правительства (на материалах Смоленской губернии)	36
И. И. Руцинская Образ Ленина в детской книжной графике 1920-х годов	44

ФИЛОЛОГИЯ

К. М. Богрова, А. А. Щитковская Устойчивые сравнения в текстах XVII века: традиции и новации (на материале «Новой повести о преславном Российском царстве»)	56
Д. Г. Демидов Поэзия В. П. Петрова и «Слово о полку Игореве».....	61
О. Ф. Валеросо, А. А. Гладкова Влияние традиций В. Гауфа и Э. А. По на романтическую прозу И. С. Тургенева.....	72
Т. А. Дьякова Этнокультурная основа фразеологической репрезентации традиционных обрядов в русских донских говорах (на материале романа Л. Магеровской «В жерновах»).....	80

ФИЛОСОФИЯ

Н. С. Катунина Душа и сознание человека	87
П. Е. Матвеев Левиафан Гоббса как библейское чудовище и грандиозная машина.....	98
Е. И. Аринин, И. Е. Викулов, А. А. Дубровская Социологические исследования религиозности владимирских студентов: «православные неверующие» как религиозная идентификация.....	106
Сведения об авторах	115

CONTENTS

HISTORY

L. M. Baranova Personality in Revolutionary Upheaval: Distinctive Features of Socialization	5
E. N. Orlik Revolution as a Factor of Social Stratification.....	14
A. E. Ereemeev The Eurasian Component of the Discourse about the Post-Revolutionary Fate of Russia	26
N. I. Gorskaya The Zemstvo Reform of the Provisional Government (Case-Study: Smolensk Province).....	36
I. I. Rutsinskaya The Image of Lenin in Children's Books Illustrations of the 1920s	44

PHILOLOGY

K. M. Bogrova, A. A. Shchitkovskaya Set Comparisons in the 17 th Century's Texts: Traditions and Innovations (Case-Study: «A New Tale about the Most Famed Russian Kingdom»)	56
D. G. Demidov The Poetry by V. P. Petrov and the «The Lay of Igor's Host».....	61
O. F. Valeroso, A. A. Gladkova Influence of Wilhelm Hauff's and Edgar Allan Poe's Traditions on Ivan Turgenev's Romantic Prose	72
T. A. Diakova Ethno-Cultural Basis of Idiomatic Representation of Traditional Ceremonies in Russian Don Dialects (Case-Study: the Novel «In the Millstones» by L. Magerovskaya).....	80

PHILOSOPHY

N. S. Katunina Soul and Consciousness of the Human Being.....	87
P. E. Matveev Leviathan by Hobbes as the Scriptural Beast and a Grandiose Machine.....	98
E. I. Arinin, I. E. Vikulov, A. A. Dubrovskaya Sociological Researches of Religious Faith of Students in the City of Vladimir: «Orthodox Atheists as a Religious Identity».....	106
Contributors	115

ЛИЧНОСТЬ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Революционные события 1917 года кардинально и необратимо изменили социальное бытие бывших подданных Российской империи. Ее сословно-иерархическая структура была разрушена революционной стихией. В этой социальной смуте, главным образом, принудительно личность утрачивала приобретенное в процессе социализации и вынуждена была формировать новые, единственно приемлемые способы выживания и адаптации.

Ключевые слова: революция, личность, социальные трансформации, исторический выбор, социальные статусы и роли, деформация социального поведения, социализация, «революционные мутации».

Социальные изменения имманентны социуму как сложной саморазвивающейся системе, но эти перемены переживаются по-разному. Природа социальной жизни диалектична: воспроизводя себя, общество в то же время и изменяется. Одним из принципов устойчивого и стабильного функционирования общества является взаимозависимое функционирование значимых подсистем. Накапливающиеся дисфункции в какой-то из таких систем, например в экономике, которую, К. Маркс считал главной, могут привести к разрыву взаимосвязей, утрате базовых элементов, в первую очередь, системы нравственных и правовых норм. В результате нарушается логика взаимодействий всех структур, нарастает угроза расширения зоны девиантного поведения, и индивиды, будучи одновременно

субъектами и объектами этих изменений, присутствуя, проживая и выживая в этих переменах, вынуждены преобразовывать свое бытие, а значит, и преобразовывать себя.

Понятие «социализация», будучи «родовым» и для социологии, и для социальной психологии, активно используется и исторической наукой, в первую очередь при исследовании проблем, связанных с местом, значимостью и активностью личности в исторических процессах и особенно в переломные исторические периоды. Потому смысл, вкладываемый в это понятие в разных науках, имеет свою специфику. Еще в XIX веке термин «социализация» впервые был применен к человеку (а до этого использовался при описании животных) американским социологом Ф. Г. Гидингом в его книге «Теория цивилиза-

ций», и в современной науке он ассоциируется с социологией и психологией. В XX веке социализация как процесс формирования личности в исторических обстоятельствах активно исследовалась в современной социологии и кратко характеризуется как процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу и социальной группе [8, с. 430].

Российские революции 1917 года – не первые социальные потрясения, кардинально преобразившие социальное бытие. Европа переживала подобное с XVII века. Западноевропейские революции разрушали устаревшие феодальные социальные институты, ломая и модернизируя традиционный образ жизни с его патриархальными паттернами в экономике, политической жизни, а главное – в сфере сознания и ценностных ориентиров. Всегда социально-экономические и политические преобразования «перестраивали» личность современников, и страна выходила из этих бурных лет, а то и десятилетий не только опустошенной, но преобразованной и обновленной.

В России в отличие от Запада до XX века революций не было, но глубинные, называемые даже революционными события, приводившие к радикальным переменам, происходили. В каждом веке российской истории было немало потрясений, утрат, разочарований, но каждый век обогатил историю отечества и прирастил ее в достижениях, материальных и духовных.

Полным драматизма и трагических событий был в России XVII век, казавшийся кому-то относительно спокойным, даже затишьем перед непредсказуемой и бурной Петровской эпохой. Политический кризис рубежа XVI – XVII веков был вызван династическими осложнениями, борьбой за власть самых различных групп и группировок, спаянных в первую очередь кровными узами. Впервые на Руси появляются самозванцы, и в этом феномене наряду с антифеодальным протестным началом актуализируется проблемное поле: каков характер взаимоотношений народа и правителя, какими средствами пользуется элита в осуществлении власти, сможет ли она достичь всеобщего консенсуса, а значит – стабилизировать ситуацию в стране.

Этот кризис обернулся социально-экономической катастрофой, привел к Смуте и народным мятежам, крестьянскому восстанию; фактически страна пережила первую гражданскую войну, а позже – русский церковный раскол. Объективные основания процессов социализации существенно деформировались: прервалась правящая династия Рюриковичей, легальность и легитимность царей, занимавших трон после смерти царя Федора, были весьма сомнительными, к тому же возникли осложнения международного положения страны (Польша, Литва и Швеция открыто нарушали суверенитет страны), в результате – душевные потрясения, нравственный перелом и брожение в умах и душах со-

временников, независимо от сословного происхождения и социального статуса. Скитальческой и странной русская душа становится именно в Смуте и последующих событиях XVII века, прошедшего в разногласии, пререканиях и спорах о том, куда и с кем идти России, как и что менять в объективно открывающейся перспективе реализации возможностей особенного положения России на перекрестке суперцивилизаций. Так характеризовал этот непростой, но очень важный для понимания последующих времен царствования Алексея Михайловича и особенно революционных реформ царя Петра I период православный богослов и историк прот. Г. Флоровский [6, с. 57 – 58].

Но долгие смутные годы закончились Земским собором 1613 года, который можно назвать самым «демократичным» в средневековой российской истории: наряду с дворянами и посадскими людьми в нем участвовали и представители свободных крестьян и казаков, за которыми стояли десятки миллионов подданных, желавших прекратить кровавую вакханалию. Выборы царя восстанавливали преемственность во власти, традиционный институт монархии, возвращали социальный мир и стабильность. Собор вернул законный порядок, подтвердив незыблемость единства и симфонии власти царя и патриарха, что стало непреходящей истиной, выстраданной поколениями русских людей, православных, независимо от их этнической принадлежности. В XXI веке этот догмат был

закреплен в официальном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии» [5].

Всегда в подобных потрясениях социологически выделяются два периода трансформации личности: период резкой и грубой десоциализации и период не менее насильственного насаждения новых образцов, норм и стереотипов новой или обновленной политической культуры: появляются новые социальные статусы, но даже в сохранившихся статусах социальные роли сильно изменяются. Так было и в XVII веке, когда кризис традиционной политической культуры и нараставшие дисфункции многих государственных институтов были «остановлены» народным ополчением и выборами нового царя. Обновленной политической элите удалось, не выходя за рамки традиционного социально-политического пространства, легитимизировать новую династию, а значит – стабилизировать ситуацию как внутри страны, так и на международной арене.

Глубокие социальные трансформации начала XX века в России неузнаваемо преобразили бытие всех бывших подданных Российской империи, а их потомки и в ушедшем веке, и в веке наступившем продолжают в форме рациональной рефлексии и в художественной форме осмысливать события столетней давности. Как ни называй события 1917 года в России: революцией или государственным пе-

реворотом, они все равно остаются революционными, под которыми понимаются качественные, глубинные, системные сдвиги во всех сферах бытия российского общества, перестроившие как институциональные структуры, так и структуры повседневности, в том числе повседневность религиозной жизни [2, с. 52 – 54].

Рухнула прежняя социальная (сословная) структура российского общества, социальная пирамида «перевернулась»: бывшие высокостатусные группы сразу или постепенно утратили свое привилегированное положение, а выходцы из низкостатусных слоев внезапно взлетели на вершину социальной пирамиды в лифте революционных перемен. Вместе с рухнувшей социальной иерархией исчезло и уважение к прежним социальным статусам. Ярким примером тому может служить отношение к Николаю II. Совсем недавно император крупнейшей в мире державы, сакральная фигура, венчавшая сословную иерархию Российской империи, он за несколько месяцев превратился в объект публичных насмешек, открытых неприличных высказываний, виновника всех бед и несчастий России. Недавние подданные знали, что царь подписал отречение от престола, и его с семьей отправили за Урал под конвоем как обычных простолюдинов. Наступившая свобода без краев и границ позволила не считаться с прежними запретами и элементарными моральными нормами. Значит, и о монаршей семье, и о других прежде социально уважаемых

людях можно говорить и писать что угодно, в том числе пренебрежительно и насмешливо.

В традиционных обществах, каковой была Россия до революционных потрясений 1917 года, социальные статусы по определению несли в себе иерархически детерминированное уважение и доверие. Наличие этих детерминант всегда свидетельствует о стабильности функционирования социальных институтов и социальной системы в целом. А «в кризисные, нестабильные периоды жизни сообщества, в условиях аномии и отсутствия единой системы ценностей для различных социальных групп складываются собственные представления об уважаемых людях, которые могут не разделяться другими группами» [1, с. 14].

Субъектами любых социальных преобразований, а тем более таких радикальных, как революция, наряду с элитой, правящей и региональной, являются и народные массы, по разным причинам и мотивам вовлеченные в стихию, а то и в анархию революционных преобразований. Во все времена без опоры на различные социальные слои, которые должны обладать групповым (сословным или классовым) сознанием и потому – сплоченностью, невозможно осуществлять социальные преобразования. В России в 1917 году социальная структура оставалась феодально-сословной, несмотря на рост численности новых индустриальных классов: рабочих и предпринимателей. Реформы 60-х годов XIX века, открывшие легальные возможности

индустриализации и урбанизации, создали условия для маргинализации огромных масс населения, чему также способствовала Первая мировая война, лишившая многих родного дома и привычной среды обитания.

К 1917 году доля потомственных рабочих была не велика; большинство тех, кто покинул свои деревни и нашел работу на фабриках и заводах, были ментально, психологически и даже физически связаны с деревней, так как у многих не только родственники, но и семьи еще оставались там. Фактически маргиналами можно назвать большинство пролетариев, низшие городские слои, солдат, многие из которых не могли или не хотели уже возвращаться в свои деревни. Все они испытывали трудности с адаптацией к новой социокультурной среде, а кто-то опустился на «социальное дно», превратившись в люмпенов. К тому же до 80 % населения были неграмотными или малообразованными, с узким кругозором и низким когнитивным потенциалом. Недостаточность знаний не позволяла понимать, что происходит, какова суть лозунгов, что стоит за призывами к равенству и справедливости. Одним словом, подавляющее большинство населения страны участвовало в эпохальных по сути событиях (свержение монархии, поддержка одних правительств, борьба с другими, участие в войне против «своих»), аргументируя это не доводами разума и логики, а чувствами, экзальтированной верой в кого-то или во что-то или чувством не вполне понимаемого

коллективизма. Очень быстро недавние законопослушные и богобоязненные подданные Российской империи, не мучаясь совестью, довольно легко стали участниками кровавых акций, вандализма и братоубийства. Патриархальная система ценностей, ядром которой были православные нормы, не просто подверглась серьезным испытаниям и переживала глубокий кризис, она рухнула, и в результате люди из различных социальных групп и общностей стали уязвимыми, а значит – легкими объектами для манипуляций. Скорее их можно назвать «пушечным мясом», а не субъектом исторических процессов [4, с. 31 – 32].

На протяжении истории во времена перемен, а тем более в революционные периоды субъекты социально-политического пространства способны «выходить» за границы классических групп и общностей, и теперь уже не они, а массы становятся главными участниками судьбоносных процессов. «Массы выступают как временные, функциональные общности, разнородные по составу, но объединенные значимостью переживаний входящих в них людей»; «массы» – это категория кризисного общества и «смутного» времени [3, с. 214]. Составляющие эту массу люди не способны адекватно оценивать ни окружающее, ни себя, они деиндивидуализируются. Тем самым личность снимает с себя ответственность за свои действия, соглашаясь стать частью этой целостности, взамен индивид обретает ощущение всемогу-

щества и безответственности. «Вожаки и массы не играют заметной роли в стабильном социуме. Они выходят на первый план, когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, дестратифицируется, «перемещивается», переживая период своеобразного «социотрясения» [3, с. 214]. Революционный 1917 год и последующая гражданская война – классический пример этих процессов.

Изгнанный из советской России П. А. Сорокин, которого весь мир знает в первую очередь как американского социолога, уже в 1925 году издал очень актуальную работу «Социология революции», где вскрыл причины, как он их назвал, «революционных мутаций» поведения, которые деформируют не только само поведение, но сознание и психику современников. Революционные события октября 1917-го и последующая гражданская война кардинально изменили социальную основу процессов социализации, которая всегда осуществляется на основе конкретно-исторического социального бытия и адекватной ему культуры. Социолог выделяет три формальных признака деформации социального поведения («революционной мутации») [7, с. 48 – 53].

Первый – «революционная мутация» захватывает огромные зоны населения; в результате, огромное количество людей оказываются вовлеченными в поток революционной стихии, и у них исчезает то самое уважение к существовавшей еще вчера социально-статусной иерархии,

к собственности, к собственному труду и его результатам, «к массе лиц прививаются новые реакции, у массы лиц деформируются многие акты» [Там же, с. 49].

Второй формальный признак – быстрота и резкость изменения поведения, смены профессий, партий, должностей, другими словами, индивиды меняют один «костюм рефлексов» на другой. За короткий промежуток времени люди меняются до неузнаваемости: крестьяне, неделю тому назад не помышлявшие посягать на чужие имения, теперь атакуют поместья и подвергают их разграблению, а мирный и добросердечный человек вдруг становится жестоким и кровожадным убийцей. Обратной стороной такой бешеной динамики «служит факт интенсивнейшей циркуляции и быстрых социальных перегруппировок в периоды революции. Неустойчивость и изменчивость поведения ведет здесь к неустойчивости и к постоянным колебаниям строения общества» [Там же, с. 50].

Третий признак: условные рефлекссы приобретаются индивидуально на основе безусловных, другими словами, эти условные рефлекссы формируются в процессе социализации и потому они легко «гаснут», и особенно легко при конфликте с безусловными рефлекссами. Результаты воспитания и образования исчезают под напором вырвавшегося наружу из сферы бессознательного (страсть, наживы, индивидуально и предвзято понимаемое чувство справедливости, зависть, месть и другие формы деви-

аций). Таким образом, накопленное в ходе социализации оказывается невостребованным и уходит на периферию личностных качеств либо вообще отмирает. Но человек – особое существо, которое мотивирует любые, даже самые низменные поступки и действия хорошими словами. «Подавляющее большинство наших актов мы «пудрим», «одеваем» в «красивый» костюм множества условных рефлексов, особенно речевых» [Там же. с. 53].

В кризисные моменты, переживаемые государством (подобное случилось со всеми народами), а тем более при крушении прежней государственной машины, правовые нормы практически перестают действовать. На авансцену выходит стихийное массовое поведение, в основе которого инстинкты, агрессия, эмоции и вера, а структуры обыденного сознания становятся единственным устойчивым регулятором социального поведения миллионов. В революционных событиях 1917 года способность к элементарному рациональному восприятию происходящего у огромных масс людей свелась почти к нулю. «Забылись» и стали невостребованными сформированные в ходе естественной социализации модели поведения и мышления, во все времена подкрепляемые культурными образцами (моралью, религией, правом, образцами искусства). На поверхность выплеснулись эмоции, главным образом деструктивные: раздражение, гнев, ненависть; в то же время востребованными оказались древние мифообразные ар-

хетипы мышления и действия, образцы которых – «свой – чужой», «мы – они». Именно из них вышли понятные всем лозунги, ставшие руководством к действию: «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдается, то его уничтожают».

В деформации поведения («революционной мутации») в революционный период П. А. Сорокин выделяет две стадии: подъем и понижение революционной волны, как и в ходе самой революции (подъем и падение) [Там же, с. 54 – 57].

В подъеме Сорокин выделяет три фазы.

1. В первой фазе деформация состоит в угасании и ослаблении множества условных рефлексов, то есть всего того, что было наработано процессом социализации.

2. «Биологизация» всего поведения масс как следствие «угасания» приобретенного в ходе социализации. Человек-*socius* превращается в человека-животное. Социально-культурные «тормоза» (моральные, религиозные, правовые нормы, любые табу) отброшены и забыты под напором естественных потребностей в еде, продолжении жизни, индивидуальной или групповой защиты. Инстинктам ничто не мешает и не стесняет, и как следствие – громадная жажда и активность преобразования, при этом не важно, что разрушать, менять и строить заново.

3. Укрепление новых условных рефлексов, оправдывающих биологические импульсы и помогающих им действовать; низменные поступки,

убийства, любые преступления выдаются за прогресс, утверждение добра, справедливости, красоты. Новые условные рефлексы выполняют «оправдывающую» функцию. «Акты убийства и грабежа, на которые толкают биологические импульсы, они «преображают» в акты «борьбы за Свободу, Равенство и Братство»; стремление завладеть чужим добром они гримируют в явления «общественно-святой реквизиции», половую распущенность – в «великий прогресс», зверский садизм – в «революционный героизм», разрушение ценностей – в «созидание и построение идеального общества» и т. д.» [Там же. с. 57].

В стадии понижения революции «отпущенные» биологические импульсы приводят к анархии, которую надо усмирять и обуздывать. Начинается «белый» и «красный» террор, который порождает уныние, страх апатию, пассивность. На смену им приходит «пробуждение» в виде прививки новых условных рефлексов, то есть ресоциализация, предлагающая новые культурные образцы, каковой становится новая пролетарская культура, в которую как составная часть входит формирующаяся политическая культура. Произошедший ценностный раскол в обществе, детерминированный радикальными сдвигами в социальной структуре, сформировал объективную потребность в поиске и утверждении новой системы ценностей, таковой и станет уже складывающаяся пролетарская культура. В эти годы стихийно шли процессы легитимации новых инсти-

туций, форм поведения, реальной основой которых утверждался конформизм как единственно приемлемый способ выживания и адаптации. Бывшие подданные Российской империи, выжившие и пережившие войну мировую, две революции и войну гражданскую, не могли остаться прежними ни социально, ни политически, ни ментально.

Прошедшие с тех революционных событий сто лет не ослабили научного и даже обывательского интереса к тем событиям. Начатое социологом П. Сорокиным изучение анатомии и физиологии русской революции дополняют и обогащают исследования тех историков, которые акцентируют внимание на поведении и действиях индивидов, благодаря которым был легитимизирован «исторический выбор», то есть советский путь развития бывшей империи. Большинство населения России, а с 1922 года – Советского Союза, кто активно выбрал или, превратившись в конформиста, пассивно согласился с теми целями и средствами, которые были провозглашены и воплощались коммунистической партией, начало строить свою новую жизнь в соответствии с новыми советскими нормами.

Перестала существовать Российская империя, православная страна, а с ней в безвозвратном прошлом осталась и прежняя повседневность россиянина, в которой он пребывал испокон веку: территория прежняя, а страна другая и люди, живущие в ней, – другие. Исчезла угроза рас-

ширения сферы девиантного поведения: видов проявления девиаций стало так много, что многие из них в послереволюционный период становятся нормой или почти нормой на долгие десятилетия.

Библиографические ссылки:

1. Зарубина Н. Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 10 – 18.
2. *Она же*. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 52 – 62.
3. Марченя П. П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России»*. 2009. № 1709. С. 212 – 227.
4. Миронов Б. Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 24 – 35.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.10.2017).
6. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Третье изд. Киев. Изд. : Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 560 с.
7. Сорокин П. Социология революции. М. : РОССПЭН, 2005. 704 с.
8. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. 608 с.

L. M. Baranova

**PERSONALITY IN REVOLUTIONARY UPHEAVAL:
DISTINCTIVE FEATURES OF SOCIALIZATION**

The revolutionary events of 1917 radically and irrevocably changed the social existence of the former subjects of the Russian Empire. Its hierarchical structure was destroyed by the revolutionary chaos. Mainly, in this social disturbance, the person was forced to lose what had been acquired in the process of socialization and to form new, only acceptable ways of survival and adaptation

Keywords: revolution, personality, social transformations, historical choice, social statuses and roles, deformation of social behavior, socialization, «revolutionary mutations».

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

В данной статье рассматриваются конфигурации социально-классовой структуры общества под воздействием радикальных, революционных воздействий на социальные институты общества на протяжении XIX – XX вв. Особое внимание уделяется методам становления новой социальной структуры и их последствиям для социально-экономического и политического развития российского общества по итогам октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: революция, дезорганизация власти, социальные институты, социально-классовая структура общества, социальная мобильность, социальный контроль, политическая партия, диктатура пролетариата, депопуляция населения, эгалитаризм, социальная апатия, «устойчивая бедность».

Как известно, путь революционным преобразованиям и установлению принципиально нового устройства мирового правопорядка открыла Великая французская революция 1789 – 1794 гг. Произвол властей, дезорганизация и несостоятельность королевской династии, мракобесие церкви, политика протекционизма, голод и дороговизна после неурожая 1788 года – вот главные обстоятельства, которые заставили французский народ братья за оружие и возводить баррикады. Лозунги этой революции были понятны всем: «Свобода», «Равенство», «Братство». Позже в середине XIX – начале XX века эстафету революционных преобразований подхватили в Англии, Голландии, Германии, России.

Под революцией понимается коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому. Если говорить о социальной революции, то

речь идет о коренном перевороте в социально-экономическом и политическом устройстве общества. Ему предшествует революционная ситуация. Основатель будущего социалистического государства определил ее как «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому» [3, с.218]. При этом В. И. Ленин особо подчеркивает пороговое состояние бедности угнетенных классов, которое толкает их к самостоятельному историческому выступлению.

Об этом же говорит П. А. Сорокин, характеризуя состояние рос-

сийского общества накануне Февральской революции 1917 г. как подавление всех базовых инстинктов, «удобренных тем, что основы социального строя расшатаны, а дорога к революциям открыта идеями Руссо и Вольтера, Иоанна Гуса и Иеронима Пражского, индипендентами и Лильборном, Марксом и Лассалем, Лавровым, Михайловским, Плехановым и другими» [11, с. 286 – 287]. Ученый также отмечает дезорганизацию власти и социального контроля как условия продуцирования революционного взрыва.

Так, начало нового 1917 г. в России было отмечено беспрецедентным уровнем забастовочного движения. В стране бастовали примерно 670 рабочих. 14 февраля в день открытия очередной сессии Думы под революционные лозунги встали 60 заводов. 27 февраля на сторону революции перешли Волынский, Преображенский и Литовский полки. Начались пожары в зданиях окружного суда, петроградской охраны, Литовского замка [8, с. 498]. В этот же день согласно царскому указу думские деятели вынуждены были прервать сессию и занялись обсуждением выхода из надвигающейся на них народной революции. В результате 28 февраля был сформирован Временный комитет, а 2 марта – Временное правительство под руководством князя Г. Е. Львова, его костяк составили кадеты П. Н. Милюков и А. И. Гучков, эсер А. Ф. Керенский.

По свидетельствам современников, в адрес Временного прави-

тельства с первого момента его образования стекались телеграммы, выражавшие преданность правительству «со стороны городов, земств, рабочих и крестьян» [11, с. 240]. Все последующие за ним события в этой связи выглядят вполне закономерно. Так, в ночь на 3 марта в Пскове Николай II в поезде, окруженном революционно настроенными войсками, в присутствии Гучкова и Шульгина отрекся от престола. В народе данное событие было воспринято с большим воодушевлением, всюду говорили о бескровной революции. Таков был сценарий Февральской революции.

Перед членами Временного правительства стояла задача – воспользоваться выпавшим на их долю историческим шансом повернуть народную революцию в сторону реформирования экономической и политической жизни страны. Такой шанс давал созыв Учредительного собрания с его лозунгами классового примирения, которые позже были взяты на вооружение большевиками.

Февральская революция уничтожила складывавшееся веками российское государственное устройство. В многонациональной стране, лишенной сколько-нибудь сильной регулирующей власти, свобода легко перетекала в анархию. Поэтому созыв Учредительного собрания, призванного утвердить принципы нового государственного порядка, был мерой необходимой и закономерной. Члены Временного правительства в полной мере осознавали степень исторической ответственности, стоя-

щей перед ними, и стремились ускорить это событие. Организация выборов в Учредительное собрание, которые были назначены на 17 сентября, легла на органы городского самоуправления и волостные земства. Однако работы по составлению избирательных списков объективно затянулись, и выборы были перенесены на 12 ноября, созыв самого собрания – на 28 ноября. Однако большевики, как известно, перехватили инициативу, и развитие России пошло по крайне радикальному, кровавому сценарию.

При этом рухнули не только планы Временного правительства, но и надежды простых людей на скорый мир и землю, законное решение животрепещущих вопросов.

Вместо решения коренных вопросов войны и мира они получили «превращение войны империалистической в войну гражданскую». Вот, к примеру, что пишет солдат-крестьянин А. Бубнов из Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в редакцию эсеровской газеты «Дело народа». Он сообщает, что все его однополчане ждали Учредительное собрание как светлое Христово воскресение. Именно с его работой были связаны их надежды на обретение воли и земли. Отчаяние и боль, которые они испытывали от его роспуска, нашли отражение в следующих строках: «Мы шлем проклятия изменникам, предателям революции, кто разогнал Учредительное Собрание. Мы тем злодеям никогда не простим. Товарищи, до каких пор будут мучить нас» [6, с. 44].

Это письмо было прислано в редакцию сразу после расстрела матросами и красногвардейцами мирной демонстрации в Петрограде, которая проходила в поддержку Учредительного собрания в день его открытия – 5 января 1918 г.

На следующий день, 6 января, во время обсуждения проекта «Основного закона о земле» работа Учредительного собрания была прервана и больше не возобновлялась по причине угроз физической расправы над народными депутатами со стороны матроса А. Г. Железнякова и его отряда. Режиссером и постановщиком этого политического сценария, как позже выяснилось, выступил первый председатель петроградского ЧК М. С. Урицкий. В основе этого события лежит простой факт: большевики по результатам всенародных выборов в Учредительное собрание, проведенных на основе пропорционального представительства населения, оказались в меньшинстве, значительно уступив своим политическим противникам, а следовательно, не могли рассчитывать на положительный исход сохранения верховной власти в стране для своей партии в случае плодотворной работы данного органа представительной демократии, на которую были настроены его делегаты.

Любая революция предполагает радикальные изменения основ жизнедеятельности общества. Происходят содержательные изменения во всех институтах общества: политике, идеологии, экономике, культуре, науке, об-

разовании. Как следствие, меняется положение разных социальных групп и классов общества, степень их активности в обществе. Устанавливается принципиально иной тип социально-классовой структуры общества.

Под социально-классовой структурой понимается совокупность взаимосвязанных между собой и упорядоченных друг относительно друга социальных групп. Они занимают разные места в системе неравенства конкретного общества, дифференцируются по объему имеющейся у них власти, собственности, дохода, престижа и т. п. Все они связаны между собой экономическими, политическим, культурными отношениями и являются субъектами функционирования основных институтов общества.

С этой точки зрения социально-классовая структура является социальным регулятором, обеспечивающим динамику развития общественных отношений. Взаимоотношение элиты и населения страны, интересы и характер активности разных социальных групп, их взаимоотношения формируют социум как таковой. Трудно переоценить функции социально-классовой структуры в формировании и развитии экономики общества. Напомним главные из них:

- распределительная. Направлена на поддержание и развитие форм общественного разделения труда. Ее реализация подразумевает поддержание определенного профессионального, отраслевого и квалификационного состава трудовых ресурсов и обеспечение мобильности тру-

довых ресурсов на адекватном запросам производства уровне;

- стимулирующая. Предполагает формирование эффективной системы стимулирования трудовой активности разных профессиональных групп. Позволяет через увеличение совокупного трудового вклада достигать наиболее полной реализации трудового потенциала личности;

- интеграционная. Обеспечивает единство интересов разных социальных и статусных групп в системе экономических отношений;

- инновационная. Она может быть в разной степени ориентированной на внедрение научных достижений в производство товаров и услуг, и даже тормозить научно-технический прогресс в целом.

Буржуазные революции середины XIX столетия в странах Европы расчистили общественные отношения от пут средневекового феодализма: отменили сословные и родовые привилегии дворянства, патриархальные экономические отношения, основанные на личной зависимости и физическом принуждении к труду, существенно сократили долю мелкотоварного и ремесленного производства в экономике. С переходом к капитализму заметно ускоряются темпы роста производительных сил, сокращаются сроки внедрения научно-технических достижений, растут объемы производства, вместе с утверждением в производственных отношениях экономического принуждения как основного средства привлечения к труду, появляются наемные

работники, рабочий класс. Соответствующие изменения происходят в культуре и системе образования. По мере концентрации власти и собственности в руках буржуазии положение других социальных групп и классов общества становится более шатким, им приходится отстаивать свои политические и экономические права, создавая политические партии и профсоюзы. В этой ситуации правящему классу приходится поступаться частью своих завоеваний, идти на уступки и компромиссы в целях сохранения своего status quo, двигаться по пути дальнейшей демократизации общества. Все эти трансформации ведут к формированию нового типа социально-классовой структуры, основу которой образуют представители крупного капитала, интеллектуалы, мелкая буржуазия и рабочий класс.

Как уже говорилось, Февральская революция 1917 года в России также по своему характеру была буржуазно-демократической. В ее основе наряду с организационной беспомощностью правящей династии, проявившейся в министерской чехарде, неудачном подборе военачальников, неспособности обеспечить надлежащий контроль за положением дел в стране, лежало недовольство крупной буржуазии и обнищание народных масс. Ее лозунги были также понятны всем: «Долой войну», «Долой самодержавие», «Хлеба». Однако в отличие от Великой французской революции, плодами которой воспользовалась буржуазия, ее результаты обратили себе на пользу радикальные полити-

ческие силы, воспользовавшиеся нерешительностью Временного правительства и пришедшие к власти в октябре 1917 года. Они взяли на вооружение лозунги отложенных и нерешенных проблем, отражавших чаяния широких народных масс: «Долой войну», «Землю – крестьянам», «Фабрики – рабочим». Октябрьская революция 1917 года в России получила название социалистической.

Обратимся к истории вопроса. По замыслу идеологов марксизма, социалистической революции должен был предшествовать достаточно длительный период пролетарской трансформации от «класса в себе» в «класс для себя». Формирование пролетариата в качестве «класса в себе» происходит, по замыслу идеологов марксизма, естественно – историческим путем по мере внедрения общественного разделения труда в фабричное производство складываются разные профессиональные группы рабочих. Характер и содержание выполняемых производственных функций приучает рабочих к подчинению технологической дисциплине, соблюдению правил техники безопасности, а получаемые навыки и знания расширяют не только производственные, но социальные возможности. Освоив технологические тонкости производственного процесса, рабочие получают возможность оценить и понять свою роль в производстве общественных благ, материального богатства, оценить несправедливость его распределения в отношении своего класса, становятся способными к ор-

ганизованному отстаиванию своих экономических интересов. Следствием данной трансформации становится формирование массового профсоюзного движения.

Более сложный путь должен пройти пролетариат, чтобы трансформироваться в «класс для себя». Для реализации исторической миссии – организатора социальной революции и создания нового пролетарского государства – рабочему классу требовалась разработка программы действий. Для этого, по замыслу теоретиков марксизма, требовалась особая сила – коммунистическая партия. Именно внедрение и распространение коммунистической идеологии в среде рабочих делает их протестные выступления против всевластия промышленного капитала и финансовой олигархии наполненными историческим смыслом и открывает перспективы построения действительно социально справедливого общества, целью которого будет создание условий для всестороннего и гармоничного развития личности.

Карл Маркс так определил свой вклад в теорию классов: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве: 1) Что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) Что классовая борьба неминуемо ведет к диктатуре пролетариата; 3) Что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [4, с. 427].

Однако, если рабочий класс активно участвовал в экономической

борьбе, то предложения включиться в политическую борьбу в качестве творца нового мира и уклада жизни его представители, как правило, отклоняли.

В истории известны лишь несколько представителей рабочего класса, которые самостоятельно пытались осмыслить место и роль рабочего класса в системе общественных отношений. Это были сапожник Яков Бем, портной Вильгельм Вейтлинг, наборщик Жозеф Прудон, кожевник Иосиф Дицген.

После революции в российском обществе установилась не диктатура пролетариата, а диктатура политической партии, у руля которой встали радикально настроенные интеллектуалы. Под вывеской пролетарского государства В. И. Ленин и его преемники создали репрессивный аппарат. В задачи которого на первых этапах входило: подавление сопротивления свергнутых классов, гражданская война, нейтрализация мелкой буржуазии, использование буржуазных специалистов, воспитание новой дисциплины.

В результате проводимой таким образом социальной политики в период с осени 1917 г. к началу 1922 г. численность населения России сократилась на 13 млн человек [14, с. 265]. Однако при характеристике населения страны следует исходить не только из количественного, но качественного его состава. П. А. Сорокин определяет качество населения как генофонд страны. С этой точки зрения, депопуляция населения ведет не

только к демографической, но и генетической катастрофе. Достаточно вспомнить «философский пароход», который существенно обеднил интеллектуальный потенциал России.

Позже был создан механизм планирования новой социальной структуры общества, который включал в себя:

- прямое уничтожение ряда социальных групп в лице зажиточного крестьянства (кулаки, середняки), буржуазных и военных специалистов, партийных работников, критикующих генеральную линию правящей партии;

- ликвидацию ряда социальных ролей, не стыкующихся с государственной формой собственности: предприниматели, коммерсанты, торговцы;

- создание системы номенклатуры, отбираемой по диктуемым сверху критериям, главный из которых – идеологическая преданность.

На деле это обернулось миллионами человеческих жертв, уничтожением интеллектуальной элиты общества, обнищанием населения, управлением экономикой административными методами. Формируемая такими методами социально-классовая структура общества не в состоянии была выполнять свои главные функции, тормозя полноценное развитие и функционирование общества, обреченного, вопреки энтузиазму строителей нового мира, на прозябание и застой.

Вот что писал об обстановке в стране старший механик на станции «Москва» Казанской железной дороги Е. Н. Николаев в своем дневнике

17 января 1936 г.: «То и дело слышишь, что всюду идут обыски, аресты, суды, все суды переполнены людьми, которых судят за то, что бы ранее только поощряли. Все тюрьмы переполнены. Все дорого, недоброкачественно и почти ничего нет, что составляет первую необходимость» [2, с. 56]. Позже, в январе 1938 г., автор этих строк был приговорен к расстрелу.

Всего за 1937 и 1938 гг. было арестовано 1 372 392 человека, из них расстреляно 681 692 человека, в том числе по решениям внесудебных органов 631 897 человек.

Массовые расстрелы, хотя и шли на убыль, продолжались вплоть до смерти И. В. Сталина. Так, в 1941 – 1945 гг. было арестовано 690 843 человека, в 1946 – 1952 гг. – 385 720 человек, всего же за эти 12 лет было арестовано 1 076 563 человека, из них расстреляно 59 653 человека [5, с. 120].

И хотя исполнители этих приговоров в лице сотрудников ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ и сами становились жертвами политических репрессий, они свято следовали правилу, сформулированному их коллегами в далеком 1918 году: «Пойман опасный прохвост. Извлечь из него все что можно, и отправить на тот свет» [13, с. 62].

Взятый XX съездом КПСС курс на пересмотр и реабилитацию невинно осужденных позволил вернуться из мест заключения тысячам советских граждан. С 1954 по 1961 гг. судебными органами были реабилитированы 721 538 человек, многие из них по-смертно. Большая же часть возбуж-

денных аналогичных судебных дел ввиду отсутствия жалоб и заявлений не была пересмотрена [5, с. 121].

Позже, в период строительства так называемого развитого социализма, массовые репрессии были заменены гонениями на неблагонадежных граждан из числа творческой интеллигенции, ученых. Одних клеймили как антисоветчиков и создавали препоны для занятий профессиональной деятельностью, других объявляли психически неустойчивыми личностями и помещали в закрытые лечебные заведения.

В совокупности все эти методы борьбы за утверждение лояльности к новой власти и социальному порядку истончили слой активных и интеллектуально развитых социальных групп, способных к творчеству и инновациям. Сформировали, с одной стороны, послушных, готовых поддержать любые социальные перемены в своей судьбе и своих близких, а с другой – особый слой неприкасаемых, уверенных в своем праве решать судьбы других людей и вытекающих из этого права особых привилегиях на власть и сытую жизнь.

Создание новой социально-классовой структуры особенно болезненным оказалось для крестьянства. Курс на коллективизацию сельскохозяйственного производства, которое до революции носило мелкотоварный характер, взятый XV съездом ВКП(б), лишил этот класс прав на средства производства, в первую очередь на землю. На первых порах это решение крестьянами рассматривалось как акт о намерениях, требующих их

свободного волеизъявления. Однако после выхода 7 ноября 1929 г. в газете «Правда» статьи И. В. Сталина «Год Великого перелома» в стране был взят курс на сплошную коллективизацию, ликвидацию кулачества (зажиточного крестьянства) как класса. Эта политика продолжалась вплоть до 1940-х гг. Колхозы и совхозы создавались форсированными темпами с применением насилия по отношению к владельцам сельских домохозяйств, нередко путем репрессий. Последствия этой политики были ужасающими: сокращение поголовья скота, резкое падение производительности труда, культуры сельскохозяйственного производства. В 1932 – 1935 гг. партийный курс на построение колхозно-кооперативных устоев сельскохозяйственного производства обернулся затяжным голодом на Украине, Северном Кавказе, в республиках Поволжья. Перепись населения, проведенная в январе 1937 г., показала естественную убыль населения в ряде традиционно сельскохозяйственных территорий страны с высоким процентом выселенных за их пределы кулацких элементов. Речь идет о таких сельскохозяйственных областях, как: Украина (кроме Донбасса), Казахстан, Курская и Саратовская области, АССР немцев Поволжья, Куйбышевская область, Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, отчасти Воронежская и Сталинградская области, в которых сопротивление кулачества проведению коллективизации было наиболее ожесточенным и острым [12, с. 11].

Параллельно в СССР высокими темпами осуществлялась индустриализация. С одной стороны, это привело к миграции миллионов сельских жителей в город, с другой – перед властью встала проблема обеспечения новых горожан работой. Возникло колоссальное социальное перенапряжение. При этом отток сельских жителей в город привел к ослаблению возможностей села в решении продовольственной проблемы. Руководству страны приходилось вводить новые ограничения в целях ослабления последствий принятого экономического курса развития.

Вплоть до 1960-х гг. в каждом сельском подворье учитывался домашний скот, птица, с последующим налогообложением сверхнормативных излишков. Кроме того, до 1974 г. жители сельской местности не имели на руках паспортов, их поездки в город или любую другую местность носили не только эпизодический, но и уведомительный характер, т. е. контролировались местной властью. Иными словами, в отношении колхозного крестьянства нелегитимно был введен ценз оседлости.

Существовал он и для других слоев и классов общества, может, и не в такой явной форме, в силу существования института прописки. Данный феномен серьезно ограничивал социальную мобильность в обществе. Если бы не система высшего профессионального образования, в том числе партийного, и комсомольские стройки, то ее и вовсе бы не было.

В первую очередь это было связано с социальными ограничения-

ми. С одной стороны, социальные ограничения были вызваны объективно существующей в обществе территориальной, социально-демографической и статусной структурой населения. В целом они вели к такому распределению статусов и ролей между отдельными личностями и группами, которое минимизировало общие результаты их жизнедеятельности, мешало реализации индивидуальных способностей, не поощряло развитие социально значимых и полезных видов деятельности. С другой стороны, идеологические ограничения, воплощенные в ограничениях более низшего порядка (в политико-управленческих, правовых и информационно-образовательных), вели к укреплению позиций административно-номенклатурной системы, узурпирующей властные полномочия от имени народа, коммунистической партии, общественных организаций, профессиональных союзов, требуя от граждан страны одного – лояльности к себе и своим решениям.

Деформация социально-классовой структуры в СССР затронула и социально-трудовые отношения. В организации производственной жизни предприятий и учреждений страны укоренился номенклатурный бюрократизм. Он создавал серьезные препоны для профессиональной самореализации и карьерного роста работников, такие как: обязательное требование к претендентам на занятие руководящих и более высоких должностей членства в КПСС; необходимость прохождения процедуры персонального подтверждения своей

квалификации в партийных органах, предшествующего занятию рабочих мест рядом категорий специалистов; неприкрытый антисемитизм. Все это вместе вело к сдерживанию профессиональной мобильности, снижало эффективность функционирования социальной структуры организаций. Не снимали этих проблем и профсоюзы, следовавшие в своей деятельности партийным интересам в ущерб правам и интересам своих членов.

В конце концов барьеры, выставляемые политикой партийной номенклатуры от имени общенародного государства, загнали активное ядро социальной структуры общества в подполье. К середине 70-х гг. XX века в СССР повсюду процветали такие явления, как теневой бизнес, сетевые содружества, разделяющие общество на «своих» и «чужих», закрытые распределители и магазины для избранных, двойные моральные стандарты на всех уровнях общественной организации; коррупция.

Главным признаком развитой социально-классовой структуры является ее вертикальное построение на основе легитимной системы социального равенства данного общества. Слабость официально пропагандируемой в СССР теории классов, которая сводится к тезису о том, что при социализме существуют два неантагонистических класса: рабочий класс и трудовое крестьянство, и народная интеллигенция в качестве социального слоя, заключается в представлении социально-классовой структуры общества как социально однородной

при полном отсутствии разности интересов и противоречий. Это лишало социально-классовую структуру общества ее главного достоинства – вертикального построения, порождая эгалитаризм и социальную апатию, привело к застою в экономике, отрыву политической элиты от реальных запросов социальных групп и классов общества, отсутствию социальной мобильности. Таким образом, был сформирован принципиально новый тип личности, которую отличали повышенная внушаемость, патернализм, сбои в механизмах адаптации и саморегулировании.

При этом с каждой последующей послевоенной пятилеткой по мере погружения правящей элиты в консерватизм, мешающий адекватно реагировать на социально-политические изменения, нарушающий общественную устойчивость, увеличивался протестный потенциал советских людей, адекватно воспринимающих кризис власти, наиболее явно проявившийся к середине 80-х гг. прошлого века.

Советский исследователь И. И. Антонович, обобщая эти изменения, констатирует: «Отставание институтов власти, политической культуры и практики от научно-технических и других изменений в базисных структурах общества происходит от стремления людей к социальной справедливости, адекватной оплате труда, к качеству жизни, не унижающему достоинства личности» [1, с. 19].

Безусловно, у советских людей были свои рецепты решения нако-

пившихся в обществе проблем. Нельзя забывать про высокий образовательный уровень населения СССР, сформированный благодаря советской системе образования. Она была заточена на решение грандиозных экономических задач, требующих квалифицированных и профессиональных исполнителей. Созданная в СССР система общего, профессионального и высшего образования была одной из передовых в мире. Из страны с малограмотным населением она превратилась в страну всеобщей грамотности. В СССР была создана уникальная система подготовки квалифицированных рабочих кадров, высокообразованных специалистов. Обратимся к цифрам: в период с 1897 по 1914 гг. в эпоху расцвета Российской империи, по расчетам М. Н. Руткевича, индекс образования населения* составлял 0,08; в 1960 г. в СССР этот показатель был равен 0,16, в 1970 г. – 0,24, в 1974-м – 0,27, в 1989-м – 0,33 [9, с. 27; 39].

Неистребимой для руководящей элиты СССР оказалась бедность части населения страны, строящей бесклассовое общество. Так, на долю «бедных», малообеспеченных людей от общей численности населения приходилось в 1960-е гг. – 29,6 %; на конец 1970-х гг. – 32,1 %; на конец

1980-х гг. – 30,7 % [7, с. 34]. Проблемы бедных людей заключаются не только и не столько в уровне доходов, сколько в отличном от других групп населения образе жизни, исключении возможности получить качественное профессиональное образование, интересной и насыщенной культурной жизни, достойно оплачиваемой работы.

В социологической науке в 1990-е гг. появились термины «плавающая» и «устойчивая» бедность. Если «плавающая» бедность предполагает преодоление социальной инерции среды и некое повышение экономического статуса личности, то «устойчивая» бедность, по мнению ученых, предполагает воспроизводство бедности в новом поколении. Иными словами бедный воспроизводил бедного.

Бесспорно, шоковая терапия 1990-х гг. усугубила проблему обнищания населения, тогда бедной стала вся страна. Однако бесспорен и тот факт, что бедность как наследие царского режима не смогли преодолеть идеологи и строители коммунизма, приведя страну в идеологический тупик и экономический упадок. И с этим наследием российским ученым и политикам приходится считаться.

* Расчет индекса образования населения строится из учета следующих показателей: 1) уровня образованности населения в активном, рабочем возрасте от 20 до 50 лет; 2) численности студентов на 1 000 чел. населения; 3) расходов на содержание системы образования и обучения учащихся из разных источников в процентах к ВВП страны.

Библиографические ссылки:

1. Антонович А. А. Социодинамика власти // СОЦИС. 1989. № 4. С. 18 – 24.
2. Исчез человек и нет его, куда девался – никто не знает. Из конфискованного дневника // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1993. № 4. С. 46 – 62.
3. Ленин В. И. Крах II Интернационала // Ленин В. И. ПСС. 5 изд. Т. 26. С. 218.
4. Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 426 – 427.
5. Массовые репрессии оправданы быть не могут // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995. № 1. С. 117 – 132.
6. Мы ждали Учредительное собрание как светлое Христово воскресение // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995. № 1. С. 42 – 44.
7. Римащевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // СОЦИС. 2004. № 4. С. 33 – 44.
8. Россия в первой мировой войне. Февральская буржуазно-демократическая революция // Краткая история СССР. Ч. первая. Гл. XI. М.-Л., 1963. С. 481 – 500.
9. Руткевич М.Н. Образованность населения России конца XIX – начала XXI века. М., 2007. С. 27 – 39.
10. Рывкина Р. В. Социальная структура обществ как регулятор развития экономики // Экономическая социология и перестройка. М., 1989. С. 69 – 90.
11. Сорокин П. А. Революция и социология // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М., 1992. С. 221 – 295.
12. Поляков Ю. А., В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 г. // СОЦИС. 1990. № 6. С. 3 – 25.
13. Почему вы миндальничаете // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1993. № 2. С. 62.
14. Триодин В. Е. П. Сорокин о влиянии войн и революций на поведение человека // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени : материалы междунар. науч. симп. 4 – 6 февр. 1999 г. М.-СПб. М., 2000. С. 265 – 267.

REVOLUTION AS A FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION

This article discusses the configuration of the social-class structure of society under the influence of radical, revolutionary impacts on the social institutions in the 19th–20th centuries. Special attention is given to the formation of new social structures and their implications for socio-economic and political development of the Russian society after the October revolution of 1917.

Keywords: revolution, disruption of government, social institutions, social-class structure of society, social mobility, social control, political party, dictatorship of the proletariat, depopulation, egalitarianism, social apathy, "stubborn poverty".

УДК 316.2

А. Е. Еремеев

**ЕВРАЗИЙСКИЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСА
О ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЕ РОССИИ**

В статье рассматриваются социально-философские идеи классического евразийства, вызванного к жизни революционными событиями 1917 года. Представлены в обобщенном виде размышления евразийцев о судьбе России, русском народе и его месте в мировой истории. Описывается генеалогия евразийской мысли. Рассматриваются понятия «месторазвитие» как результат взаимовлияния природной и социокультурной среды и «Евразия» как особая часть света, не сводимая к Европе и Азии. Автор подчеркивает особый взгляд евразийцев на русскую культуру как культуру, синтезировавшую европейские и азиатские элементы, где последние представлены в качестве доминирующей стороны.

Ключевые слова: евразийство, «месторазвитие», синтез Европы и Азии, судьба России.

Великая октябрьская социалистическая революция, бесспорно, является эпохальным событием, оказавшим колоссальное влияние на последующие исторические события как в России, так и мире в целом. Одним из ее итогов оказалась вынужденная эмиграция значительной части первого сословия. Часть эмигран-

тов обосновалась в Китае и Америке, но в основном новым домом для русских дворян стали страны Западной Европы.

Русская эмиграция была эмиграцией политической, однако в ней абсолютно отсутствовало единство. Деятельность эмиграции выражалась главным образом в словах, она поро-

дила разнообразные периодические издания и бурную дискуссию относительно итогов революции и дальнейших перспектив развития России.

Именно тогда среди эмигрантской интеллигенции возникает сменовеховское течение во главе с Н. В. Устряловым¹, что вызвало бурные дискуссии и имело значительный общественный резонанс, а также в значительной мере способствовало появлению новых идеологических течений, осмысливающих сложившуюся ситуацию и исторические перспективы с новых теоретических позиций. При обсуждении пути, на который вступило российское общество, и зародились социологические концепции сменовеховцев и евразийцев. Необычность и уникальность общественно-политической ситуации после русских революций и как следствие установление нового общественного строя требовали принципиально новых подходов для ее объяснения. Тем не менее евразийцев нельзя считать формальными продолжателями или подражателями сменовеховства. Евразийцы говорили о необходимости установления принципиально нового общественного устройства, в основе которого должны лежать культурные евразийские идеалы и принципы православия.

¹ Название всему движению дал вышедший в Праге в июле 1921 г. сборник «Смена вех». Авторами данного издания помимо Н. В. Устрялова выступили бывший министр колчаковского правительства Ю. В. Ключников, октябрист А. В. Бобрищев-Пушкин, микробиолог С. С. Чахотин и ряд других влиятельных деятелей.

В идеологическом плане евразийство доводило до логического конца идею особой миссии эмиграции, размышляло о национальной истории, судьбе православия в России, последствиях революции. Такая ситуация требовала системного, многоаспектного подхода, и именно благодаря «пестрому» составу участников евразийства, представлявших широкий спектр научных дисциплин, и стал возможен данный проект. Евразийство смогло объединить вокруг себя высокообразованных интеллектуалов, интересы и специализация которых были различны: экономическая география (П. Н. Савицкий), этнография (Н. С. Трубецкой), языкознание (Р. О. Якобсон), философия (Л. П. Карсавин), история (Г. В. Вернадский, М. В. Шахматов), религия (Г. В. Флоровский), востоковедение (В. П. Никитин). Несмотря на различия между учеными, совокупность их интеллектуальной деятельности, когда они выступали как евразийцы, составляла одно логическое единство, а не разрозненную сумму знаний. Большинство евразийцев принадлежало к поколению 1880 – 1890 гг., сформировавшихся как личности в России, Санкт-Петербурге, в академической среде.

Историю евразийского движения можно разделить на три этапа: период его основания (1921 – 1925 гг., Прага), период наибольшей продуктивности и углубления теории (1926 – 1929 гг., Париж и Берлин) и теоретическое и организационное ослабление (с 1930 г.). В 1921 г. в Софии вышел в свет первый евразий-

ский сборник «Исход к Востоку», который стал настоящим манифестом, объявляющем о начале новой эпохи в осмыслении русской самобытности и размышлений о будущем Советской России. Еще до учреждения собственно движения была опубликована работа князя Н. С. Трубецкого «Европа и человечество», в момент выхода которой он еще не призывал к евразийскому единству. Издания евразийцев составляли: 10 номеров сборника «Евразийский временник», выходившие раз в два года; 13 номеров «Евразийской хроники», которые издавались в течение десятилетия; работы отдельных авторов, главным образом тех, кто стоял во главе движения. Редакционные статьи евразийского толка публиковались в «Евразийском временнике» и «Евразийской хронике». Евразийцы также выпустили сборник «Россия и латинство» и многочисленные пропагандистские брошюры (например, «Евразийство: Опыт систематического изложения»). На страницах евразийских изданий публиковались отчеты о чтениях и конференциях, проходивших в Париже, Праге, Брюсселе и Белграде. Евразийцы участвовали в публикациях журнала «Версты», который можно рассматривать как очень активную литературную форму выражения идей евразийства. По-настоящему литературных статей, посвященных евразийству, насчитывалось немного, в основном все они были напечатаны в еженедельнике «Евразия», в каждом печатном номере которого был предусмотрен раздел литературы и искусства.

Необходимость занять определенную позицию по отношению к революции приводила к расколу внутри движения. Некоторые евразийцы приняли советский строй, что ускорило раскол движения на две ветви – пражскую (П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой) и парижскую, сближившуюся с новым строем. В более широком смысле раскол выражал две тенденции в евразийстве: одни обращались к вопросам философского и религиозного характера, призывая к исключительно интеллектуальной, литературной форме евразийства; другие обращались к актуальным политическим проблемам, выступали за развитие идеологической формы деятельности.

Евразийство не могло зародиться само по себе, оно имело внутреннюю историю и вписывалось в широкий интеллектуальный и социальный контекст. Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления, которое восходит к 30 – 40-м гг. XIX в., когда начали свою деятельность славянофилы. К предшественникам славянофильских и евразийских идей можно отнести идеи, родившиеся в русском сознании после падения Царьграда, где Россия предстает защитником православия и продолжателем византийского культурного преемства – в частности, известную работу монаха Псковского Елизарова монастыря Филофея «Москва – третий Рим».

На развитие евразийской теории культуры оказали существенное

влияние идеи Н. Я. Данилевского [5] о культурно-исторических типах и его последователя К. Н. Леонтьева [13]. Данилевский указывал на необходимость создания благоприятных условий, культурных и геополитических, для нового славянского типа, подчеркивая значимость национальных чувств и «исторического воспитания» (сплачивание зависимых народов, подчинение частных интересов общим). Определяющими же для евразийцев стали «поправки» К. Н. Леонтьева о том, что культурные типы не связаны с одним этносом, что в какой-то исторический период человечество легко может смешиваться в один общий культурный тип. В своих работах он также подчеркивал, что Россия – это мир особой жизни, принимая во внимание и «туранскую примесь» в этом особом культурном типе. По мнению Г. В. Флоровского, именно «социология, какова бы она ни была, не может обосновать творческих предчувствий, – она лишь раскрывает возможность рождения «новых» культур, возможность вечно обновляющейся культуры сверх быта. И все русские провидцы, утверждая русское или славянское будущее, имели перед своими духовными очами вполне четкий образ грядущего культурного типа» [18, с. 427].

Несомненное влияние на развитие социологических взглядов евразийцев оказали работы Г. П. Федотова, которые были посвящены поиску путей социального и культурного возрождения России и пронизаны тревогой за судьбу русской культуры. Как и евразийцы, он считал, что За-

пад потерял самое ценное, что у него было, – личность, она растворилась. По его словам, культура – «это сгустки накопленных ценностей», «та кожа, которая сдерживает в человеке зверя». Одним из способов «сдирания» культурного слоя стало быстрое приобщение масс к цивилизации в ее поверхностных слоях – технике и науке. Г. П. Федотова и евразийцев объединял также взгляд на Петровскую эпоху, при которой рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной. Как и евразийцы, он считал, что западничество содержание идеалов русской общественности приводило к болезни антинационализма.

Для федотовской социологии характерна ориентация на творческую личность, на интеллигенцию и многообразие ее социокультурных функций. В его размышлениях о судьбе интеллигенции звучат евразийские мотивы: в работе «Будет ли существовать Россия?» он подчеркивает, что сознание интеллигенции должно быть «одновременно великорусским, русским и российским». Ориентация только на Запад может оказаться губительной для России, это противоречит исторически сложившейся цивилизационной специфике России. Выводы его работы «Проблемы будущей России» соотносятся со взглядами евразийцев: «многонациональность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу», «Россия не может равняться с Францией или Германией: у нее особое призвание. Россия – не нация, но целый мир. Не

разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет как Россия».² Евразийцев и Г. П. Федотова сближали взгляды на историю, судьбу русской, российской культуры, антизападничество.

Социально-философский аспект евразийской культуры включал в себя также такие проблемы, решаемые Г. П. Федотовым, как роль духовной культуры в процессе социального развития, национальное самопознание, национальная идентичность, этносоциальные основы культуры, пути культурного возрождения. Евразийцами, как и Г. П. Федотовым, была поставлена проблема социально-культурного возрождения России. Они полагали, что должно быть стыдно за русских людей, так как им приходится узнавать о русской культуре от О. Шпенглера.

Отвергая безапелляционный авторитет европейской культуры, евразийцы заявляли, что русская национальная культура немыслима без православия, признавая при этом только такую монархию, которая явилась бы органическим следствием национальной культуры. Отрицательное отношение евразийцев к императорской власти иногда порождало ошибочное отождествление их с революционным народничеством, которому будущая Россия мыслилась как демократическая республика с

парламентаризмом, с отделением церкви от государства. Тем не менее народники обходили молчанием народную покорность воле Божией, идеализацию царской власти, духовные стихи, набожность, обрядовое исповедничество – именно те черты, сообщающие народному фундаменту устойчивость с точки зрения национальной культуры. Сущность расхождения евразийства с народниками лежит именно в религиозной области.

Евразийцы чувствовали себя продолжателями идеологии славянофилов и примыкающих к ним течений. Однако, с точки зрения евразийцев, славянофилы, обращавшие внимание именно на славянство как определяющее культурно-историческое своеобразие России, при этом обращались к Византии, понимая, что особенность России не может определяться исключительно принадлежностью к славянскому миру. Евразийцы, соглашаясь с недостаточностью «славянства», обратили свой взор на Восток, видя источником русского своеобразия сочетание европейских и азиатско-азиатских элементов, выставляя последние как одну из сильных сторон русской культуры.

Любое государство определяется территорией, на которую распространяется его власть. Евразийцы считали, что существует органическая связь между географической территорией, спецификой развития каждой культуры и народами, живущими на этой территории. Для обозначения данной связи ими вводится

² См. статьи «О национальном покаянии», «Революция идей», «Будет ли существовать Россия?», «Проблемы будущей России», «Письма о русской культуре» / Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005.

понятие «месторазвитие». Основной геополитический тезис евразийцев заключается в том, что Россия – ни Азия ни Европа и, следовательно, нет европейской и азиатской России, а есть части, лежащие к западу и к востоку от Урала, так же как есть части, лежащие к западу и востоку от Енисея. Русское евразийство стало обозначать термином «Евразия» не европео-азиатское единство, а срединное пространство, структурная целостность которого объясняется через саму эту целостность, через ее внутренние составляющие, а не через взаимодействие с внешней средой.

В направлении широты пространство Евразии можно разделить на длинные параллельные полосы («зоны»), тянущиеся с запада на восток:

1) безлесная тундра, пролегающая вдоль побережья Ледовитого океана;

2) лесная зона – от Южных Карпат по линии городов Киев, Казань, Тюмень, а оттуда – к Алтаю и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь;

3) степная зона – к югу от границы лесов;

4) зона безлесных пустынь аралокаспийских и монгольских.

В меридиональном направлении вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек. В этом пересечении рождалось почти геометрическое тело Евразии. Основу Евразии составляет степь, занимающая центральное геополитическое положение и делающая ее точкой пересечения культур. К тому же степь

порождала определенный весьма ценный евразийцами психический уклад у обитающих там кочевых народов. По сравнению с миром оседлости, порождающим раболепство, основанное на страхе и материальном благосостоянии, – туранская психика отличается храбростью, силой, мужественностью, – полагали евразийцы.

Очевидно, что территория влияет на события и на людей, изменяет их, придает им смысл и, что имеет большое значение, соединяет между собой элементы разного происхождения. Здесь, безусловно, просматривается некий географический детерминизм евразийцев, но он призван не возвеличить территориальный фактор над другими, а доказать существование родственных связей между различными народами и их представлениями о своем «месте» в мире, о своей судьбе, своем предназначении. Территория, влияя на населяющих ее людей, преобразуется сама под их воздействием, сплетает их вместе, создавая общность судьбы населяющих ее народов. Таким образом, «месторазвитие» рождается из взаимного влияния природной и социокультурной среды.

Евразийцы всегда подчеркивали религиозные основы своего движения, представляя его как православную идеологию. Для них православие являлось духовной основой России. Евразийцы полагали, что христианство призвано положить конец борьбе за первенство между Востоком и Западом, слить воедино принципы этих абсолютных проти-

воположностей. Однако данное представление касалось преимущественно восточного христианства. Католицизм критиковался как отступник от универсального пути, погрязший в юридическом формализме, бюрократии и многовековых политических интригах.

Исходя из постулата о существовании Евразии как географической индивидуальности, евразийцы ставили перед собой задачу огосударствления этого пространства. Развивая популярную идею представителей европейской школы географической социологии (Ф. Ратцель, К. Риттер, Х. Маккиндер, А. Мэхен) об историческом противоборстве «теллуократии» (власть над сушей) и «талассократии» (власть над морем), П. Н. Савицкий разрабатывал теорию двух моделей империи: континентальную и морскую (морское пространство ассоциировалось с парламентскими демократиями, а континентальное пространство – с авторитарными режимами). Геополитическая миссия Евразии, по мнению П. Н. Савицкого, заключается в объединении принципов морской и континентальной моделей империи.

Еще один аргумент, развиваемый евразийцами для подтверждения существования и единства Евразии, – это культурное сходство между евразийскими народами. Для того чтобы образовать самостоятельный континент, Россия должна быть государством, основанным на характерных особенностях, общих для всех населяющих ее народов. Языкозна-

ние и этнология использовались для доказательства евразийского единства. Культуры отдельных соседствующих друг с другом народов имеют целый ряд черт, сходных между собой. Благодаря этому среди данных культур обозначаются известные культурно-исторические зоны (зона мусульманской, индостанской, китайской, тихоокеанской, степной, арктической культур). Границы всех этих зон взаимно перекрещиваются, так что образуются культуры смешанного, или переходного, типа. При кажущемся разнообразии отдельные национальные культуры, сохраняя свое неповторимое индивидуальное своеобразие, представляют в своей совокупности непрерывное гармоническое единство целого.

История классического, эмигрантского евразийства, строго говоря, закончилась в 30-х гг. XX в. Следующим большим этапом в эволюции этого течения было евразийство Л. Н. Гумилева, которое, конечно, представляло собой сугубо научно-исследовательский проект и не имело политических приложений, что было и невозможно в условиях СССР. Л. Н. Гумилев, доктор географических и исторических наук, переосмыслил историю нашей страны, опираясь на взгляды своих предшественников, и создал собственную историческую школу. «Меня называют евразийцем – и я не отказываюсь. Это была мощная историческая школа» [12], – сказал в одном из своих интервью Л. Н. Гумилев. Он родился в семье известного поэта Н. С. Гумилева и поэтессы А. А. Ахма-

товой, что не могло не сказаться на изложении его научных воззрений. Генеральная идея концепции евразийства Гумилева в том, что «Евразия – это не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре его суперэтнос с тем же названием. Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса. Объединенной Евразии во главе с Россией традиционно противостояли: на западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на юге – мусульманский мир» [11, с. 12].

Согласно его теории историю России можно разделить на два периода – Киевский и Московский. В XIII веке, по Гумилеву, Киевская Русь распалась на мелкие непрерывно воюющие друг с другом княжества, вследствие отсутствия общенациональной сплачивающей идеи неумолимо стремящиеся к окончательной гибели. Москва же не продолжила киевских традиций и в конце XIV – начале XV века возник новый русский этнос на основе слияния славян, татар, литовцев и финно-угорских народов, который стремился любой ценой сохранить свою самобытность

и политическую независимость. Провозвестником данного вектора развития был Александр Невский, который уже тогда предпочел союз с Ордой, сохранив тем самым духовную самобытность своего народа. Правильность такого решения, по мнению Л. Н. Гумилева, доказала судьба юго-западных русских земель, попавших в итоге под влияние Запада. Они не смогли отстоять свою самостоятельность, русское население подвергалось постоянным гонениям, национально-освободительное движение на Украине жестоко подавлялось католической Польшей при поддержке других западных стран. Таким образом, наше государство будет занимать достойное место только в случае единства страны, возникшей на огромной территории от Балтийского моря и Карпат до Тихого океана.

Л. Н. Гумилев не ограничился лишь популяризацией идей евразийства, им создана теория этногенеза с ее ключевым звеном – учением о пассионарности и ее носителях – пассионариях. Конечно, воззрения Л. Н. Гумилева – это далеко не традиционный географический детерминизм, а очень сложная система, в которой взаимодействуют не локальные объекты, а Космос и биосфера Земли в целом. Тем не менее в учении Л. Н. Гумилева имеются существенные расхождения с «классиками» евразийства: в его работах отсутствует понятие культурно-исторического типа, т. е. цивилизации, которая бы объединяла несколько этносов общим культурным полем; вместо этого он вводит понятие

суперэтнуса, т. е. конгломерата близкородственных этносов. По Гумилеву, в России в отличие от Европы не один, а семь суперэтносов, которые в конечном счете объединились под началом одного – русского: «Создание русским этносом из Московского княжества российской державы можно объяснить... высокой пассионарностью русского народа, которая позволила ему освоить необходимое жизненное пространство и навязать свою волю другим народам Евразии» [3, с. 158].

С началом перестройки появляется интерес к евразийству, выходят статьи, а потом и книги самих евразийцев, их критиков, сторонников, проходят евразийские конференции, возникают евразийские издания и группы. Начинается третья стадия в эволюции евразийства – неоевразийство. Из среды естественнонаучной интеллигенции в начале 90-х гг. XX в. выделяется ряд мыслителей, симпатизирующих творчеству Л. Н. Гумилева, которые впоследствии образовали новое течение. Начинают выходить отдельные работы Л. Н. Гумилева в соавторстве с его учениками – К. П. Ивановым и В. Ю. Ермолаевым. С 1998 г. интернет-сайт Gumilevica становится центром публицистической пропаганды идей «гумилевского» евразийства, а с 2002 г. начинает выходить интернет-журнал «Евразийский вестник». Издание ставило своей целью, прежде всего, популяризацию среди широких слоев населения учения Л. Н. Гумилева, не исключая также возможности создания на основе данной концепции

национально-государственной идеологии самобытного развития России.

Евразийство последователей Гумилева отличает попытка адаптации теории этногенеза и пассионарности к идеям евразийства 1920-х гг. Так, один главный редактор «Евразийского вестника» И. С. Шишкин говорит о том, что учение Л. Н. Гумилева – высший этап в развитии евразийских идей, которое превратило евразийство в целостную научную теорию и на основе которой можно и нужно создавать национально-государственную идеологию, в полной мере учитывающую интересы как русского, так и других коренных народов России. Однако среди последователей Гумилева имеются разногласия и касаются они в основном теории пассионарности и возраста русского этноса. Так, Д. М. Балашов и В. Ю. Ермолаев считают, что мы живем в фазу надлома, за которой должна последовать инерционная фаза (наиболее благоприятная фаза, в которой этнос достигает наиболее высокого культурного уровня, обретает стабильность). М. И. Коваленко и С. Б. Лавров считают, что мы живем в фазе обскурации (фаза при которой гибнет этнос как системная целостность вследствие серий резких изменений уровня пассионарности). В. А. Мичурин же полагает, что Россия еще находится в фазе надлома, но уже выходит из нее. Все эти рассуждения подкрепляются тезисом Л. Н. Гумилева о том, что этногенез – это «природный процесс». Но указанные выше авторы зачастую забывают, что биологический детерминизм естествоз-

нения нельзя механически переносить движения, партии, а также к активно-на область культуры и истории. В целом евразийство последователей оно лишь распространяет исторические идеи евразийцев среди широких слоев общественно-политического общественных масс.

Библиографические ссылки:

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. 640 с.
2. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб. : Лань, 2000. 265 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2004. 560 с.
4. Гумилев, Л. Н. Историко-философские труды князя Н. С. Трубецкого (Заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. 799 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. М. : Книга, 1991. 574 с.
6. Евразийский временник. Берлин : Евраз. кн. изд-во, 1923. 174 с. (Утверждение евразийцев. Кн. 3).
7. Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евраз. кн. изд-во, 1932. 30 с.
8. Евразийство: Опыт систематического изложения // Пути Евразии. М., 1992. С. 348 – 415.
9. Исход к Востоку / под ред. О. С. Широкова. М. : Добросвет, 1997. 263 с.
10. Карсавин Л. П. Сочинения. М. : Раритет, 1993. 493 с.
11. Лавров С. Б. Гумилев и евразийство : [Предисловие] // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М. : АСТ, 2008. 608 с.
12. Лев Гумилев «Меня называют евразийцем...» Беседу ведет журналист Андрей Писарев // Наш современник. 1991. № 1. С. 62 – 70.
13. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство : сб. ст. М. : АСТ, 2007. 576 с.
14. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век : сборник / сост. К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 677 – 687.
15. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Классика геополитики, XX век : сборник / сост. К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 33 – 105.
16. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. 799 с.
17. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М. : ДАРЪ, 2005. 492 с.
18. Флоровский Г. В. О народах неисторических (Страна отцов и страна детей) // Основы евразийства. М. : Арктогея-Центр, 2002. 800 с.

A. E. Ereemeev

**THE EURASIAN COMPONENT OF THE DISCOURSE ABOUT
THE POST-REVOLUTIONARY FATE OF RUSSIA**

The author analyzes social and philosophical ideas of classical Eurasian movement, which was brought to life by the revolutionary events of 1917. Author presented in a generalized form the Eurasian movement's reflections on the fate of Russia, the Russian people and their place in world history. The article describes the genealogy of thought of Eurasian movement. The author examines the concept «developmental site» as a result of the influence of the natural and sociocultural environment and the concept «Eurasia» as a special part of the world not reducible to synthesis of Europe and Asia. The author emphasizes the special view of the Eurasian movement on the Russian culture as a culture that synthesized European and Asian elements. Asian elements were presented as the dominant ones.

Keywords: Eurasian movement, «developmental site», synthesis of Europe and Asia, fate of Russia.

УДК 94(470.332)

Н. И. Горская

**ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье рассматривается содержание и процесс реализации земской реформы 1917 г. на примере одной из центральных губерний России. Анализ правовых актов и событий, связанных с реформированием старого земства на территории Смоленской губернии, осуществлен в контексте политических изменений весны-осени 1917 г. Земская реформа воплотила в себе земские требования по преобразованию местного самоуправления, но ее проведение во время революции не привело к тем результатам, на которые надеялись реформаторы.

Ключевые слова: земская реформа, 1917 г., революция, Временное правительство, мелкая земская единица, всеобщее избирательное право, советская власть.

Земская реформа 1917 г. была нацелена на привлечение земства к делу строительства нового государственного аппарата и обеспечение нового положения земских учреждений в структуре власти, появившейся в России после свержения самодержавия. При этом форму правления должно было установить Учредительное собрание. Можно сказать, земство реформировалось для государственного аппарата, которого еще не было. Тем не менее земская реформа Временного правительства аккумулировала в себе практический опыт местного самоуправления более чем за полувековую историю его существования, а также отвечала теоретическим наработкам российских ученых.

На рубеже 1860 – 1870 гг., когда земство появилось в российской провинции, смоленские земцы были далеки от соотнесения российского земства с той или иной моделью самоуправления. На первых земских собраниях Смоленской губернии не раз возникали споры о сущности земства, которое часто оценивалось в категориях благотворительной организации. Однако опыт земской деятельности, аргументация Сената и правительства, отклонивших многие земские ходатайства по причине «общественного характера» земства, участие земства в оппозиционной борьбе, наконец, обоснование русскими учеными общественно-хозяйственной и государственной теорий самоуправления научили земцев-практиков рассматривать земские проблемы не только

узкоутилитарно, но и более широко с позиций общих отношений государства и самоуправления.

Земцы постоянно требовали внесения изменений в Положение 1890 г. [11, с. 35 – 36]. Российская практика принятия законов обязательно включала процедуру обсуждения законопроектов на местах с привлечением так называемых «сведущих лиц». 10 июня 1916 г. Государственная Дума приняла Проект изменения Положения 1890 г., разработанный МВД, и направила его на обсуждение земским собраниям [13, с. 173].

В октябре-ноябре 1916 г. на очередных уездных земских собраниях Смоленской губернии обсуждался правительственный законопроект. 52-е очередное Смоленское губернское собрание не успело этого сделать, потому что его сессия была отложена в связи с начавшейся революцией [7, л. 51]. Ответы уездных собраний на проект МВД о реорганизации земства свидетельствовали о том, что уездные гласные не самого оппозиционного земства имели более широкую программу земской реформы, чем правительство. Смоленские земцы высказались за изменение Положения 1890 г., за реформирование земской избирательной системы на основах всеобщего избирательного права, за уменьшение административного надзора над деятельностью земства, за недопустимость совмещений земствами хозяйственных и полицейских функций, за изменение практики формирования земских

бюджетов [3, л. 1 – 46]. В целом эта программа отражала линию на демократизацию земства и укрепление его общественного характера. Эти процессы должны были опираться на ликвидацию крестьянской общины и изменение правового строя крестьянской жизни.

Однако в научных и правительственных кругах к этому времени победила государственная теория самоуправления [1]. Назначение комиссарами Временного правительства председателей земских управ свидетельствовало о том, что Временное правительство хотело использовать аппарат самоуправления для решения жизненно важных задач: сохранения правопорядка, обеспечения населения продовольствием и проведения выборов в Учредительное собрание. Но правительство решило использовать не старое, а новое земство и приступило к его реформированию с целью создания из земских учреждений государственных структур на местах.

Вопрос о своевременности изменений в этом момент носил не менее принципиальный характер, чем содержание реформы. Часть земских гласных осознавала это. Так, еще в 1916 г. Вяземское уездное земство выступило против ведения волостного земства не по принципиальным соображениям, а ввиду «несвоевременности» преобразования волостных правлений в волостное собрание [3, л. 3]. Но это было единственное известное нам мнение земства о возможности проведения реформы во

время революции и войны. Более осмотрительно действовали крестьяне, которые старались сохранить крестьянские органы самоуправления и волостные суды [5].

Временное правительство, назначив своими комиссарами на местах председателей земских управ, немедленно приступило к подготовке реформы [12, с. 235 – 272]. 20 марта 1917 г. Главный комитет Земгора, члены которого были хорошо осведомлены о настроениях в земских кругах, запросил мнения земских собраний по трем коренным вопросам предстоящей реформы: об объединении земств, об осуществлении всеобщего избирательного права, о введении «мелкой земской единицы». В нашем распоряжении есть мнения трех земских собраний Смоленской губернии (Ельнинского, Гжатского и Духовщинского), которые высказались положительно по всем трем вопросам [4, л. 1, 4 – 6 об., 11 – 11об.].

Одной из первых задач Временного правительства была «демократизация земства» на основе всеобщего избирательного права, которая заключалась в удалении из земских собраний предводителей дворянства и «цензовых элементов», в переизбрании председателей и членов управ и пополнения земства представителями революционного народа. Эта задача была возложена на Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Демократизация земств Смоленской губернии произошла в марте – апреле 1917 г. Ее

особенностью в Смоленской губернии был тот факт, что демократизация проходила не за счет удаления из земства старых элементов, а за счет введения представителей местного населения и революционных общественных организаций в состав собраний и управ. В мае 1917 г. Главное управление по делам местного хозяйства «для осведомления, в каком положении накануне реформы находится земство» собирало сведения о составе «демократизированных собраний и управ [5, л. 3].

Составы земских управ Смоленской губернии были «пополнены» членами исполкомов при комиссарах (Ельнинская управа) или «новыми членами» (Духовщинская, и Поречская управы). В Гжатскую управу вошли три члена «от волостей и Комитета безопасности». В Вяземском и Юхновском уездах были переизбраны все члены управ. Почти повсеместно увеличилось количество земских депутатов. В состав Духовщинского собрания было введено 45 новых гласных: по три человека от каждой волости; в Краснинском уезде – по одному от каждой волости, а также «от солдат и совета рабочих депутатов». В Гжатском уезде в земское собрание избраны представители от волостей и общественных организаций.

Самые большие изменения произошли в восточных, ближе других лежавших к столицам уездах: в Бельском, Вяземском, Юхновском, Гжатском. Сычевском. В Бельском уезде был переизбран весь состав

гласных и сформирована новая управа. В Вяземском уезде в состав собрания вошли 53 новых депутата (жители уездов, офицеры, учителя, земские служащие). Единственным уездом, где «ни земское собрание, ни управа» не претерпели никаких изменений, был Рославльский уезд. Не изменился состав Краснинской уездной и губернской управ [5, л. 14, 18, 21, 23 об., 26, 31 об., 32 об., 37, 41]. В целом демократизация земств отражала процессы радикализации общественного мнения и включения в общественную жизнь все большего числа местных жителей.

21 мая 1917 г. Временное правительство приняло «Временное положение о волостном земском управлении», 11 июня – «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных». В мае было утверждено постановление «О выборе губернских и уездных гласных», в июле 1917 г. – «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях вплоть до издания нового Положения» [9, с. 181 – 183]. Эти акты, составившие правовую основу земской реформы, принимались и обнародовались не одним пакетом, а по одному постановлению, что осложняло проведение реформы, создавало на местах впечатление хаотичности происходящего. В частности, речь шла о форме волостных выборов. Земская реформа, вернее, выборы в земство, рассматривалась Временным правительством как репетиция выборов в Учредительное собрание. До июля 1917 г. на местах

готовились к выборам в волостные земства по достаточно простой и понятной местным жителям мажоритарной системе. Большую сумятицу в подготовку выборов внесло постановление Временного правительства от 26 июля 1917 года о возможности выборов гласных на основе пропорциональной системы. Постановление Временного правительства было поддержано общественными организациями. Областной совет, созданный университетом Шанявского, 27 и 28 июля 1917 г. высказался за пропорциональную систему «применительно к выборам в земство» [4, л. 13].

Вместе с тем совокупность актов по земской реформе 1917 г. сохранила нормативную базу весьма существенных изменений, вносимых в структуру и обязанности русского земства. По земской реформе 1917 г. «Самоуправление становится само аппаратом государственного управления, ему передается вся полнота власти на местах», – писал крупнейший исследователь земского дела дореволюционной России и один из авторов земской реформы Б. Б. Веселовский [2, с. 13].

По реформе 1917 г. в России вводилось волостное земство (собрание и управа) вместо волостного схода и волостного правления, которое формировалось на основе всеобщего демократического избирательного права. На уровне губерний, уездов и волостей должна была появиться соподчиненная система местной власти. Волостные земства составляли «фундамент» русского земства,

работая под руководством уездного и губернского земства. Они обладали самостоятельностью в решении местных задач и облагали денежным сбором все находящиеся в пределах волости имущества. Смоленск, как и все другие губерnsкие города, «выделялся из состава земского самоуправления». С этого момента городские думы выполняли функции уездных земских собраний. Гласные уездных собраний избирались на основе всеобщего избирательного права и на основе пропорциональной системы подачи голосов. Создавались две курии (от сельских жителей и от городских поселений). Реформа объединяла местное и городское самоуправление в одном губерnsком земском собрании, в которое посылали своих представителей уездные собрания и городские думы. Земства различных губерний могли устраивать съезды, заключать между собой договоры и вступать в союзы [9, с. 181 – 183].

На земства всех уровней (губернии, уезда и волости) возлагались не только дела местного хозяйства, как это было ранее, но и дела местного управления [2, с. 23]. Характер земства в значительной степени зависел от отношений с представителями власти на местах – комиссаров Временного правительства. Постановления земских собраний не утверждались. Комиссар мог лишь опротестовать обязательные постановления губерnsких и уездных земств, в случае нарушения закона (как это было по Положению 1864 г.). Некоторые решения волостных земств утверждало

уездное земство (о размере сбора с переправ, о заключении договоров сроком на 10 лет, о заключении займов и некоторые др.) [2, с. 29]. Болевой точкой организации земского самоуправления в течение десятилетий были земские финансы (источники обложения). Они не были преобразованы «коренным образом», о чем постоянно ходатайствовали земства. Но все же государство пришло на помощь земству. Допускались пособия от казны (в 1917, 1918 гг. земские собрания Смоленской губернии обращались за помощью к Временному, а затем и советскому правительству), губернское земство могло вводить некоторые дополнительные сборы. Волостное обложение производилось по оценке уездного земства. При этом смета волостного земства не могла превышать 30 % сметы уездного земства. Устанавливалось обложение сельских построек, даже если они не приносили дохода. Налоги с крупных заведений делились между волостным земством (1/5) и уездным земством (4/5) [Там же, с.31, 32].

В результате реформы значительно увеличился корпус общественных деятелей. До 1917 г. в России земство существовало в 43 губерниях. По реформе 1917 г. земство распространялось еще на 27 губерний России, «прибавлялось» 27 губернских и 152 уездных земства. В стране должны были действовать 70 губернских и 599 уездных земств. До 1917 г. в 43 губерниях было 12613 уездных и 2 029 губернских гласных, т.е. 14 642 человека, после реформы только в

этих «староземских губерниях» предполагалось избрать 26 939 гласных. Другими словами, число гласных увеличивалось в 1,8 раза [Там же, с. 12, 13].

Как известно, земская оппозиция на местах выдвигала требование всеобщего избирательного права, «увенчания здания» общероссийским земским органом и создания «мелкой земской единицы» [11]. В этом отношении земская реформа 1917 г. была половинчатой, так как она создавала лишь «фундамент» земской организации – волостное земство, но не решила проблему участия земства в высших органах власти и управления. Но реформа 1917 г. воплотила в жизнь другие конкретные требования земцев: мелкую земскую единицу с правом обложения местного населения, всеобщее избирательное право (с 18 лет), возможность проводить съезды и заключать договоры между земствами различных губерний. Вводилось пассивное и активное избирательное право. Выбираться в земские гласные могли не только проживающие в избирательном округе, но и вообще все правоспособные граждане России. Отменялся ценз оседлости. В выборах, за исключением прифронтовой полосы, участвовали солдаты, что значительно политизировало ситуацию. Избирательного права были лишены дезертиры, уголовные преступники, лица, осужденные за кражу и мошенничество, сумасшедшие и монашествующие.

Реформа предоставила земствам полномочия (относительно ряда дел),

которых оно добивалось не одно десятилетие. С 1917 г. земства могли оказывать юридическую помощь населению, заведовали «школьным делом не только в хозяйственном, но и в учебном отношении, попечение об устройстве переселенческого дела... заведование милицией» [2, с. 24]. Кроме того, земство привлекалось к решению социальных проблем, о чем мечтали представители теории социального реформаторства. На земство возлагалось устройство бирж труда, меры по охране труда, продовольственное дело. Вместе с тем сохранился ряд положений, против которых накануне революции выступали смоленские земцы: надзор со стороны администрации за законностью решений земских собраний, возложение на земство охраны общественного порядка, обложение земскими сборами только недвижимой собственности в уезде.

Органами проведения выборов назначались уездные земские управы под руководством уездного комиссара. В Смоленской губернии для проведения выборов было создано губернское совещание с участием земства и представителей Смоленского совета. Аналогичные совещания, в которые вошли представители общест-венности, действовали в Духовщинском и Рославльском уездах. Выборы в волостные земства производились на основе мажоритарной и пропорциональной систем. В Смоленской губернии они прошли с 3 по 24 сентября 1917 г. В половине уездов губернии избиратели голосовали по пропорциональной системе

(в Гжатском, Дорогобужском, Ельнинском, Краснинском, Поречском, Смоленском); в половине (в Бельском, Вяземском, Духовщинском, Сычевском, Рославльском, Юхновском) – по мажоритарной [6, л. 60 – 68]. Избрание уездных гласных заняло еще месяц: выборы проходили с 24 сентября по 22 октября 1917 г. [9, с. 183]. Таким образом, в течение двух осенних месяцев – времени сбора урожая, обострения в преддверии холодной зимы хлебного и продовольственного кризисов – жители Смоленской губернии и смоленское земство вынуждены были заниматься выборами.

Выборы проходили с нарушениями избирательной процедуры и общественного порядка на избирательных участках. В шести уездах губернии (в Дорогобужском, Вяземском, Духовщинском, Ельнинском, Смоленском, Рославльском) выборы проводились дважды. Но главная проблема заключалась в недоверии населения к реформе. На волостные выборы пришли от 15 до 50 % избирателей губернии [7, л. 229]. Явка на уездные выборы была еще ниже. В Смоленском уезде в выборах в волостные земства приняло участие 19,3 % избирателей, в уездные – 14,3 %; в Дорогобужском уезде соответственно – 23,4 % и 14,4 %, в Краснинском – 23,1 % и 8,4 % [9, с. 189]. Волостные и уездные выборы принесли победу крестьянам, которые проходили по спискам эсеров или беспартийных.

30 сентября губернский комиссар Временного правительства объ-

явил земские собрания и управы единственно законными органами управления на местах и упразднил все общественные организации, созданные в условиях революции [8, л.154]. Создавалась парадоксальная ситуация, когда земства, объявленные единственными представителями власти, действовали под руководством комиссара, представлявшего партию эсеров. В действительности сохранялось двоевластие – комиссар, при котором действовал совет, и земство, – которое напоминало дореволюционный дуализм системы местного управления на местах.

Назначение председателей управ комиссарами Временного правительства в начале марта 1917 г. и земская реформа ставили земство в положение ответственного за стремительно обостряющиеся социально-экономические проблемы и политику правительства. В условиях нарастающей анархии население стремилось держаться за крестьянские организации, а в земствах обозначилась устойчивая тенденция дистанцирования от политики. 23 мая 1917 г. подал в отставку с поста губернского комиссара председатель Смоленской губернской земской управы А. М. Тухачевский. Волост-

ные земства, избранные по реформе 1917 г., стояли «на беспартийной почве». Беспартийную линию проводила и губернская земская управа.

В ряде уездных собраний образовались противоборствующие фракции, которые условно можно назвать «фракцией старых земцев и либеральных партий» и фракцией радикальных партий. Их борьба проявилась на первых земских собраниях начала 1918 г. и облегчала процесс неизбежной ликвидации земства советским правительством, который начался в губернии в 1917 г., а закончился в апреле 1918 г.

Таким образом, земская реформа Временного правительства в значительной степени отвечала представлениям земцев об организации местного самоуправления в России. Она неоспоримо свидетельствовала о государственном характере реформируемого земства. При этом некоторые стороны реформы предполагалось доработать после Учредительного собрания. Однако органы местного самоуправления в том виде как они существовали, были несовместимы с советской властью. Земская реформа явилась первым опытом всеобщих выборов в крестьянской России.

Библиографические ссылки:

1. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые отношения). М. : Международные отношения, 2002. 192 с.
2. Веселовский Б.Б. «Земство и его новое устройство». Пг., 1917. 32 с.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 1. 1916. Д. 4.
4. Там же. Оп. 3. 1917. Д. 6.

5. Там же. Д. 9.
6. Там же. Оп. 4. 1917. Д. 1391.
7. Там же. Д. 1777.
8. Там же. Ф. 799. Оп. 1. Д. 24. Л. 544.
9. Горская Н. И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905 – 1918 гг.). Смоленск, 1996. С. 181 – 183.
10. Календарь-справочник земского деятеля на 1917 г. Пг., 1916 . С. 173.
11. Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906 – 1918 гг.: Эволюция на последних этапах деятельности : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 356 с.
12. Петровичева Е. М. Земское самоуправление и власть в период думской монархии в контексте модернизационной парадигмы // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 2 (6). С. 34 – 41.
13. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М. : Наука, 1977. 287 с.

N. I. Gorskaya

**THE ZEMSTVO REFORM OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT
(CASE-STUDY: SMOLENSK PROVINCE)**

The article discusses the content and process of implementation of the zemstvo reforms of 1917 using the example of one of the central provinces of Russia. Legal acts and events related to the reform of the old zemstvos on the territory of Smolensk province are analyzed in the context of the political changes in spring and autumn of 1917. The zemstvo reform objectified provincial demands for transformation of the local government, but its implementation during the Revolution failed to bring forth the results expected by the reformers.

Keywords: zemstvo reform, the 1917 revolution, the Provisional government, small zemstvo unit, universal suffrage, the Soviet government.

УДК 7.04

И. И. Рущинская

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ДЕТСКОЙ КНИЖНОЙ ГРАФИКЕ 1920-Х ГОДОВ

Общеизвестно, что формирование культа Ленина началось еще при его жизни, а после смерти вождя процесс его возвеличивания стал предметом целенаправленных усилий советской власти. Эти усилия охватывали самые разные сферы, были ориентированы на самую разную аудиторию. Одной из та-

ких целевых аудиторий были дети. Специально для них писали, иллюстрировали и издавали разножанровые книги о Ленине. В статье исследуются приемы и формы визуализации образа вождя, характерные для стилистики 1920-х годов, анализируется процесс формирования визуального стереотипа, ориентированного на детское восприятие.

Ключевые слова: Ленин, детская литература, книжная иллюстрация, культ, визуализация.

Как бы парадоксально ни звучало это утверждение, но именно 1920-е годы – годы голода, бедности, бесконечных трансформаций жизненного уклада – были одним из самых ярких десятилетий в истории русской литературы для детей. К перечисленным тяжелейшим «фоновым условиям» можно добавить еще одно важное «несмотря на», еще одно препятствие, которое, казалось бы, должно было затормозить расцвет детской книги. Это цензура. Б. Хеллман в своей монографии, посвященной истории детской литературы, справедливо указывает: «К 1920-м годам реформаторам удалось избавиться от трех четвертей имен и названий из списка дореволюционных писателей и их произведений. От старой литературы остались в основном только те сочинения, которые воспринимались как критика царского режима» [15]. Детская книга была провозглашена важнейшим орудием в деле создания нового человека. Так возник большой круг произведений, посвященных «актуальной тематике», «введению ребенка в современную жизнь», «знакомству с историей партии и революции».

Ныне эти книги прочно забыты. В истории остались произведения

К. Чуковского, С. Маршака, Ю. Олеши, В. Вересаева, И. Бабеля, В. Бианки, А. Грина, М. Пришвина и многих других писателей. На таком фоне, казалось бы, теряется всякий смысл обращения к идеологически ангажированным книгам для детей. Однако с подобным утверждением невозможно согласиться, если иметь в виду их внушительное количество, огромные тиражи и осязаемое влияние на формирование «нового советского человека». А также если иметь в виду иллюстрации, созданные для подобных книг.

Для детской литературы 1920-х годов (и в особенности для литературы «политически правильной») характерна одна во многих своих проявлениях уникальная особенность: к оформлению слабых с художественной точки зрения текстов, написанных непрофессиональными писателями, нередко привлекали хороших, высокопрофессиональных художников. Данная коллизия чрезвычайно интересна для исследования, поскольку выдвигает ряд вопросов. Может ли художник «победить» в подобных обстоятельствах, то есть не только создать хорошие иллюстрации вопреки тексту, не только отеснить его, но и придать тексту более высо-

кий статус, «облагородить» его? Возможно ли при подобных исходных обстоятельствах создание того синтеза текста и иллюстрации, который определяется фразой «хорошая книга»?

История детской книжной графики XX века долгое время не привлекала исследователей. Однако в последние годы стали появляться серьезные работы на данную тему и обобщающего характера, и посвященные творчеству отдельных советских художников. Однако тема, вынесенная в заглавие данной статьи, до сих пор не становилась предметом специального изучения. Об иллюстрациях к книгам, посвященных Ленину, исследователи лишь изредка упоминали, когда анализировали, например, книжную графику Б. Кустодиева [3]. Наличие подобных историографических лакун вполне объяснимо, но недопустимо, поскольку значение зрительных образов, когда речь идет о детской книге, возрастает многократно. Влияние целенаправленно транслируемых зрительных образов вождя на формирование картины мира ребенка трудно переоценить. Как указывает Л. М. Красовицкая: «Оформление и иллюстрации играют большую роль в детской книге, само восприятие которой часто идет от визуального к вербальному» [7, с. 110].

Визуализировать для детей образ вождя – задача непростая. И дело не только в том, что никто из художников-иллюстраторов не видел Ленина вблизи, не делал зарисовок с

натуры. Формирование культа вождя неизбежно предполагает конструирование его канонического изображения. Поиск адекватного (с точки зрения определенной культуры и определенной эпохи) визуального канона включает формирование маловариативного набора черт и поз, сюжетов и композиций, предназначенных для бесконечного тиражирования. 1920-е годы были периодом поиска необходимых качеств, поиска того соотношения портретного и символического, реального и отвлеченного, которое уравнивается в нужных пропорциях каждый раз, когда речь идет о конструировании культового образа. В этот период еще нельзя говорить о его окончательном сложении – ленинский канон оформится лишь к концу изучаемого десятилетия. Сотни художников и скульпторов участвовали в данном процессе. Иллюстраторы детских книг не были исключением. Однако их задача была вдвойне сложной: художники должны были создать культовый образ вождя для особой аудитории, образ, учитывающий особенности детской психологии восприятия. Следовательно, предстояло, помимо всего прочего, найти необходимую меру упрощения, схематизации изображения, определить параметры и критерии его узнаваемости для детей, выстроить соответствующую эмоциональную атмосферу.

На этом пути художники-иллюстраторы предложили несколько стратегий. Все они предопределены стилистикой, принадлежностью

авторов к различным художественным направлениям, предшествующим опытом работы. Широкая вариативность предложенных решений была возможна только в условиях 1920-х годов – в эпоху относительной свободы творчества, сосуществования различных художественных объединений. Рядом с мастерами, исповедовавшими принципы реалистического искусства, работали художники авангардных направлений. Наравне с традиционными приемами детального изобразительного рассказа на страницах детских книг были представлены современные техники фотоколлажа, элементы плакатного дизайна и т. д.

Наиболее привычными, традиционными способами оформления книги воспользовался известный художник Б. М. Кустодиев. Прославленный мастер начиная с 1916 года был прикован к инвалидному креслу. Работа по государственному заказу, каковой было иллюстрирование книг, оставалась для него почти единственным способом прокормить семью. Он не отказывался от нее даже в тех случаях, когда литературный материал был чрезвычайно низкого качества. Так возникли три книги, в которых фигурировал Ленин:

1. З. И. Лилина. Ленин и юные ленинцы, 1925 [9].

2. А. Ф. Ильин-Женевский. Один день с Лениным (из воспоминаний витемеровца), 1925 [4].

3. А. Г. Кравченко. Детям о Ленине, 1926 [6].

Новый жанр детской литературы, соединявший историко-револю-

ционную и биографическую тему, совсем не предполагал постановку и решение литературно-художественных задач. Противоречие заключалось в том, что постановку и решение художественных задач ожидали от иллюстратора, иначе бы не привлекли к работе столь известного мастера.

Перед художником, за плечами которого были успешные работы по иллюстрированию произведений А. Пушкина, Н. Лескова, М. Салтыкова-Щедрина, М. Горького, А. Некрасова, И. Тургенева, встала совершенно новая задача. Пропагандистский накал и низкое качество представленных текстов Б. Кустодиев осознавал предельно отчетливо и чрезвычайно тяготился «подёнщиной». Вс. Воинов записал в дневнике слова художника, исполненные подлинного отчаяния: «Я прямо физическую тошноту испытываю, когда делаю что-нибудь по заказу» [8, с. 183]. Но это совсем не значило, что художник не сделал все что мог, чтобы выполнить работу с максимальной отдачей. «Халтурить» Кустодиев не умел. Сохранились воспоминания Э. Ф. Голлербаха, в которых описан процесс тщательного изучения художником ленинских фотографий, пересказаны его глубокие раздумья на тему портрета и портретного сходства [3].

Две первые из перечисленных выше книг художник выполнил в легкой графической манере. Работать над ними было проще, потому что Ленин присутствовал в них лишь косвенно и, соответственно, от художника не ждали изображения сцен

с участием вождя. Кустодиев наполнил книгу привычными ему жанровыми сценами. Тема социального обличения в них, конечно, звучала, но при этом не заглушала спокойных интонаций подробного, наполненного бытовыми деталями рассказа. Черно-белые иллюстрации напоминали быстрые эскизы. Подобным подходом художник изначально снимал характерный для послереволюционной эпохи пафос и преувеличенную торжественность звучания текста.

Самой масштабной и самой сложной была работа над книгой «Детям о Ленине» На ее страницах изоб-

ражение вождя появляется девять раз. «Книга до печати проходила обсуждения, редактуру, была утверждена на высоком уровне – Комиссией ЦИК от 23 февраля 1925 г.» [1]. Она вышла большим тиражом, но уже современникам было очевидно, что «написана она как-то очень просто. Как будто ее писал не настоящий писатель» [13, с. 11]. Иллюстрациям отводилась половина объема 72-страничной книги. Художник построил ее как два параллельных рассказа: каждый книжный разворот скомпонован по единой схеме: слева – текст, справа – иллюстрация к нему (рис. 1).

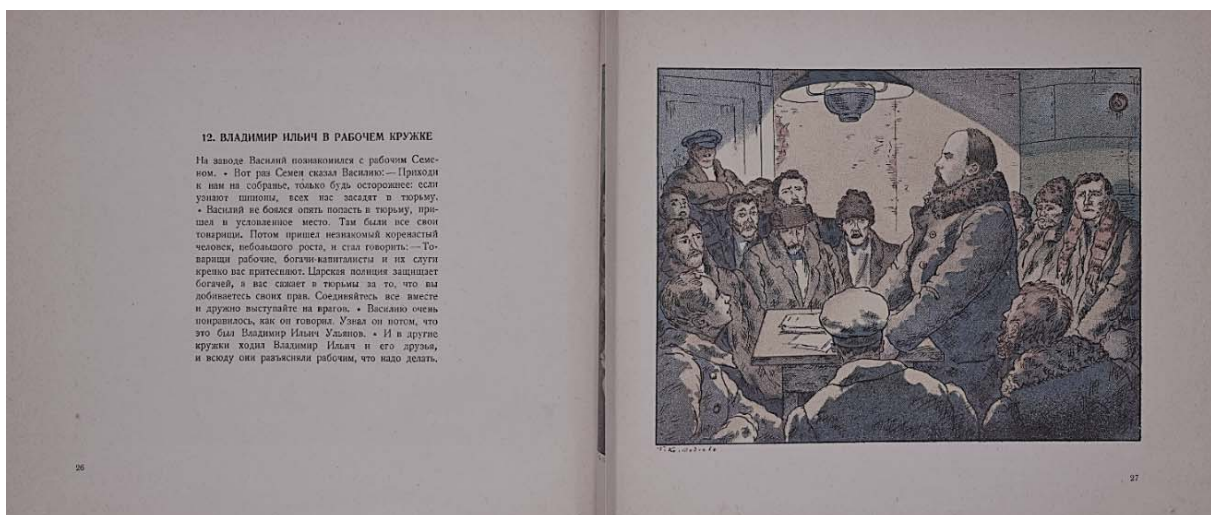

Рис. 1. Б. М. Кустодиев. Разворот книги «Детям о Ленине»

Цветные изображения представляют собой законченные самостоятельные композиции. Кустодиев отказался от точного следования тексту. Более того, временами он отходил от него достаточно далеко. Так, сцену покушения на Ленина, описанную автором, он сопроводил изображением раненого вождя, стоящего перед картой страны, рассказ об от-

дыхе и лечении Ленина в Горках проиллюстрировал вполне жанровой сценой беседы вождя и крестьянина на поле, где их фигуры по пояс скрыты зрелой пшеницей (рис. 2). Информация вербальная и визуальная достаточно сильно различаются не только по содержанию, но и по объему: художник предстает намного более «словоохотливым», чем писатель.

Каждый визуальный эпизод наполнен множеством деталей, останавливающих взгляд и неспешно рассматривающих композицию.

Рис. 2. Б. М. Кустодиев. Иллюстрация из книги «Детям о Ленине»

Тем не менее текст и иллюстрации не были обособленными. Кустодиев оставался художником, который стремился к созданию цельного книжного организма, в котором визуальные и текстовые элементы живут единой жизнью. Для него это единство олицетворялось не только жесткой ритмической структурой организации книжных листов, но и стилистической цельностью. Однако «корректность» по отношению к автору, воспитанная годами работы над иллюстрированием произведений русской классики, в конечном счете сыграла против художника. Следуя своим принципам и пра-

вилам, в новых условиях он оказался в своеобразной ловушке, не смог «вытянуть» идеологически ангажированный, примитивный текст, напротив, сам оказался в его плену.

Вот как описывает стиль книги «Детям о Ленине» современный исследователь: «Интонации рассказывания, отлично отработанные на материале сказок, здесь прозвучали неестественно, даже нелепо: Ленинград тогда назывался Петербургом. Там жил царь. Звали его Александр II. Много было у него имений и денег. Самый богатый помещик он был. И помогал помещикам грабить крестья-

ян, их руку держал, помогал фабрикантам выматывать из рабочих все силы» [1].

Эту интонацию, этот способ рассказывания художник стремился воплотить в книжной графике. Поэтому использовал упрощенный рисунок, огрубленные, обобщенные формы, предельно наглядные композиции, неспешное разворачивание повествования.

В изображении самого вождя Кустодиев пошел по пути, который в дальнейшем окажется неприемлемым для детской книжной графики: каждый новый лист репрезентировал «другого» Ленина. Художник, разворачивающий на девяти листах всю биографию вождя, решил отследить изменения его облика. Сам Кустодиев, работая с фотографиями Ленина, писал: «Нужно считаться с хронологическим подразделением снимков: между фотографиями, снятыми до 1917 г., и фотографиями 1917 – 1921 гг. очень большая разница. Еще большая разница между этими снимками и теми, которые сделаны в период болезни Ленина. Самое же существенное в вопросе о портретах Ленина – это то или иное задание, данное портрету: Ленин-ученый – одно лицо; Ленин-агитатор, говорящий на площади, – другое лицо и т. д.» [3, с. 37].

В результате появилось девять разных лиц Ленина, между собой не сильно похожих. В дальнейшем в книжной графике, стремившейся закрепить в детском сознании устойчивый и узнаваемый образ «дедушки Ленина», его визуальный образ почти

не будет меняться по ходу «жизни на страницах книги». Узнаваемый Ленин, снабженный лишь небольшим количеством меняющихся атрибутов, будет переходить с одной иллюстрации на другую. Советскому искусству нужен был не человек, а «икона». Кустодиев же показывал изменение, становление человека от юноши-гимназиста до мужчины средних лет. Советскому искусству необходимо было ощущение дистанции, атмосфера поклонения. Мастер же создавал почти будничные сцены, без пиетета и придыхания. Даже в сцене приезда Ленина в Петроград в 1917 году Кустодиев – пожалуй, единственный из советских художников – отказался от изображения сакраментального броневика. Его Ленин стоит на каких-то деревянных ящиках. И главное, автор не использовал мотив выступления на многочелюдном митинге для того, чтобы поднять вождя, вознести над толпой: на других ящиках стоят отдельные рабочие, и они находятся выше вождя.

И все же проблема данной работы не только в том, что художник «не услышал требование времени». Эти иллюстрации, действительно, оказались слабыми. Вялость рисунка, неорганичность движений, нарочитость поз выдают растерянность опытного мастера в условиях, когда полностью была изменена логика создания книги. Он умел блестяще иллюстрировать русскую классику, но оказался бессилён перед странным текстом, написанным «не настоящим писателем». Попытки «соответство-

вать» ему привели к художественному поражению.

Рядом с реалистическим искусством, представленным творчеством Б. Кустодиева, на протяжении 1920-х годов существовали другие стили, приемы, способы оформления детской ленинианы. Проблема сходства книжного Ленина с реальным, за отсутствие которой современники так часто критиковали Кустодиева, изначально снималась, когда авторы использовали в качестве основного приема оформления фотоколлаж. Данное преимущество стало одной из причин его чрезвычайной популярности при иллюстрировании детских книг о Ленине. Вторая причина – те художественные эффекты и возможности, которые предоставлял данный метод.

Как известно, его активно использовали представители русского авангарда, такие как А. Родченко, Э. Лисицкий и другие. Фотоколлаж соответствовал их творческим интенциям: «фотография механизует творческий труд, ликвидируя разрыв между искусством и современными технологиями. Тем самым искусство выводится за рамки субъективистской эстетики самовыражения: фотограф занимается не художественной интерпретацией действительности, синтезом явлений, а «фиксацией фактов», рассчитанных не на «незаинтересованное наслаждение», а на практическое использование» [14, с. 17]. Однако совершенно очевидно, что, разрушая целостность фотографии, разрывая обыденные связи внутри

запечатленного на снимке мира, а затем собирая детали в нечто целое и новое, мастера русского авангарда все равно решали эстетические задачи: решали проблемы композиции, цвета, внутренних взаимосвязей, структурного единства.

Роль и место данного приема в детской книге могли быть разными. Очень часто известные портреты вождя появлялись как знак, как эмблема присутствия. При этом портрет мог быть таких скромных размеров, что при качестве советской полиграфии 1920-х годов требовал от детского читателя не столько разглядывания, сколько «мгновенного узнавания». Это очень напоминает процесс чтения иконных композиций верующими, находящимися в храме: им достаточно увидеть издали общие абрисы, чтобы узнать содержание иконы. Понятно, что для подобного восприятия портрета необходимо, чтобы он был частью «визуальных карт» ребенка, чтобы он постоянно пребывал в самых разных социальных пространствах. То есть по детским книгам можно судить о популярности и распространенности тех или иных фотографий вождя.

Именно по указанному принципу построены иллюстрации к таким книгам, как «Октябрята. Сборник для детей», 1925 [12]; И. Молчанов «Колька и Ленин», 1927 [11]; А. Безыменский «Комсомолия. Страницы эпопеи», 1928 [2] и др.

Однако на страницах детских книг существовали и более сложные формы фотоколлажа. Как, например,

в сборнике «Как отдыхал Ленин» [5]. Характерно указание на автора данной работы, помещенное на титульном листе: «фото-иллюстрации и обложка В. Ёлкина». Понятно, что не В. Ёлкин делал фотографии, на основе которых сконструированы коллажи. Он использовал известные работы разных фотографов, заимствовал материал массовой полиграфической продукции. В данном указании прочитывается отчетливое понимание того, что иллюстрации, созданные В. Ёлкиным на основе чужих фотографий, можно смело назвать авторской работой.

Главное их качество – динамизм. Автор совершенно свободно компоует пейзажные и портретные изображения, детали с цельными снимками. На листе один и тот же портрет Ленина или его разные портреты могут повторяться два и даже три раза. В результате возникает образ деятельного, подвижного, общительного человека. Энергия и динамика образа человека усилена многократно благодаря энергии и динамике фотомонтажа.

Например, иллюстрируя рассказ о любви Ленина к шахматам, автор использует известную фотографию «В. И. Ленин в гостях у А. М. Горького играет в шахматы с А. А. Богдановым», выполненную на Капри в 1908-м году. В верхней части листа представлена сама фотография, взятая без каких-либо изменений, ниже – увеличенная часть этой же фотографии, но из нее убраны дальние планы с пейзажами и оставлены только фигу-

ры всех персонажей, вырезанные по контуру. Еще ниже – шахматная доска с расставленными на ней фигурами, то есть нарастание масштабов идет сверху вниз. Верхняя часть листа представлена как дальняя, нижняя – как ближняя. Общий, средний, крупный план стремительно чередуются, причем это не плавная, а скачкообразная динамика, поскольку между изображениями нет ритмически выстроенных расстояний. Автор предельно акцентирует плоскость листа: глубина пространства на использованных фотографиях разная, но когда они объединены в единую композицию, она становится предметом своеобразной игры.

По-другому построен лист, иллюстрирующий отрывок из воспоминаний П. Лепешинского «Смело, товарищи, в ногу» (рис. 3). В нем рассказывается о любви Ленина к исполнению этой революционной песни. Из фотографий разных лет вырезан поясной портрет Ленина и групповой портрет, на котором вождь представлен среди соратников (словно действительно вставших в круг для совместного хорового пения). Эти два фотоизображения дополняются нотным станом, на котором выписаны ноты и слова песни «Смело, товарищи, в ногу». Рядоположенность разномасштабных образов, динамичный наклон букв и нотных знаков, жестикуляция вождя, обращающегося непосредственно к читателю, создают динамичную, угловатую, но в то же время уравновешенную композицию.

Несколько дней, ассигнованных на наш минусинский праздничный съезд (около 1 января 1899 г., в ссылке), пролетают как один миг. Шахматы, веселая болтовня,

Рис. 3. В. Ёлкин. Фотоколлаж из книги «Как отдыхал Ленин»

В сборнике «Как отдыхал Ленин» представлены воспоминания шести авторов. Стилистика иллюстраций становится способом объединения разных, связанных между

собой только тематически, текстов в единое целое. В этих коллажах нет кустодиевской «деликатности» по отношению к автору. Они стремительно врываются в пространство

страницы, оттесняют текст в разные стороны (даже название глав превращают в элемент коллажа) и диктуют свое видение темы в целом и отдельных ее эпизодов в частности. Напористость и активность иллюстрации оказалась более подходящей «стратегией отношения» к подобным текстам. Правда, уже совсем скоро она перестанет устраивать заказчика в лице государства. Любой, даже художественный диктат над «правильным текстом» будет упразднен.

В 1930 – 1950-х годах фотоколлаж, столь любимый авторами после революционного десятилетия, почти уйдет из детской книги. К этому времени уже будет сформирован канонический, узнаваемый «Ленин для детей».

Один из примеров подобного изображения – портрет из книги В. Маяковского «МЮД» [10], выпол-

ненный В. Ивановой. Он написан в эскизной манере. На листе отсутствуют детали, не прописан фон, только несколькими скупыми линиями очерчена голова вождя. Черно-белая графика позволяет выделить самое главное. Появляется хорошо узнаваемый профиль, очертания головы с высокими залысинами, короткая острая бородка, прищуренные глаза, добрая улыбка. Образ уже сформирован. Все акценты расставлены, нужные интонации достигнуты. Таким – «добрым дедушкой Лениным» – он останется на последующие десятилетия не только в детской книжной графике, но и на тысячах изображений «для взрослых». В стране, где культивировалась инфантилизация сознания, образ «детского Ленина» будет чрезвычайно востребован.

Библиографические ссылки:

1. Арзамасцева И. Подвижники детского чтения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/download/3/2>, свободный. Яз.рус. (дата обращения: 17.01.2018).
2. Безыменский А. Комсомолия. Страницы эпопеи. М., 1928.
3. Голлербах Э. Ф. Графика Б. М. Кустодиева. М.-Л., 1929.
4. Ильин-Женевский А. Один день с Лениным. М.-Л., 1925.
5. Как отдыхал Ленин : сборник. М.-Л., 1931.
6. Кравченко А. Г. Детям о Ленине. М.-Л., 1926.
7. Красовицкая Л. М. Детская книжная графика 1920-х годов в свете её художественных ориентаций // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 2. С. 110 – 115.
8. Кустодиев Б. М. Письма: Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым. (Из дневников Вс. Воинова). Воспоминания о художнике. Л., 1967.
9. Лилина З. И. Ленин и юные ленинцы. Л., 1925.
10. Маяковский В. МЮД. М.-Л., 1930.

11. Молчанов И. Колька и Ленин. М., 1927.
12. Октябрюта. Сборник для детей. М., 1925.
13. Привалова Е., Халтурин И. Что мне читать. Указатель литературы для детей старшего возраста. Л., 1928.
14. Фоменко А. Н. Авангард и критика фотографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/329/image/329-073.pdf>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 19.01.2018).
15. Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М., 2016.

I. I. Rutsinskaya

THE IMAGE OF LENIN IN CHILDREN'S BOOKS ILLUSTRATIONS OF THE 1920S

It is well known that the formation of the cult of Lenin began during his lifetime, and, after the death of the leader, the Soviet authorities made the process of his exaltation deliberate, covering wide range of spheres and audiences. One of such target audiences were children. Especially for them they wrote, illustrated and published various books about Lenin. The article examines the methods and forms of visualization of the leader's image, as well as the process of formation of a visual stereotype that was aimed at children's perception.

Keywords: Lenin, children's literature, book illustration, cult, visualization, propaganda.

**УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В ТЕКСТАХ XVII ВЕКА:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
(на материале «Новой повести о преславном Российском царстве»)***

В статье рассматриваются устойчивые сравнения, употребляющиеся в памятниках XVII века, как традиционные со времен Киевской Руси, так и новые, измененные и в семантическом, и в структурном плане: возникают новые эталоны сравнения или старые эталоны сравнения приобретают новые признаки.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, концептуальные формы русской ментальности, семантические типы устойчивых сравнений.

Устойчивые сравнения, являясь минимальными единицами древнего текста, с течением времени претерпели различные изменения. Эти языковые изменения возникли вслед за сменой концептуальных форм русской ментальности: ментализации (X – XIV вв.) → идеации (XIV – XVI вв.) → идентификации (с XVII – XVIII вв. до наст. вр.) [7; 15]. Нами ранее были проанализированы устойчивые сравнения в памятниках письменности древнерусского (X – XIV вв.) и старорусского (XIV – XVI вв.) периодов [2; 3; 4; 5; 6], однако устойчивые сравнения новорусского периода остались за пределами нашего внимания. Следовательно, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью восстановления полной картины отражения концептуальных форм ментальности в языке.

В настоящей статье мы рассмотрим устойчивые сравнения в «Новой повести о преславном Российском царстве». Этот памятник – «агитационное патриотическое произведение, оформленное как грамота-воззвание, отклик писателя-патриота на события русской истории за декабрь 1610 – февраль 1611 г. Автор призывает современников к вооруженному сопротивлению против иностранных интервентов и предателей из правительства национальной измены – «семибоярщины». «Новая повесть ...» появилась на волне начавшего формироваться в январе-марте 1611 г. первого народного ополчения в канун стихийно вспыхнувшего в Москве восстания 19 марта 1611 г.» [2].

Под *устойчивым сравнением* понимается лексико-семантическое и грамматическое единство трех и бо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1.

лее компонентов, обладающее синкретичным значением признака и выраженное посредством сравнительного оборота с союзами *яко*, *аки*, *акы*, *якоже* [6, с. 5].

В анализируемом тексте мы выделили семантические типы устойчивых сравнений, встречающиеся и в памятниках средневековой письменности: *биоморфный*, *антропоморфный*, *зооморфный*, *артефактный* [Там же, с. 66 – 78].

С помощью устойчивого сравнения *биоморфного типа* сопоставляется мир людей с миром природы. Основными эталонами сравнения данного типа являются, как правило, небесные светила (*солнце*, *звезды*, *луна*), природные явления (*гром*, *молния*), мощные, необузданные стихии и другие объекты неживой природы.

Так, в анализируемом тексте встречаются сравнения с традиционными эталонами: сравнение с *рекой*, с *речными потоками*, имеющее негативную окраску, поскольку чаще всего с рекой сравниваются кровь или слезы, которые проливает герой: ... *и слезы от очюю своею*, *аки рѣчныя быстрины*, *испущая пред образомъ Господа нашего Иисуса Христа...*; сравнение с *попынью*, выражающее отрицательную оценку, поскольку армии врага, угнетающего честных людей, растут так же быстро, как разрастается сорная трава: *Чего ожидаете, и враговъ своихъ на себя попускаете, и злomu кореню и зелию даете в землю вкоренятися и паки, аки злomu горкому пельню, распложатися?!*

В качестве эталонов в устойчивых сравнениях *антропоморфного типа* выступают имена существительные, называющие термины родства, род деятельности, библейских персонажей, а также имена существительные и имена прилагательные, обозначающие человеческие качества или состояния [Там же, 73]. В тексте «Новой повести ...» встретились устойчивые сравнения с эталонами – обозначениями человека по роду занятий, например, государь сравнивается с добрым пастырем, охраняющим и защищающим своё стадо – русский народ: *То вам не вѣсть ли от него, государя, что, аки пастырь добрый, всехъ нас опасаетъ от техъ душепагубныхъ, челоувѣкоядныхъ волковъ и чистыя нашаея Голубицы не дастъ им, аки змишными усты, поглотити и погубити...*; и эталонами – обозначениями человеческих качеств или состояний: *И стоитъ единъ противу всѣхъ ихъ, аки исполинъ-муже, безо оружия и безо ополчения воинскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа протива великихъ агарянскихъ полковъ и побивая всѣхъ; ...нелѣпными славами, аки суций буй каменемъ, на лице святителю метати...*

В рамках антропоморфного типа к XVII в. наблюдаются семантические преобразования: появляются новые эталоны сравнения. Так, в «Новой повести ...» мы встречаем сопоставления не только с библейскими персонажами (*А и самъ тотъ злодѣецъ нашъ, сыновень отецъ, тоже льститъ*

и *блзнить, аки сатана, мечты творить и, аки бѣсовъ, с вѣстми присылает...*), но и с персонажами литературных произведений, например: *Аки Ихнилать, в цареву ризницу вѣбся...* (Ихнилат – персонаж переводной повести XV в. «Стефанит и Ихнилат»).

Для устойчивых сравнений **зооморфного типа** характерно сопоставление человека с животным, птицей, насекомым. Самым распространенным эталоном сравнения является животное (волк, агнец, змея и т.д.). Например, отрицательные персонажи традиционно сравниваются с волками (враги (часто иноземцы), совершающие или намеревающиеся совершить убийство, угнетающие русский народ): *Яко волцы, зубы своими скрегчють, и грозятъ намъ, и претятъ смертию; И тѣхъ бы враговъ нашихъ и губителей от нас, съ царствующаго града и изо всея нашея земли, вон выслати и выгнати, аки злых и гладных волковъ, в свою проклятую землю и вѣру; со змеями (отрицательные персонажи, строящие заговоры против положительных персонажей): Аки змий, изъ своих устъ изрекъ...; со львами, вепрями, псами: Он же, окаяный, стули лице свое, отиде со встѣмъ своимъ сонмомъ посрамленъ и изумленъ, паче же зло възъяренъ на великаго пастыря и учителя и в правдѣ крѣпкаго стоятеля, аки змий дыша или аки лѣвъ рыкая.*

С агнцем сравниваются положительные персонажи, как правило, страдающие из-за вражеских сил: *...избавить нас всѣхъ от толиких неудобносимых бѣдъ, и изметъ нас из*

рукъ тех враговъ наших, аки агнецов изо устъ волчиихъ. Слово агнец в данном случае символизирует смиренного и покорного человека.

Следует отметить, что в «Новой повести ...» в сравнениях зооморфного типа употребляются и традиционные, и новые эталоны (скорпион, мышь) сравнения: *И нынѣ дышитъ и сипитъ, аки скоропия, и не преста крамолы воздвизаетъ...; ...нелѣпо рещи, аки мышей, давити...*

Эталоном сравнения **артефактного типа** являются различные предметы, созданные человеком. В анализируемом тексте христианское учение, молитвенные, божественные слова сопоставляются с разящим оружием, что было широко распространено в древнерусской литературе, поскольку это связано с глубокой верой автора в Бога и в Божью помощь в борьбе с врагами: *И стоит единъ противу всѣхъ ихъ, аки исполнѣ-муже, безо оружия и безо ополчения воинскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа протива великихъ агарянских полковъ и побивая всѣхъ; ...и надѣся тѣми своими сильными слезами и молитвенными словесами, аки острыми стрелами, от себя и от всѣхъ нас тѣхъ общих нашихъ видимыхъ враговъ отгоняти...; ...изъ пречестных своихъ устъ ему изрекъ, мню, яко острымъ оружиемъ, своимъ святительскимъ словомъ тѣло и злохитрую душу его посѣклъ.*

Отметим, что трансформации подвергается как семантика, так и структура устойчивых сравнений.

Наряду с традиционными, восходящими к древнерусским текстам сравнениями (*аки песь, аки змий, аки волкъ, аки пастырь добрый, аки рѣчныя быстрины* и др.) в тексте «Новой повести...» употребляются сравнения, видоизмененные в структурном плане, при этом эталон сравнения в таких синтагмах функционирует с начала письменного периода.

Структура устойчивых сравнений изменилась одним из следующих способов:

1) замена одного атрибута другим, например, в текстах древнерусского периода употреблялось сравнение *яко свѣрѣнии* ('кровожадный, хищный, лютой') *волци*, а в «Новой повести...» мы встречаем *аки злomu волку, аки злыя волки*: *И нам сына дати, а самому, аки злomu волку, под городомъ Смоленскомъ стояти...*; лев рыкающий (*яко левъ ревый*) оказывается *лютым* ('свирепый, кровожадный, хищный'): *Да и самого того короля, лютаго врага, сопостата нашего, и его способниковъ (таких же безбожниковъ, яко же и онъ, которыхъ с нимъ тамо, подо онымъ градомъ стоятъ и градъ тый, аки злыя волки, похитити хотятъ, и которые у нас здѣ, в великом нашем граде, живутъ, и на сердцах нашихъ стоятъ и, аки лютыя лвы, всегда поглатити насъ хотят), и Сотворителя насъ всѣхъ еще удивили;*

2) распространение устойчивого сравнения новым атрибутом, например, эталон в устойчивом сравнении *яко песь* в анализируемом тек-

сте приобретает дополнительную характеристику: *...отверзль свои чело-векоубиенныя уста, и начатъ, аки безумный песь на аерь зря, лаяти...*; таким же способом распространяется устойчивое сравнение *яко пельнь горекъ*: *Чего ожидаете, и враговъ своихъ на себя попускаете, и злomu корению и зелию даете в землю вкоренятися и паки, аки злomu горкому пельню, распложатися;*

3) усложнение эталона сравнения за счет его трансформации в парное именование, под которым понимается «устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц, реализующих нерасчлененное значение парности» [1, с. 16]. Так, за счет добавления существительного *скорпи* к устойчивому сравнению *аки змий* усиливается негативное отношение автора к врагам: *Тогда, аки змий, возлетитъ к нам со всѣмъ своимъ бѣсовскимъ воинствомъ, и которые нынѣ здѣ, у нас, всѣ на насъ востанутъ, аки змии и скорпи, или, яко волки лютыя, и обладаетъ нами.*

Таким образом, в XVII в., в частности в «Новой повести о преславном Российском царстве», наряду с традиционными устойчивыми сравнениями употребляются сравнения, трансформированные как в семантическом, так и в структурном плане: возникают новые эталоны сравнения или старые эталоны сравнения приобретают новые признаки.

Библиографические ссылки:

1. Артамонова М. В. Парные именованя в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. – 171 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10866> (дата обращения: 02.02.2018).
3. Богрова К. М. Русская национальная концептосфера: устойчивые сравнения в диахронии (на материале памятников XI – первой половины XV в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 5 (3). Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012. С. 14 – 19.
4. Богрова К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте (на материале «Жития Сергия Радонежского») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 350 – 353.
5. Богрова К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет») // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 224 – 227.
6. Богрова К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2012.
7. Богрова К. М. Устойчивые сравнения как способ выражения оценки в древнерусском тексте (на материале произведений XI – XIV вв.) // «Общественные науки». 2017. № 1. С. 31 – 37.
8. Колесов В. В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : Филол. факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005. 672 с.

К. М. Bogrova, A. A. Shchitkovskaya

**SET COMPARISONS IN 17TH CENTURY'S TEXTS: TRADITIONS
AND INNOVATIONS (CASE-STUDY: «A NEW TALE ABOUT
THE MOST FAMED RUSSIAN KINGDOM»)**

The article analyzes set comparisons that are used in the monuments of the written language of the 17th century, both the traditional ones dated back to the time of Kievan Rus and new ones, changed semantically and structurally: arise new reference standards of comparisons or the old reference standards of comparisons acquire new characteristics.

Keywords: set comparisons, conceptual forms of the Russian mentality, semantic types of set comparisons.

ПОЭЗИЯ В. П. ПЕТРОВА И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Представлено более 80 лексических совпадений, в том числе в точных словоформах и близких образных контекстах, а также излюбленные петровские модели глагольного словообразования на *воз-, до-, из-, под-, пре-, пред-, при-, раз-* и *у*, характерные и для языка «Слова о полку Игоре».

Ключевые слова: текстология, Екатерина Вторая, приставки, глагольное словообразование.

В последнее время в научный оборот изучения «Слова о полку Игоре» впервые введены два важнейших источника – миниатюры в Радзивилловской летописи XV в. [1] и стихотворения поэта-одописца Екатеринославской эпохи В. П. Петрова [2]. Оба источника по своему времени далеко отстоят от самого описываемого события, Игорева похода 1185 года. Поскольку первый источник описан детально в отношении тематических связей со «Словом ...» [1, с. 157 – 167], а второй источник имеет словесный характер и его описание только началось в [2], мы попытались подробнее в отношении лексических совпадений рассмотреть второй источник.

По разным косвенным данным, сведения о «Слове ...» появляются с 1794 года, поэтому рассмотрены лишь произведения В. Петрова до 1794 года. В более поздних стихотворениях взаимодействие текстов могло быть обратным: «Слово ...» уже само могло послужить источником совпадений. Здесь в рассмотрение не включаются и письма в стихах, «раз-

ные стихотворения», написанные не в жанре оды, а также переводы Вергилия, Мильтона и др. поэтов.

Поскольку текст «Слова ...» по-древнерусски легко доступен, параллели из него даются обычно без контекстов.

Из совпадающих исключены общеупотребительные явно нераритетные слова *великъ, гора, дело, древо, земля, князь, молод, море, небо, озеро, поле, путь, старъ, река* и другие, широко распространенные как в поэзии XVIII века, так и в русском языке разных эпох. Когда становится ясным, что то или иное слово, встречающееся в «Слове ...», действительно является излюбленным у В. Петрова, даются ссылки не на все контексты. Цитаты даются в алфавитном порядке петровских слов, которые выделены полужирным шрифтом.

Если в контексте имеется другое слово, внесенное в перечень, то это другое слово также выделяется курсивом.

Поскольку уровень глагольного словообразования является слабо контролируемым в творческом про-

цессе, мы выделяли также излюбленные петровские приставки и сопоставляли их со «Словом ...».

Бегут, в реках и **блатах** тонут, / Пронзенны от российских **стрел** [8] Пещеры, **блата** и ручины [30] = по **болотомъ, болота, болотомъ**.

От коих в Тибра стон **брегах** [3], также в [4, 9, 10, 17, 19, 32] = на **брезъ** (2 раза), **брезъ, березъ, брезъхъ**.

Коль все б монархи **обуяли**, / Меж них он был бы Соломон. [13] Укрыться **буйству** трон мешает [13] Раздором **буйныя** Европы [28] = **буйство, въ буети**.

Вдруг бурный **ветр**, дохнувший хладом, / Из **облак**, отягченных градом, Премногу смерть на них **дождитъ**, / Вертит их, тискает, мождит [7], также в [14, 16] = **вътри, о вътръ!**

То нам победа **предвещает**, / То само Небо обещает [7]. Но что **вещаю** я [9] **Вещает** кротости гортанью [19], также в [21, 25, 30, 31, 32] = **въщій, въщія, въщей, въща, въщей**.

Везде, зефиры нежны, **вейте** [8] = **въють, въеши, въяти**.

Я **вижу**: гордая луна / От **стрел** российских затмена! [7] Нет; **вижду!** Мстят врагам разгневанные россы! [9] Я **вижду** там герой / От жалости рыдает! [9] **Виждь** [17] Я **вижу** вкруг поля **кровавы** [21] Что **вижду** я? – орлы воспряли [29] Я **вижду** небеса отверсты [29] Что **вижду** я? дрожат тираны [30] = не **вижду**.

Круг илима высока / **Виется** виноград [26] И дым кадильный к небу **вьется** [28] **Уж** красна мечь **взвилась** над градом [30] = **Вьются**.

Воз-. **Восстала, возввишись, възграли, взирает, взимает, вземлет, взлетя, возник, Вспряни, Востань, Взнесите, Возносит, В восторге, возгласить, востревожен, воззвучишь трубою, воззренье, Восколебалися, Воссядь, воздвигни, взыдет, возгласит, взливаться, востеча, восшумели, Взвывают, Востани, воскрился, росс!** [30], **взмахновеньем** [31], Меж древ **возникших** обоюду [31], **Воздаждь, возблистала, Восслите = възръ, възлелгяны, възгряху, възбиваетъ, възлелгй, въстала, возни, въздоша, взмути, всядемъ, Вступилъ, Вступита**.

От знойных стран, **вознявшись, пруги** / В полночной **тьмаами** край летят [7] (Нот – горячий южный ветер) **Возняв**, бугры сечет буграми [14] **Возняв** главу, протягши выю [15] И выше **взниметъ** трава [19] = утръ же **возни** стрикусы (возможно, вм. стрекозы).

Красуйтесь, **вои** и вожди [8] Ты будешь предводити **вои** [19] = **вои, на вои, вои, вои**.

На **Доне** я; к себе зовет меня Евксин («Гостеприимное», т. е. Черное море), – / «Здесь им, – гласит, – цветет в торгах и нравах чин». Где **Волга** с Каспием свои мешает воды, / Коль многие тебя благодарят народы [17] = **Волгу** веслы раскропити, а **Донъ** шеломы выльяти.

Как **волк**, что **тек** на лов, но льву попался в когти / ... Бежит [15] = **вълкомъ** (6 раз).

Вы, яры **волны**, укротитесь [7], также в [10, 14, 19] = на **вълнахъ**.

И криками ночные **враны**, / Предвозвещающая **кровь** и **раны**, / Все

полнят ужасом места [6] = *врани* (3 раза).

Подземный свет вдруг **выник** весь [4] = *понице*, на *ниче* ся, *понице*.

Главу ко Небу *простирает* [20] = *голови*, *головами*, *голови*, *голови*.

Коль мног во древни дни *тек* в южны **гот** краи [15] споборна *гота* [29] *Се* мечь на *гота* понесли [29] = *Готскія*.

Там **грек** на еллинском языке, / На росском росс хвалу Владыке / Согласным сердцем воспоют [28] = ту *Греци* и *Морава*.

Кой **грозным** видом представляет [3, 4] Во *грозу тучу* так сложенны / На россов варвары *текли* [7], также в [14, 15]. *Грозит* ступить на быстры ноги, / Пойти и влечь татар во плен! [19] *Гроза* и ужас чалмоносцев [22] = *Святъславъ грозный*, *Грозою* бяшетъ, *Грозы* твоя, *грознымъ*.

Ударил страшный **гром** закона / С Екатеринына в них трона, / И *стрелы* многи, яко град. [5] Без *грому* небесам подобна [5] иль *марсы* в *громе* [8] Пускают на врагов / Бесперерывны *громы*! [9] Султан облекся в *гром* войны [15] Из *громомещущия* длани [19] = *грому*.

Монарх под ним не меньше виден; / Мой нрав тебе я вдуну в **грудь** [19] = *лоно*.

Да Небо дни твои хранит [19] *Да диво света*, честь Европы, Екатерину *воспою* [20] *Да* дол меня и Небо внемлет [20] = *да* позримъ.

Где борзость делась **давных** лет? [27] = *давный*.

Луч... Блистал ко мне в страны *далеки* [13] Тобой сияние **далече**

окрест *мещет* [17] Кий звук я слышу *издалеча?* [19] *Свети далече* всем странам! [25] *Далече* окрест звук *дая* [29] *Далече трески* раздаются [29] И *хвост далече изовъется* [32] = *далече* (2 раза).

Бежит, рассвирепев от глада, / Сквозь лес и **дебри** лев на лов [8], также в [14, 17] = *дебрь*.

Что чистых **дев** при токах лики? [17] Пастух играет на свирели, / *Дев красных* пляшучи в кругу [19] О *девы*, отроки прекрасны, / Герои будущих времен! / Составим лики днесь согласны, / *Поя* великих честь имен. [28] Ему *дев красных* лики пляшут [31], также в [3, 4, 9, 21] = *дъвы*, *Дъвици*.

Египту в **дивах** *предоспеть* [3] Во всей подсолнечной *дивна* [5] = *дивъ*, *дивъ*, *диво*.

До-. *Досячь* = *дотечаше*, *докончаша*, *доспъгли*, *дотчеся*, *дорискаше*.

Растаяв в **дождь**, падет обрушась твердь небес; / Гремит сквозь *черность туч* сверкающий Зевес [14] *Смертьми дождимы*, *смерть дождят* [15] *благословений дождь* [18] Как *дождь* на нивы после ведра [20] = *дождю*.

Убором **дорогим** покрыты [3] **Драгим** убором покровенны [4] = *драгыя*.

В разливе носятся открытом, / **Дски**, *мачты*, *парусы*, *рули* [28] = *дъскы* безъ кнѣса.

Дунай от страха вспять побег; / Скрывает воды Прут под *брег* [8] Престал *Дунай* их *кровью течь*. [13] Крутит раздутый труп *Дунай*, его тиран [15] Катись сквозь новы, *Днепр*,

Афины, [17] Лежай, облокотясь на урну, / Отец, водой богатый, *Днепр* [28] Вам Буг и *Днепр* хвалу рекут [28] *Услышав Днепр* веленье рока [32] = *Дунаю*, до *Дуная*.

С ударом *копья* насквозь / Их *души* турков *пролетают* [30] = *душу*, *душу*, *душа*.

И безошибочной рукою / *Сжигали* главы с шведских (в 1782 вражьих) плеч [3] Секвана ту исчезь бессильна. Колико *жатва* тут обильна, / О россы! Вашему *мечу*! [6] Давно в *очах* его колоссы; / Их должно *сжати* в общий рост. [13], ср. Днесь все молчат, легли как класы [30] Там Сев из горсти зерна *мещет*, / У *Жатвы* класов длань полна [31] = На Немизѣ *снопы* стелють головами, молотять чеши харалужными.

«Предвижу плен, звучат *железы*» [8] *железных* свист шаров [9] *железны* крепи [13] Летящи сквозь эфир *железные* шары [15] *Железом* кто дерзнет / Его пронзати ребра? [21] Забив готовые *железы*, / И настоящий града плен [28] = въ путины *желѣзны*, отъ *желѣзныхъ*, *желѣзными*, *желѣзными*.

Моря, ему *жемчуг* пролейте [19] = *женчюгъ*, *жемчюжну*.

Да *жеребий* облегчит несчастну [29] = *жеребию*, *жеребий*.

Где смерть, скрываясь за *забрала*, / Горганей *тьмою* зарыгала [30] = *забралы*, на *забралъ* (2 раза), на *заборолъ*.

И Пактол *златом* пролился [3], также в [18, 21] = *злато*, Рускаго *злата*, Рускымъ *златомъ*, *злато* ожереліе.

Те *златом и серебром* блистающі кумиры [11] Роскошный *злато* расточает ... Скупой, душа в *сребре* зарыта [17] = а *злата и серебра* ни мало того потрепати.

И ... И ... [3, 4] = и рече Игорь (и другие анафорические и).

Из-. *Меч иссунет*, *извлекся*, *изовлекаю*, *извлеци*, *Источники*, *иссякнут*, *Исслатель* в Юг [25], *исхити*, *Избыток груди* [26], *исходит*, *изыдут* в бой [29] = *изъострени*, *изрони*, *издалеча*, *изрони*, *избивая*, *истягну*, *искусити*, *испити*, *иссуши*, *испити*.

Да снидет на главы их *кара* [6] Их *кара* вяще жесточит [16] *Орел...* *Разносит* быстро *кары строги* [29] = *Карна* и *Жля*.

Те *стрелы в крови* ядовитой [3] И я б, сгустив их *кровью реки* [4] И *кровью* их багрил пески [4] Пловя в *реке кровавой* пены, / Готовит чуждым тронам плены [5], также в [7, 8, 9, 12, 13, 15, 30] = *кровію* поляна (есть и в «Задонщине»), по *крови*, *кровави*.

Ваш жар – вам *молнийны крыле* [6] Их парусы – *крыле*, их мачты – лес дремучий! [9], также в [13, 14, 15], При мышцах горлицы *крыле* [19] = лебедиными *крылы*.

Под пушки кроется от бед. / Как *лебедя* когда разщиплет / *Орел*, и перие рассыплет / Повсюду, с *кровию*, в пыли [28] = *лебедѣй* (2 раза), рци *лебеди*, *лебедиными* крылы, *лебеди*.

Екатерина – *лепость* трона [13] Ты знаешь, како нрава в *лепость...* нас облечь [16] Мир... *Слетает* веле-

лепен долу [31] *Тьмократно* паче прочих *леп* [31] = Не *лѣполи*.

Ах, естли б Небо должну / На грех пускало мечь, / *Летал* бы *гром* за *громом*, / Тряслася бы земля! [16] Кому какой талант возможен, / *Летел* в участие потех [25], также в [28, 29, 30] = *летая, полечю, залетѣло, полетѣти* на уедіе, *летятъ*, не *мыслию* ти *прелетѣти*, *полетѣ* (2 раза), *летитѣ* (2 раза).

Претят *ли* страхи преткновений / Ей бурею стремиться вдаль? [13] = Не *лѣполи*, Се *ли* створисте, не ваю *ли* (2 раза), Мало *ли*...?

И палым со древес *листом* [6] = *листвіе* срони.

Лие противных *кровь* рекой [28], также в [18, 19, 21, 25, 26, 27, 28] = а *кровію* *полянна*.

И утрояет (в 1782 умножает) свет *лучей* [3] Пролей твой *луч* в *усердну* *грудь* [13], также в [13, 14, 16, 17, 18, 28] = свою *лучю*, *лучи*.

Впоследок *люте* огорчась [29] Ага, несяся тигром *лютым* / На *копья* острые *воздет* [30] = *лютымъ* звѣремъ.

Стоит во *мгле* смущенных дум [3] Не страшен Флоре вихрь, ни *мгла*, ни град [14] Сшибаясь, скачут им налегшей выше *мглы* [14] Густится *мгла* чернай, как ночи тень безлунной [15] также в [16, 31], *Курящаяся мгла* [21] В огне, в дыму, во *мгле* густой [28] *Мгла* град и россов оболкает [30] Се *солнце*, зрителям споспешно, / Часть круга *мглою* облача [31] (ср. мотив солнечного затмения в «Слове») = *мъгла*, обѣсися синѣ *мъгль* (по [30], Всеслав «завис» в синей мгле).

Подняв главу из теней *мрака* [3], также в [17, 32], Там стонет твердь и понт, там *меркнет* свет лучей [12] Чтоб совесть в нас не *померцала* [20] Объят богини я *лучами*, / Я сам, казалось, не *мерцал* [25] Тот *меркнет*, не дождав упада [30] Дабы в вес честь не *померцала* [32] = *помѣркоста*, *мркнетѣ*.

Пока приближаются ко *мете* [4] Неся их быстро к *мете* хвал [4] = свѣдоми къ *мети*.

И *мещет* и пронзает вдруг! [3] Пресветлы *мещет* окрест взоры [5] Что *мещет* в мир весенний *луч* [13] Тем *громом*, что я *мещу* свыше [13] Из края *мечет* в край тут кита океян [14], также в [16, 28, 31], ср. С *Дуная* огонь бросают жерла [30] = *меча*.

То вдруг, лишь он *мечем* заблещет [4] *Мечом* сверкают и локтями [3] Сверкают *златом* и *мечьми* [4], также в [9, 14, 15]. Вотще закон свой *меч* иссунет [16] = *мечи*, Литовскими *мечи*.

Кони *под* ралами вспотеют, / Герои зерен *под* *млатьбой*. (Герои вспотеют под *молотьбой* зерен) [13] Коль часты града в кровлю стуки, / *Млатов* по наковальням туки, / Удар их столь по туркам част [30] = *молотятѣ*.

Летали молнией по строю [3, 4] Врагам страшна, *молниевидна* [5], также в [6, 8, 13, 15, 21] = синіи *мльніи*.

Вождь каждый в *мужество* облекся / Надежды воин *шлем* надел [30], также в [3, 4, 8] = *мужествомъ*.

Открыли *мыслям* *тьму* отрад! (в 1782 *оку*) [3] Кто, *люто*стью как

тигр пылая, / Стремится в бурных мыслей путь [5], также в [7, 8, 9, 13, 16, 19, 28]. Из храмов мыслями к ней тецете [18] = мысляю, мыслену, ни мысляю смыслити, не мысляю, храбрая мысль носить, мысляю.

На-, на. Наступят = наплънився, наведе, напряжени, на рѣцѣ на Каялѣ, на борони, на вои, на судъ, и на канину зелену и мн. др. на, наступи, насыпаша, на ниче ся, начясте наводити, насиліе, насильно.

Но что *не* слышен топот боле [4] *Не* наши ль окрест где враги? *Не* начинается ли сеча? [19] *Не* совершается ль / Пророчество Мира? [21] *Не* вы ль, оставя юг, / На север к нам грядете? [21] И вмиг, о Клия, заиграй! / *Не* бойся, не ослабли ль струны, / *Не* изнемог ли сладкий глас [26] *Не* быстры мысли и высоки [26] = *Не* лѣполи, не мало ти величія.

До *облак* восходили клики [4] До *облак* ветви *возвышает* [20] = подь *облаки* (2 раза), *облаки*.

Еще блистает к нам *лучами*, / Еще пред нашими *очами* / Священны зрятся красоты! [18] Он (Младенец Александр) ищет бодрыми *очами* [19] Любви народной *очесам* [19] Средь благ, которы *очеси* / Словесного творенья *лестны* [21] = ни *очима* съглядати.

Так ты, *опряся* на него, / Кажи плод смысла твоего [26] = *подпръся*, *Подперъ*.

Орел им запер путь назад [29] = *орломъ*, *орли*.

Не те вам, турки, *ветры* дышут; / Не то судеб днесь *персты* пишут [27] Венец *златыми* носит *пер-*

сты [29] Чтецы скрижалей, ею данных, / Священным *перстом* начертанных [32] = *въщія прѣсты*.

Пою российской гнев богини: / Немолчна *песнь* ей должна дань. [8] *песнь* без вымыслов прекрасна. [12] Чтоб *песнь* была тебя достойна [13] И *песнь* богине мной греми [13] *Поют* немолчно музы [14] О *плески* движуща царица, пророчащих душа *певцов* [16] Мне тако о твоих удобно *петь* делах, / Как жаворонку *летать* на орлих *выспрь крилах* [17] От *росской славы* звук умножит, / Жар новый *песнопевцам* вложит [19] Ты *песнь* ему воместо *смирны* / Благоговейно принеси [19] Глас *песни* *возгремел* победной [22] Чести *певца* *Троянской брани* / Был, пишут, Александров вкус (упоминается Екимов) [23] *Да песнь* царице днесь *отрыгну* [27] = *пѣсни, пѣснь, пѣсь пояше, Пѣти* было *пѣсь, въспѣти, поютъ* (4 раза), *пѣсьми*.

Как красны женихи в убранстве, / Подвиглись россы на беду, / На *пир* подвиглись будто брачный = *пиръ*.

Свирепым *пламенем* рыгают / Прохладны Днестровы *струи*? [7], также в [8, 13, 15, 28], Ты, башня каменем одета, / Что, *пламень меча* в три ряда [30] = *въ пламянъ розъ*.

То в радости героям *плещет* [3] Его успеху *совосплещет* [4] Снискать ее, верх счастья, *плеск* [4] Молчите, шумны *плесков* грома [3, 4] Живущи в Норде, *восплещите* [7] среди мирных в граде *плесков* [14], также в [15, 16, 17, 31], Ему со шумом *плещут* реки [31] (Норд) Прижав

сугубу к персям длань, / В восторге вдруг всплеснув десною; / Как с гор ревет поток весною, / Гремящу отворил гортань [32] = *всплескала, плещучи*.

Стократ его и турк, им **пленный**, прослезил [17], также в [3, 8, 27] = *полонену*.

О луч лучей краснейший дневных, / О солнце радостей душевных, / Кто в воздухе **повесил** тя? [19] = *объсися синѣ мьгль*.

Под-, под. Под шлемом, Подперть, подкопы, под вами враг, *Под* пушки кроется от бед [28] = *подъ* облакы (3 раза), *подъ* трубами, *подъ* шелома, *подъ* копыты, *подъ* саблями, *подъ* ранами, *подъ* шелома латинскими, *поклониша* *подъ* тьи мечи харалужнии, *подъ* кликомъ поганыхъ, *подпръся, подъ* мьглами, *подъ* сѣнію зелену древу.

Взмущенны **прахом** ипподромы [3] *Под прахом* горды ипподромы [4] *Встает прах* вихрем из-под бедр [3] (в 1782 *Копыта* мещут вихрем *персть*), *Еще* с лица его пот с *прахом* не отерт [12] *И* тако со враги встречался, / *Как* с легким *прахом* сильный *ветр* [19] *От* ног *прах* Крыма оттрясите [21] = *пороси*.

Пре-. Пребезопасен, Престань, Превыше, премену, Прясть, по... преломе, Премены, цари преступны, Премог, не преможет ад [29] = *прегородиша* (2 раза), *преградиша, преклонилось, прѣклонило, прелетѣти, прерыскаше, претръгоста*.

Пред-, перед. В дивах предоспеть [3], *О* верны счастья *предзнаки* [19], *предвари, предприемлет...* дух

[20], *Перед* [21] *Мой* в *прежню славу* трон *восставь* [22], *предстает, Предрассуждений, Гуссейн пред* него падет [28], *Предзнак* борения удачна [29], *Друг друга выпередить* тщатся [29], *И предохранны* ладии, / *Их* хода *пламenny предтечи* [29] *Предзнак* грядущей благодати [32] = *преди, предъ* пълкы, *предъ* зорями, *преднюю* славу сами похитимъ, у Курьска на *преди*.

По сил защитничьих **преломе** / Сдаются сильные града [27] *О щит твой стрелы преломились* [31] = *копіе приломити*.

При-. Прилег [14], *приемши, Присутствен, присилен, Приобретай, Приседый* к мелям *гот трепещет* [29] = *прикрыти, приламатти, прикрывають, привед, прикрыла, прихождаху, притрепеталь, притопта, припѣшали, притрепа* славу, *притрепанъ, припѣвку, пригвоздити*.

Как галл под ним *ревел пронзен* [3, 4] *Почийте, копья, меч* и луки. [7] = *вонзить* свои мечи вережени.

Полет **простерли** вдруг к Дунаю [8] *И* перст *простря* своей десницы / *На* росски абие границы [13], также в [21, 25, 26, 29, 32] = *прострошася*.

То вверх я **прыском** устремлялся [32] = *прыщеши, Прысну*.

По рощам **птиц** не молкнет хор [18] = *птичь, птиць, птиць* (2 раза), *птицю, птиць, ни птицю* гораду, почнуть наю *птици* бити.

Раз-. Раздвигая, с размаху, Раскрыта грудь, *бесшлемно* темя [29], *раздули, разинул, раздутый* труп [15] = *разлучиста, разліяся, разшибе, развѣя, разумѣти*.

Премудра россов героиня, / Живая правда, их **разит**. [5] = *разшибе* славу Ярославу.

Прельщенны ею агаряны, / Омойте в ней *кровавы раны!* [8] = за раны (2 раза), *раны*.

Я странный слышу **рев** музы́ки! (в 1782 шум) [3] *Ревущий* со Полудня ветр [16] *Ревет*, их к *грудь приложив* [28] Как вихри, облаченны мглой, / Туда со звиздом, шумом, *ревом...* *Громовой мечутся стрелой* [28] = *ись Ревугы*.

(Пентизилея) Прерывным голосом **рекла** [3] Прервав молчание, *рекла* [4] *Рекла*, и помавав глагою, / Поколебала твердь небес [13] = и *рече? рече* (всего 12 раз).

Война... Она **рог** стерти хочет твоей. [6] Луны горящейся *рога* [9] Чем *рог* противных стерт [12] и сильных *рог* сломити [15] Ты, ветвистых елень носитель гордый *рог* [17] = *рози, розъ*.

Враги **рыкать** не смеют львами [3] = *рыскаше, дорискаше, прерискаше*.

Свой **солнце** туне *мещет* / Со тверди долу **свет** [16] Скупой... Родне, друзьям и *свету* мертв [17] = на *свѣтлое солнце*, одинъ *свѣтъ свѣтлый*, заря *свѣтъ* запала, *свѣтъ* повѣдаютъ, съ вечера до *свѣта*, *свѣтъ*, солнцю *свѣтъ*, *свѣтлое* и *тресвѣтлое слѣнце!* *свѣтъ* повѣдаютъ, Солнце *свѣтитя* на небесѣ.

Се (анафорическое) в [9, 17, 19] = *Се* вѣтри, *се* бо два сокола, *Се* бо, *Се* ли, *Нъ се*, *Се* Уримъ.

Там **сера**, **огнь**, **смола**, смрад дыма, вопль и звук [9] Восхитив *серный* прах в воздушную страну [9]

Российские *огни* в турецкий флот метал, / Багровил синий понт *кровьми* иноплеменных? [9] = *смагу* мычючи.

Ты в свет победы облекись, / *Гремящей славой* вознесись [7] Пускай Секвана негодует, / Ты, *громка слава*, ей внуши [8], также в [9, 10, 12, 16, 18, 19, 26, 29] = *славу, слава, славу, слава*.

С *берегов* Невы в далеки миры / Сладчайши разнесли **слова** [19] *Премудры* каплют *словеса* [20] праздных слов [23] = *словесы*, изрони *злато слово*.

Суда российски *полетели*, / Как легки в гладе **соколы** [28] = *соколовь* (3 раза), *соколы*, ни *соколу*, *зайде соколь*, два *сокола*, *соколома*, *соколь* (4 раза), *соколича*, *соколца*, *сокольца*.

В ряд станет с **солнцем** лучезарным [5] И над сералию *комета* / Беды на часть полночну света / Трясет со пламенна хвоста! [6] Затменье *солнца* всем приметно. [13] = два *солнца*, *солнце*

Напрягши **славии** гортань / Его величат громким свистом [31] = *соловию*, *соловию*.

На храм **Софийский** се нисходит / Дух Божий в образе огня! [7] = ко Святѣй *Софию*, у Святых *Софею*.

(Орел) Узревши (в 1782 Узревший) птиц, *летащих стадом* [3] Иль долгим в воздухе пловущи *стадом* птицы [17] Одни, в подобьи *вранья стада* [29] = на *стадо* лебедѣй, (2 раза), галици *стады* бѣжать (не летят!).

Они скорее **стрел** летят [3], также в [8, 12, 14, 15, 20] = *стрѣлами*, *стрѣлы*, *стрѣлами* (5 раз), *стрѣлы*.

Ты емлешь грады в мразы **строги** [28] = *въ срожатъ*.

Струи Днестра, их трупов полны / Несут, крутя их, в черны волны [7] И томны в понт несет *струи* [8] шумят *струи* Днепровы [15] И как *струи* кровь точат водны, / С презреньем души благородны / Из крепких проливают тел [30] = *струями*, на *струяхъ*, худу *струю*.

Настрой свои как должно *струны* [19] о, Кляя... Води по *струнам* смелы *персты*, / И глас бряцанью соглашай [26] = на живая *струны* (есть и в Задонщине).

Султан чрезмерно устрасился [27] Терять *султану* на постыдно [27] = *Салтани*.

Ярится в злобе *солнцев сын* [7] *Гремящей славы сын* открылся [8] *Сын* роскоши и нег [14] Возвеселись, отец, по *сыне!* [25] Вы днесь *сыны* под небесем / Монархини [32] = *сыну*, *сыны*, *сынъ*, Рускихъ *сыновъ*.

Уже противники России / *Стекаются* ко Византии; / Как кровь из всех ко сердцу жил. [6] Все стали в строй, *текут*, предводит их победа [10] *Теки* на поле брани слезно [13], также в [16, 21, 25, 28,] должных *ток* словес [19] = *текуть*, *потече* (2 раза).

То дух во мне, боясь, *трепещет*, / **То** в радости героям *плещет* [3] *То* сердце бьется мне от страху [4] = *То*.

Ногами бурный *конь топочет* [15] Их *топчут*, как скудель, преграды [15] Кричит, *топочет* – в бой *налечь* [29] Их жмет пещец, / Их всадник *топчет* [30] Взгляните! *Конь* под ним («Медным всадником») *топочет* [31] = *потопташа*, и съ *Топчаки*.

Что тако злость и ков *трепещет* [5] Но окрест дол его *трепещет* [21] *Трепещет* он российских воинств [27] *Трепещется* в пыли, как рыба [30] = *трепещуть*.

Но ты без *грозных* брани *тресков*, / Без *молний*, жрущих строи, блесков [27] *Глава* (Днепра) *трясется* тростеносна; / **Трещит** под тяжким богом лед [28] *Летят*, родяще *трески* *громки* [30] Приступа *треск* появьый слухом [30] = *трещать*, *тресну* (2 раза).

Поднесь стояло б **Трои** царство [3] По сем: «Цвела б поныне *Троя...*» [4] Не *Трою* рушители назначен [22] Низвергли град крепчайший *Трои* [30] = *Трояню* (2 раза), *Трояни* (2 раза).

Умолкли **труб** воинских звуки [3, 4] В мой полный *трубных* гласов слух? [7] парит / *Трубяща слава* флотом! [9] Громчайше та *трудою* / Потомкам возвестит. [12] Зовущу к бегу *вняв трубу* [15] Звучит *труба!* На Юге брань! [21] Когда *труба* войны *затрубит?* [30] = *трубы* *трубять* (2 раза).

Пчел рои... Сквозь воздух *облаком* несутся, / И *крыла* их жужжа *трясутся* [21] *Трясутся* пусть цари *преступны* [27] Из *облака мечем* десница / Над ним открылась *трясуци* [28] *Трясыйся*, бледен, полумертв [30] = *труся*.

Упала в прежню теней **тьму** [3] Отягощен *тьмой* новых дум [13], также в [13, 14, 19, 21] = *тьмою*, *тьма*.

У-. *Узревши* (В 1782 *Узревый*) [3], *упала*, *упреждают*, *Умолкли*, воин *увязенный*, *увенчан*, *утеха*, *умовенны*, лавром *увязен*, *устланны*, в *струях* *усохнет* [6], *ущедрена*, *усугубляешь*, *вкруг укреп* [30], *Тот меркнет*, не до-

ждав упада [30] = *ущекоталь, убуди* (4 раза), *успе*, на *удеіе*, бѣше *успиль*, *уныша* (2 раза), *утрпѣ*, *Унылы*, *утру*.

Уже *Уже...* *Уже...* [3]=[4] *Уже* послушны *грозной* воле [6] *Уже* Рим древний пал, подобно слабой трости. / *Уже* Катоновы во прах истлели кости [11], также в [14, 19, 24] = *Уже* бо,... *уже*, *уже* бо (и другие анафорические повторы с *Уже*).

Но что в *уме* моем скрывает / Видений райских красоту? [5] = *умь* (4 раза), *умомь*.

И шум, Потемкина во *ушии* / *Достигнув*, веселит вождя [30] От образа («Медного всадника») всем глас во *уши* / Приходит, яко глас *трубы* [31] = *уши*.

Коль *утра* мил такого зрак? [18] = *утра*, *утрѣ*.

Как *херувим*, многоочита [13] Смутились дола *херувимы* [13] Над нею *херувим летает* [18] Ей стража – сильны *Херувимы* [28] = *шестокрици*.

Не храбрые ль спартански *девы* [3, 4] Коль *храбр* и чуден вождь индейн [3] Герои *храбры* по труде [4] Мы *храбрость* чтим и в сопостатах [28] Отверзли *храбрым* к славе дверь [29] где *храбры* в бой *исходят* [30] К ружью! о *храбрые* славяне! [32] = *хороброе*, *храброму*, на *храбрыя*, *храбрии* (2 раза), *храбрая*, *храбрая* (2 раза), изъ *храбра* тѣла.

Там в *черну тучу* дым густится [7] То *пруг* голодных *туча черна* [15] Вдруг страшны *тучи* созовет [28] = *чръныя тучя*.

Всесильно россов божество. / Доколь мя *черплют* человеки, / Твой путь мне памятен вовеки / И незабвенно торжество. [32] = *раскропити*, *вильяти*.

Что часты *громы* ударяют / От Норда в южные край? [7] = *Что* ми..., *что* ми... ?

А в том, покрыт кто скачет *шлемом* [3] А в оном, кой летит *под шлемом* [4] *Под шлемом* росс! – дрожит Херсонь [7], также в [8, 15, 19], Тут будто смесь племен: / В чалме, в скуфье, в *шеломе*, / Там грек и турк между славен [26] = *подъ шеломы* (2 раза), *шеломомь*, *шеломы* (2 раза).

Позорищный услышав *шум* [3] *Шум* зрелища услышав, рада [4] Я слышу странной *шум* музы́ки! (в 1766 *рев*) [4] Которых *шумом* лирных *звон*ов [3, 4], также в [5, 13, 16, 17, 18, 21] = *Что* ми *шумить*.

Премудрость троны украшает, / Себе, своим, союзным *щит* [13] = *щиты*, *щиты*.

Из этого материала мы делаем только один определенный вывод о подтверждении тесной связи стихотворений В. П. Петрова 1766 – 1793 гг. и «Слова о полку Игореве».

Библиографические ссылки:

1. Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве». Текст, язык, автор. СПб., 2017.
2. Власов С. В. Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В. П. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума. Красноярск, 2013. С. 169 – 181.

3. Петров В. П. На карусель (по изданию 1766 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rvb.ru/18vek/poety18veka/01text/vol1/07petrov/226.htm> (дата обращения 11.02.2018) ; другие стихотворения В. П. Петрова цитируются по изданию: Петров В. Выбор Максима Амелина. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. М., 2016. По нему же даны страницы.
4. На карусель (по изданию 1782 г.) С. 25 – 33.
5. На сочинение нового Уложения. 1767=1782. С. 34 – 42.
6. На войну с турками 1769=1782. С. 43 – 46.
7. На взятие Хотина 1769=1782. С. 47 – 52.
8. На взятие Ясс. 1769=1782. С. 53 – 58.
9. На победу российского флота над турецким. 1770=1782. С. 59 – 65.
10. На победы в Морее. 1770=1782. С. 66-69.
11. Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову генваря 25 дня 1771. 1771=1782. С. 70 – 72.
12. На прибытие графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в Санкт-Петербург 1771=1782. С. 73 – 75.
13. На заключение с Оттоманскою Портою мира. 1775=1782. С. 76 – 89.
14. Его сиятельству князю Григорью Александровичу Потемкину 1775=1782. С. 90 – 99.
15. Его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому 1775=1782. С. 95 – 99.
16. На новые учреждения для управления губерний 1777=1782. С. 100-105.
17. Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину 1777=1782. С. 106 – 109.
18. На день коронования ея императорского величества сентября 22 дня 1777 года. 1777=1782. С. 110 – 112.
19. На всевожденное рождение великого князя Александра Павловича 1777 года декабря. 1777=1782. С. 113 – 120.
20. На день тезоименитства ея императорского величества ноября 24 дня 1778 года. 1778=1782. С. 121 – 123.
21. Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину. 1778=1782. С. 124 – 131.
22. На всевожденное рождение великого князя Константина Павловича 1779 года апреля. 1779=1782. С. 132 – 134.
23. Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину. 1779=1782. С. 135 – 136.
24. Пета в маскараде на Озерках. 1779=1782. С. 137.
25. На открытие губернии в Москве. 1782. С. 138 – 144.
26. Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину. 1782. С. 145 – 150.

27. На приобретение Крыма. 1784. С. 151 – 155.
28. На взятие Очакова декабря 6 дня 1788 года. 1789. С. 156 – 169.
29. За заключение мира со Швециею. 1790. С. 170 – 184.
30. На взятие Измаила декабря 11 дня 1790 года. 1791. С. 185 – 198.
31. На торжество Мира. 1793. С. 199 – 211.
32. На присоединение польских областей к России. 1793. С. 212 – 223.

D. G. Demidov

THE POETRY BY V. P. PETROV AND THE «THE LAY OF IGOR'S HOST»

The article deals with more than 80 lexical coincidences, including in word forms and close figurative contexts, as well as favorite Petrov's models of verbal word formation in the form with prefixes *воз-*, *до-*, *из-*, *под-*, *пре-*, *пред-*, *при-*, *раз-* и *у*, typical of the language of «The Lay of Igor's Host».

Keywords: textology, Catherine the Second, prefixes, verbal word formation.

УДК 8/82

О. Ф. Валеросо, А. А. Гладкова

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ В. ГАУФА И Э. А. ПО НА РОМАНТИЧЕСКУЮ ПРОЗУ И. С. ТУРГЕНЕВА

В статье рассматривается влияние традиций и ключевых идей немецкого писателя и новеллиста Вильгельма Гауфа и американского писателя Эдгара Аллана По на романтическую прозу И. С. Тургенева. Путем определения и анализа ключевых особенностей творчества каждого из писателей на конкретных примерах определяется сходство произведений В. Гауфа и Э. А. По с произведениями И. С. Тургенева.

Ключевые слова: романтизм, реализм, художественный метод, литературное влияние, стиль.

В мировой литературе Вильгельм Гауф известен прежде всего, как писатель-сказочник: его перу принадлежат знаменитые сказки «Маленький Мук», «Карлик Нос» и «Холодное сердце». Однако романтизм в творчестве писателя проявился и в ряде других произведений.

Первым крупным сочинением автора были «Странички из мемуаров

Сатаны». Отметим, что жанр мемуаров не имеет привычной для многих других жанров целостности, он представляет собой отдельные зарисовки, сцены и размышления. У Гауфа эти отдельные фрагменты объединяются неким обрамляющим их рассказом, где повествователем выступает сам Сатана, который пришел на землю в облике человека. Впрочем, следует

отметить, что Сатана у Гауфа менее всего напоминает исчадие ада: его поступки и действия не совпадают с теми, которые мог бы ожидать читатель. Ключевая идея, которую хотел выразить автор в своих мемуарах, сводилась к утверждению, что зло не всегда имеет некий отталкивающий облик, иногда оно кроется за привлекательной личиной, а иногда и вовсе бывает незаметным. *«Неужто черту непременно надо иметь такую личину, чтобы всех отпугивать и настораживать, не лучше ли, как уж повелось, греху выглядеть заманчиво привлекательным?»* – спрашивает Сатана [3, с. 29]. В этом произведении не Сатана творит зло, а лишь наблюдает за тем, как его творят люди.

Секрет того успеха, что достиг писатель за столь малый промежуток времени, кроется в том, что он угадывал веяния времени. Помимо занимательности, присущей его повествованиям, общество привлекала реальность жизненных ситуаций, описанных в них.

Широкую известность получил роман В. Гауфа под названием «Человек с луны». Это было второе его произведение такого рода, которое автор создал всего за шесть недель. Речь в романе шла об очаровательной и в то же время отважной девушке, которая помогла графу, страдавшему от психической болезни. Изначально Гауф ставил своей целью подражание стилю Г. Клаурена, однако в результате то, что задумывалось как подражание, превратилось в пародию. Высмеивался сюжет (который, по мне-

нию автора, был банальным), образы, лишённые вкуса, и излишняя манерность стиля.

Позже Гауф обратился к историческому прошлому. Его произведения приобретают все больше черт, присущих реализму. Роман «Лихтенштейн» с подзаголовком «Романтическое сказание из Вюртембергской истории» сразу стал популярным и неоднократно переиздавался. Критики повсеместно заговорили о появлении «немецкого Вальтера Скотта». И хотя такое сравнение было преувеличением, это был первый исторический роман в Германии, где предметом изображения стали реальные политические конфликты национального прошлого. Писатель выбрал крайне важные исторические события – феодальные междоусобицы и стычки между отдельными князьями Германии в XVI веке, а именно накануне Великой крестьянской войны. Однако ему не удалось глубоко понять характер отражённых противоречий. Философия исторического процесса в произведении предстает упрощённой: все события здесь показаны как результат противостояния отдельных лиц или общественных сил. Любовная линия рыцаря Георга фон Штурмфедера и Марии фон Лихтенштейн выходит на первый план, отодвигая развитие важных исторических событий на второй.

С точки зрения Гауфа, исторический роман представляет собой особое проявление духа времени. Прежде исторический процесс преподносился лишь через призму свер-

шений правителей государств и высокопоставленных чиновников. Однако новое время показало, что важные для истории деяния совершали совершенно разные люди. Тем не менее как романист Гауф ставил своей целью изображение характеров и взаимоотношений героев, а потому совершенно очевидно, что творчество автора приближалось к реализму.

Особенно убедительно это видно из его последней новеллы «Портрет императора» (1827). История незадачливого ухаживания Рантова за его кузиной Анной Тирберг – это лишь повод для основательных социальных и исторических наблюдений. В новелле показана общественная ситуация в Германии в эпоху Реставрации. Страна была раздроблена, между жителями разных ее частей господствуют соперничество и непонимание. Растущая сила Пруссии отразилась в национальной амбициозности Рантова, уверенного в превосходстве пруссаков над жителями остальных немецких земель. *«О, Германия, Германия, твоя беда в твоей раздробленности!»* – говорит один из героев [2, с. 607]. В стране все зыбко и нестабильно, противостоят и сталкиваются друг с другом различные убеждения. *«Разве есть в нашем столетии хоть одна отдельно взятая семья, где бы не было разницы взглядов?»* – спрашивает Рантов [Там же, с. 614].

Теоретики романтизма, как известно, рассматривали сказку как «канон поэзии» и воплощали в ней свои представления о мире и челове-

ке в нем. Интерес к сказке Гауф воспринял от своих предшественников и старших современников, особенно от Гофмана, которого много читал и высоко ценил. Сказки Гауфа сильно отличаются от тех разновидностей жанра, которые создавали другие художники романтического направления.

Во многих сказках писателя заметны черты реализма: сказка утрачивала философскую глубину, зато приобретала житейскую убедительность. Доверительная манера повествования приближала героев к читателю, делала сказку более понятной для него. И хотя с героями происходили невероятные события, сами они полностью были лишены исключительности. Ими движут любопытство и тщеславие, страсть к богатству и высокомерию, но никогда – жажда приключений или поиск истины.

Соответственно, повествование о них ведется с легким юмором. Так, например, к Калифу в сказке «Калифаист» лучше всего обращаться с просьбой тогда, когда он хорошо выспался и на досуге покуривает свою длинную трубку из розового дерева; а сам Калиф усердно собирает в своей библиотеке рукописи, хотя и не умеет читать. А в сказке «Фальшивый принц» портной Лабакан иногда воображает себя персоной «голубых кровей». Угольщик Петер Мунк (сказка «Холодное сердце»), получив возможность исполнять свои желания, не может придумать ничего другого, кроме как танцевать лучше признанного «короля танцев» в местном трактире.

Романтические традиции в творчестве Гауфа сталкиваются с веяниями реалистической эпохи, что и определяет его место в истории национальной литературы.

Разнообразие творческих достижений Эдгара Аллана По обусловлено тем, что он особое внимание уделял художественному мастерству произведения и даже разработал свою теорию о задачах творческого процесса. Именно По был первым в литературе, кто осознал, что слово имеет огромную эмоциональную силу, а потому ставил целью строить свои произведения таким образом, чтобы достичь наибольшего влияния на читателя. В этом и заключается особенность романтизма американского писателя.

Разумеется, его творчество находилось под большим влиянием романтизма, в его формировании важную роль сыграли английские и немецкие романтики. Произведения Э. По раскрывают идеалы прекрасного, которые создавались в воображении поэта. Писатель противопоставил романтику истине и морали: *«Ее взаимоотношения с интеллектом имеют лишь второстепенное значение. С долгом и истиной она соприкасается только случайно»* [4, с. 143]. Необходимо отметить, что под словом «истина» автор подразумевает реальность окружающего мира и таким образом подчеркивает значимость и несовместимость этой реальности с романтическими идеалами.

Кроме того, По отрицал спонтанность творческого процесса и

утверждал, что творческий процесс есть итог целенаправленных действий и точного расчета, а не просто некое озарение. Требование к завершенности и структурированности произведений у Э. А. По является новаторским и смелым.

Для того чтобы достичь гармонии в произведениях, по мнению По, главным было соблюдение принципа композиции, а именно: *«сочетание событий и интонаций, кои наилучшим образом способствовали бы созданию нужного эффекта»* [5, с. 76]. Иными словами, все в стихотворении или рассказе должно служить для оказания такого воздействия на читателя, которое заранее «спланировано» художником. Э. А. По считал, что все элементы текста должны работать на «эффект целого».

Писатель дал свое определение поэзии, он считал, что поэзия есть «создание прекрасного посредством ритма». Уходя от реальной жизни, в своих произведениях он создавал совершенно иную реальность, таинственную и неясную.

В произведениях Э. По часто настроение превалирует над содержанием. Это настроение создается не с помощью образов действительности, а посредством разнообразных ассоциаций, часто неопределенных, туманных. Стихи писателя рождают сильный эмоциональный отклик.

Еще ярче особенности романтизма американского писателя проявились в его прозаических произведениях. Э. А. По отдавал предпочтение небольшим по размерам жанрам,

таким как новелла и рассказ. Он считал, что произведение, которое можно прочитать сразу, окажет на читателя гораздо большее влияние. В своей прозе По уделял особое внимание проблеме столкновения человека с реальным миром.

Тем не менее писатель верил в человеческий разум, который поможет человеку выстоять в борьбе с трагическими противоречиями современности. В этом также заключается особенность романтизма По, которого называли рационалистом в романтизме (рассказ «Колодец и маятник»). Реализм в романтизме По еще ярче заметен в его рассказах детективного жанра («Золотой жук» и др.). Таким образом, особенностью романтизма Э. А. По является осознание силы эмоционального влияния слова на человека, а следовательно, и художественного произведения на читателя. Второй главной особенностью романтизма Э. А. По является присутствие в нем реализма, а потому романтические герои его произведений способны как чувствовать и грезить, так и жить в реальном мире, мыслить и созидать.

Любопытное соотношение романтического и реалистического мировидения мы находим в творчестве И. С. Тургенева. Как известно, в 40-х годах XIX столетия была начата борьба против романтизма как литературного направления. В сложившейся ситуации русский писатель занял особую позицию: он не отвергал романтические средства изображения героев, но в то же время подвергал

романтизм критике за равнодушие к насущным социальным вопросам, к жизненно важным задачам, стоящим перед страной. Так, например, в повести «Андрей Колосов» (1844) между романтическим и реалистическим героем Тургенев отдает предпочтение последнему, человеку с ясным и простым отношением к жизни. Аналогичное предпочтение автора можно проследить, например, в повести «Бретёр» (1847), где герою Лучкову он противопоставляет Кистера.

Тем не менее следует помнить о том, что романтическое искусство не могло не оставить след в художественной литературе, так как оно долгое время было господствующим в России. А потому многие писатели продолжили использовать его формы, средства и приемы даже после того, как романтическое направление подверглось критике. Однако в данном случае следует говорить уже не о романтизме как направлении, а о романтике, т. е. особом отношении к жизни. Такую романтику можно заметить, например, в повести «Первая любовь» в отношениях Владимира и Зинаиды или в истории о загадочной княгине Р. в «Отцах и детях».

Г. Н. Пospelов дает следующее определение романтики: *«Под романтикой разумеется такое идейное утверждение жизни, которое заключает в себе приподнятое эмоциональное стремление личности к возвышенному идеалу»* [6, с. 5]. Можно утверждать, что сходное понимание романтики было присуще и И. С. Тургеневу на протяжении всего твор-

ческого пути: об этом свидетельствует, например, его переписка с Т. Бакуниной и П. Виардо. Так, в период написания «Премухинского романа» Тургенев писал Т. Бакуниной о высшей, идеальной любви. А в письме к П. Виардо писатель говорил: *«Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубом небе»* [8, с. 260]. Тургеневу было свойственно романтическое восприятие природы.

Одной из особенностей романтической прозы И. С. Тургенева является смешение романтизма и реализма в произведениях. Так, в романтической повести «Три встречи» пейзаж и портрет окружающей действительности выполнены в романтической манере, а диалоги героев, напротив, в реалистической. Это можно проследить через романтическое восприятие героем ночного сада: *«Все небо было испещрено звездами; таинственно струилось с вышины их голубое, мягкое мерцанье; они, казалось, с тихим вниманьем глядели на далекую землю...»* [9, с. 234 – 235]. Далее становится понятно, что это описание отражается и в эмоциональном восприятии рассказчика: *«Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похожим не то на ожиданье, не то на воспоминание счастья...»* [Там же, с. 235]. Здесь привлекает внимание противопоставление между спокойствием природы и смятением чувств в душе романтически настроенного рассказчика.

Романтический характер носят также переживания Чулкатурина в

повести «Дневник лишнего человека» (1850). Герой болезненно воспринимает мир, всюду чувствует себя лишним: его отвергает любимая женщина, а другие, более решительные люди его оттесняют. Все это становится причиной глубокого самоанализа, который позже выражается в трогательном прощании с садом, мрачном унынии героя, в ожидании им смерти.

Как уже говорилось, на протяжении творческого процесса И. С. Тургенев использовал различные средства романтизации. Так, в рассказе «Бежин луг» производимое впечатление усиливается благодаря соединению реальности со сказочными элементами. Писатель повествует о непосредственном восприятии человеком тайн окружающей его природы в романтических красках. Природа в «Бежином луге» – некая живая сила, таинственная и величественная. Тайна и реальность переплетены в сознании героев рассказа: огоньки костра, слабое шуршание камыша, плеск рыбы в воде и тут же рассказы о русалке, лешем, домовом. Все это кажется мальчикам-крестьянам реальностью, в которую они верят всей душой. Тургенев будто подтверждает реальность мистического, говоря: *«Я сам не раз встречал эту Акулину»* [7, с. 29].

При всей своей приверженности реализму Тургенев всегда бережно относился к фольклору, включающему в себя множество нереальных, фантастических элементов. Так, он пишет, например, о непонятных ночных звуках, которые *«возникают иногда среди глубокой тишины, под-*

нимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся, наконец, как бы замирая» [7, с. 102], и эта романтическая фраза не снижает тон реалистического повествования, присущего всему рассказу. Также писатель сравнивает белого голубка с праведной душой, летящей на небо, придавая ему таинственный и символический облик.

События рассказа изложены так, что и пейзаж, располагающий ко всему необъяснимому, и романтическое настроение героев, и настроение самого рассказчика – все гармонично переплетается и побуждает читателя сопереживать истории. Однако ключом рассказа Тургенев делает именно таинственность. Вот некоторые примеры, в которых на первый план выдвигается тайное: «Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе»; «Большие белые камни на дне лощины, казалось, сползли туда для тайного совещания».

Романтика, по мнению Тургенева, – это форма выражения идейно-эмоционального содержания. Интерес Тургенева к «таинственному источнику романтизма» особенно заметен в поздних его произведениях, таких как «Песнь торжествующей любви» (1881), «Стихотворения в прозе» (1878 – 1882) и «После смерти» (1883). В них романтизм не просто сочетается с реализмом, как, например, в «Бежином луге», но становится одним из элементов реалистического стиля. Любовь, которая противоречит нравственному долгу, объяс-

няется здесь влиянием неких тайных, стихийных сил. Морально-философские проблемы (свобода воли и выбора, борьба добра и зла в человеке, чувства и долга) разрешаются в поздних произведениях Тургенева с помощью обращения к ирреальному и сверхъестественному.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что романтическое начало, возникнув в ранних произведениях Тургенева, не исчезало из его творчества до последних произведений. И даже когда романтизм как течение перестал быть доминирующим, писатель не отказался от романтики как особого отношения человека к миру и от романтического восприятия природы («Три встречи», «Бежин луг»). Романтика как поэтическое и идеализирующее начало стала проявляться и в его реалистических произведениях, делая их эмоционально окрашенными. Это можно заметить и в последний период творчества писателя, где мы сталкиваемся и с романтической тематикой, и с романтическими героями, и с романтическим фоном.

Учитывая все рассмотренные выше аспекты, можно сказать, что общим для всех трех писателей явилось сочетание в их произведениях элементов романтизма и реализма. Это делало художественные тексты разноплановыми: в них ставились важные для общества вопросы, раскрывались актуальные проблемы, а также отражалась широкая палитра чувств героев, что позволяло читателю глубоко проникнуть в их психологию и понять мотивацию поступков.

Библиографические ссылки:

1. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. Л. : Сов. писатель, [Ленингр. отделение], 1962. 247 с.
2. Гауф В. Выбор. М. : Радуга, 1986. 635 с.
3. Гауф В. Книга мечтателей. Frank T. Zumbach Langen Müller, 1984. 306 с.
4. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По, новеллист и поэт. Л. : Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1984. 296 с.
5. По Э. А. Рассказы : пер. с англ. М. : Худож. лит., 1990. 92 с.
6. Пospelов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840 – 1860-е гг.) : учеб. для филол. специальностей вузов / 3-е изд., доп. М. : Высш. шк., 1981. 480 с.
7. Тургенев И. С. Записки охотника : рассказы. М. : АСТ, 2002. 295 с. (Собрание сочинений).
8. Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к госпоже Полине Виардо и его французским друзьям: Густаву Флоберу и г-же Комманвиль, г-же Жорж-Занд, Эмилю Золю, Гюи де-Мопассану, Сент-Бёву, Теофилю Готье, Шарлю Эдмонду, Ипполиту Тэну, Эрнесту Ренану, Амбруазу Тома, Жюлю Кларси, Андре Тёрье, Филиппу Бюрти, Жозефу Рейнаку, Дюрану-Гревиллю и графине де-Губернатис, (собранные и изданные г. Гальпериным-Каминским) : пер. с фр. М., 1900. 361с.
9. Тургенев И. С. Три встречи : повести и рассказы / пер. А. Варела. М. : Радуга, 1991. 277 с.

O. F. Valeroso, A. A. Gladkova

**INFLUENCE OF WILHELM HAUFF'S AND EDGAR ALLAN POE'S
TRADITIONS ON IVAN TURGENEV'S ROMANTIC PROSE**

The influence of the traditions and key ideas of the German writer and novelist Wilhelm Hauff and the American writer Edgar Allan Poe on the romantic prose of Ivan Turgenev is researched in this article. By determining and analyzing the key features of each writer's creativity based on specific examples, the similarity of the works of V. Hauff and E.A. Poe with the works of I. Turgenev is determined.

Key words: artistic method, literary influence, style, romanticism, realism.

Т. А. Дьякова

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ В РУССКИХ
ДОНСКИХ ГОВОРАХ**
(на материале романа Л. Магеровской «В жерновах»)

В работе рассмотрена этнокультурная основа фразеологической репрезентации традиционных обрядов в русских донских говорах. Анализ выполнен на материале художественного текста современного произведения. Диалектные фраземы романа Л. Магеровской «В жерновах» отражают традиционные календарные и семейно-бытовые обряды донских казаков, элементы которых сохраняются до наших дней. Особое внимание в статье обращено на символику традиционных обрядов, которые подчеркивают самобытность казачьей субкультуры, ее неповторимость и уникальность.

Ключевые слова: этнокультура, диалект, донские говоры, донские казаки, фразеологическая единица, символ, обряд, традиция.

Обычаи, традиции, обряды, сложившиеся в течение длительного времени, – неотъемлемая часть любой культуры. Характерные особенности культурно-исторического развития, психического склада и черты мировидения народа отражаются и во фразеологии, в связи с чем «она давно понимается как наиболее уникальная часть национальной лингвокультуры» [19, с. 7].

Фразеологические единицы строятся на вербальной символизации реалий материальной и духовной культуры, которые составляют основу и специфику образа жизни народа. Несомненно, социально и культурно значимыми её составляющими являются традиционные календарные и семейно-бытовые обряды.

Диалектные фразеологизмы, отражающие в своей внутренней

форме не только языковую информацию, но и факты общественной жизни, материальной и духовной культуры, – это своеобразный способ отражения этнокультурного сознания целого народа и каждого человека в отдельности. В этом отношении интересны фразеологические единицы (ФЕ) русских донских говоров, поскольку их образование и функционирование происходят в поликультурном регионе, где издавна рядом живут представители различных этносов, взаимообогащая культуру, обычаи, язык.

Интерес учёных к проблемам развития и функционирования народных говоров обусловлен осознанием их значения как вместилища национальных языковых картин мира. Стремление носителей говора выразить собственное мировидение при-

водит к созданию языковых стереотипов, восходящих к «собственно национальным фактам материальной, социальной или духовной культуры как прототипам этих единиц» [1, с. 143]. Это в полной мере можно отнести к фразеологии донских говоров.

Первыми исследованиями донской диалектной фразеологии стали еще записи В. Даля [9], позже донская идиоматика нашла отражение в словарях А. Миртова [19], В. Ремчукова [20], «Большом толковом словаре донского казачества» [4], работах Л. Алахвердиевой [2], Е. Брысиной [5; 6], Н. Григорьевой [8], М. Захаровой [11], И. Туркулец [22] и других лингвистов.

Цель работы – проанализировать особенности фразеологической репрезентации традиционных обрядов в русских донских говорах на материале романа Людмилы Магеровской «В жерновах» [15]. Объектом изучения стали традиционные обряды в тексте романа «В жерновах», предметом – этнокультурная основа их фразеологической репрезентации.

Со стилистической целью как контекстуальные синонимы будем использовать такие понятия: фразеологическая единица, фразеологизм, диалектный фразеологизм, диалектная идиома, фразеологический диалектизм, ареальный фразеологизм, фразеологическое выражение, устойчивое выражение, диалектная фразема, диалектное выражение, не имея в виду полную тождественность названных терминов.

Роман «В жерновах» – не просто художественное произведение с вымышленными писателем персонажами и событиями. Это летопись жизни семьи, проживающей на хуторе Прогной Тарасовского района Ростовской области. Автор, являясь уроженкой соседнего хутора Митякина, прекрасно ориентируется и в событиях, и в топонимике описываемой местности, что придает произведению убедительную правдоподобность. События, отраженные в романе, охватывают временной промежуток от начала 30-х до конца 60-х годов XX века. Достоверности описания местности, обычаев, традиций служит и органичное использование в произведении диалектной речи, которая является еще и речевой характеристикой персонажей.

Время, описанное в романе, отличалось негативным отношением со стороны власти к традиционным торжествам, преследованием за участие в религиозных обрядах и обычаях, поэтому многие праздники, привычные и дорогие для донских казаков, оказались «урезанными», перенесенными со станичных и хуторских улиц в узкий домашний круг.

В диалектной фразеологии оставили свой след календарные обряды и связанные с ними обычаи и верования. Одним из таких стал *престольный день* (*престол, престольный праздник*) – православный церковный праздник, для которого присуще особое почитание небесных покровителей местных престолов в храмах и их приделах. Название происходит от

наименования столика в алтаре, перед царскими вратами, на котором совершается таинство евхаристии [3, с. 601]. Об особом почитании престола свидетельствует тот факт, что в случае упразднения и сношения церкви престол не может быть уничтожен, а обращается в часовенку [9, т. 3, с. 396].

Обычно престольным был день освящения храма, что приурочивалось к одному из календарных церковных праздников. Так, престолом для хутора Прогной, жители которого действительно оказались в жерновах жесткой идеологической регламентации, был праздник Покрова Пресвятой Богородицы, третий после Рождества Христова и Пасхи [15, с. 39].

Героиня романа прилагает немало усилий, чтобы её дети, обучающиеся в соседней станице, смогли *побыть на престоле* ‘принять участие в праздновании престольного дня’: *Да к Покрову вас забяру, штоб дома хоч на престоле побули* [Там же, с. 39]. Для казаков хутора Прогной храмовый праздник – это и посещение церковной службы: *В церковь всегда старались идти вместе всей семьей и гостями, а возвращались кто как, кто кады управица* [Там же, с. 47], и застолье: *На праздник казаки позволяли себе разгуляться с удалью. Почти в каждой хате было веселое застолье с песнями, плясками и хороводом* [Там же, с. 40]. Еще к этому дню обязательно наводили порядок в доме, во дворе: *Подмазывали хаты и сараи и выбеливали до ослепительной белиз-*

ны, тщательно выметали базы [там же, с. 40], окончательно собирали урожай. Обязательной частью празднования престола была ярмарка, где взрослые казаки и казачки покупали необходимую одежду, утварь, сладости для детей [Там же, с. 42].

Диалектная идиома *печь жаворонков* ‘выпекать печенье в форме жаворонка’ отражает народные верования в магические действия, призванные ускорить приход весны. Готовили эту выпечку в день Сорока святых (22 марта): *На праздник Сорок святых, Сороки, пекли из хлебного теста жаворонков, что означало приход весны...* [Там же, с. 74].

С праздником Святой Троицы связано диалектное выражение *рубить ветки дуба [караича]* ‘украшать жилище’ [Там же, с. 97]. К Троице дома и храмы украшают ветками различных деревьев, травой, цветами, так как молодые растения символизируют процветание, богатство и продолжение жизни. В русских троичских обрядах более древние элементы связаны с культом растений. Это в первую очередь внесение в деревню украшенного деревца, чаще всего березки [12, с. 395].

Донские казаки украшали дома ветками издавна почитаемого восточными славянами дуба, который был и остается символом силы. Поклонение дубу, вероятно, обусловлено его долговечностью, необычайной прочностью дерева. Использовали и ветки дерева *караич* – от татарского *кара агач* ‘чёрное дерево’ [18, с. 131], так на Дону называют вяз листовен-

ный, берест [4, с. 209]. Караичи росли и растут в степных краях везде, отличаются устойчивостью к неблагоприятным климатическим условиям.

Для казаков особым украшением жилища был *ковыль*, который «долго украшал нежным седым колосом казачьи жилища» [15, с. 97], это растение в народном творчестве символизирует свободу, поскольку степи, где он растет, связаны с казачьей жизнью, походами, духом свободы [10, с. 296].

Как видим, символы традиционных казачьих церковных праздников тесно связаны с природными, бытовыми условиями. Они подчеркивают самобытность казачьей субкультуры, ее неповторимость и уникальность.

Заметным событием личной жизни отдельного человека и общества является свадьба, каждый элемент которой – результат многовекового опыта народа. Поэтому значительное место во фразеологическом массиве донских говоров занимают фразеологизмы, связанные со свадебным ритуалом, в котором «сохранились рудименты архаических явлений, восходящих к славянским древностям, для него характерны особенности, присущие только локальной традиции» [17, с. 59]. На самом свадебном обряде отразилось несколько факторов, среди наиболее значимых назовем такие: неоднородность населения (прежде всего, национальная), поэтапность заселения ареала (ранние и поздние переселения), продолжающееся межэтническое взаимодей-

ствие с населением сопредельных территорий (для донских казаков это северно-русские и восточно-украинские населенные пункты).

Роман Л. Магеровской «В жерновах» даёт читателю определенное представление о свадебном обряде: понятно, что автор не ставила целью дать исчерпывающую информацию. Наиболее интересными с этнокультурной точки зрения нам представляются диалектные фразеологизмы, отражающие отказ во время сватовства, выкуп невесты.

В случае несогласия на брак сваты получали соответствующий «подарок», что фиксируют диалектные фраземы: *дать гарбуза: Иван, энто ж она тебе гарбуза дала* [15, с. 29]; *дать тыквача: Нюра, а мне не дашь тыквача, кады я к тебе сватов зашло апосля Рождества?* [Там же, с. 90]. Литературной лексеме *тыква* в донских говорах соответствует и *гарбуз*, и *тыквач (таквач)* [18, с. 58, 330].

Тыква – традиционный символ отказа, некоторые исследователи связывают это с его фармакологическим действием: тыквенные блюда успокаивающе влияют на организм, сдерживают половое влечение, юноша, которому судилась тыква, должен угоститься ей, вследствие чего потерять интерес к девушке [7, с. 431]. Другие исследователи связывают *тыкву* (как знак отказа сватам) с восприятием её как символа деторождения – наполненная семенами тыква осмысливается на основе метафорического уподобления по форме и содержанию как материнское чрево

(В. Пропп, В. Коваль). По мнению А. Аксамитова, внутренняя форма фраземы *дать тыкву* может быть восстановлена или через восприятие тыквы как малоценного, такого, что не заслуживает внимания, или с учетом актуализации его круглой формы (сватам желают катиться, как тыква) [13, с. 96], ср. белорус. *пакаціць камень* ‘получить отказ при сватовстве’ [Там же, с. 91]. Исследователь восточно-слобожанских украинских говоров, смежных с донскими, И. Магрицкая считает, что «главной причиной введения растения в обряд сватовства был ее большой размер и яркий цвет, которые делали невозможным сокрытие факта отказа» [16, с. 184]. В любом случае *тыква* является отрицательно осмысливаемым культурным символом, ярким показателем этнической идентичности.

Со сватовством как важным этапом свадебной обрядности связано и устойчивое выражение *ваш товар, наш купец*: *Коли вы не супротив нашего дела, дак и сладили, – спокойно начал разговор сват Иван Федорович. Ваш товар, наш купец* [15, с. 69]. Торговля – один из древнейших социальных институтов, «с помощью которых и маскируется действие сватовства» [14, с. 87], что объясняется прагматическим отношением к браку: родители продают дочь, а жених покупает жену, лишая ее семью рабочих рук. Дальнейшие обрядовые действия также связаны с мотивом продажи, что фиксируют артельные фразеологизмы *потрусить гаманцем*: *Казаки, вы ж глядите, не*

*продешевите. Невеста у нас красивая, дорогая, нихай потрусють гаманцем, ды хоч по паре стопочек ульють, тады и упускайте у баз... [15, с. 71]; *загородить дорогу, магарыч давать: Ну и чиво вы загородили нам дорогу, а? – И как чиво, магарыч давайце за невесту, за нашу тетю Наташу, тады упустим, – разводя руки в стороны и перегораживая дорогу, громко сказал Ванюшка [Там же, с. 72].**

Выкуп как элемент свадебного обряда исследователи связывают с древними формами заключения брака, когда молодые были из разных родов. Поэтому за невесту жених должен был платить выкуп представителям ее рода (И. Огиенко, Д. Зелененко), с продажей самой невесты сливаются продажа косы молодой, места рядом с ней (Г. Маслова), выкуп косы молодой женихом символизировал «обретение полной власти над женщиной» [21, с. 617].

К этапу сватовства относим и фразеологический диалектизм *идти на показ* ‘выходить невесте к сватам’: *Ну и деж наша невестка? Нихай идёт на показ* [15, с. 69].

Окончание свадебной церемонии отражает фразеологическая единица *забить чоп* ‘отпраздновать окончание свадьбы’: *Первый день свадьбы был у жениха, а второй – у невесты, а на третий день – снова у жениха, где и забили чоп* [Там же, с. 73]. *Чоп* – это затычка в бочонке [18, с. 359], предположим, что *забивание* должно было символизировать окончательность и бесповоротность женитьбы.

Таким образом, диалектная фразеология является уникальным хранилищем национально-культурной информации, позволяет сопоставить культурную репрезентацию с культурным контекстом. Фразеологические единицы донских говоров, представленные в романе «В жерновах», раскрывают не только сами обычаи, но и их потаенный смысл, дают возможность изучить специфику формирования фразеологического фонда.

Библиографические ссылки:

1. Алахвердиева Л. К., Локтионова Н. М. «Донские просторы» русского языка в произведениях М. А. Шолохова // Вест. МГУКИ. 2014. № 4 (60). С. 142 – 145.
2. Алахвердиева Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». Ростов-н/Д., 2000. 242 с.
3. Библейская энциклопедия : репринт. изд. / Труд и издание Архимандрита Никифора. М. : Терра, 1990. 902 с.
4. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т ; Фак. филологии и журналистики ; Каф. общ. и сравнит. языкознания. М., 2003. 608 с.
5. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 543 с.
6. Брысина Е. В. «У вас товар, у нас купец». Обрядовая фразеология донской казачьей свадьбы // Русская речь. 2003. № 3. С. 91 – 98.
7. Войтович В. Українська міфологія. К., 2002. 664 с.
8. Григорьева Н. А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества : структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». Волгоград, 2010. 219 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999.
10. Жайворонок В. Знаки української етнокультури : словник-довідник. Киев, 2006. 703 с.
11. Захарова М. А. Реализация соматического, зооморфного и фитоморфного культурных кодов в донских фразеологизмах, характеризующих трудовую деятельность // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 1. С. 191 – 194.
12. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 507 с.
13. Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология : деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998. 231 с.
14. Колкова Н. А. Русская фразеология в контексте свадебной обрядности // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 1. С. 86 – 91.

15. Магеровская Л. П. В жерновах. Луганск, 2009. 200 с.
16. Магрицька І. В. Семантична структура і культурна мотивація весільних фразеологізмів у східнослобожанських говірках // Діалектологічні студії. 2 : мова і культура / відп. ред. П. Гриценко, Н. Хобзей. Л., 2003. С. 182 – 193.
17. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Этнолингвистическая репрезентация обрядовой деятельности во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 59 – 63.
18. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-н/Д., 1929. 416 с.
19. Подюков И. А. Русская диалектная фразеология Прикамья в финно-угорском освоении // Вестник Пермского университета. Вып. 4 (20). С. 7 – 14.
20. Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. Волгоград, 2007. 192 с.
21. Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. II. 697 с.
22. Туркулец И. А. О некоторых этнолингвистических особенностях диалектных слов и выражений донского казачества // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 663 – 666.

T. A. Diakova

**ETHNO-CULTURAL BASIS OF IDIOMATIC REPRESENTATION
OF TRADITIONAL CEREMONIES IN RUSSIAN DON DIALECTS
(CASE-STUDY: THE NOVEL «IN THE MILLSTONES»
BY L. MAGEROVSKAYA)**

Ethno-cultural basis of idiomatic representation of traditional ceremonies in Russian Don dialects is considered in the article. The analysis is based on the material of the literary text of a modern work. Dialect phrases from the novel “In the Millstones” by L. Magerovskaya reflect traditional calendar and domestic ceremonies, elements of which have been preserved till nowadays. Special attention is given to the symbolism of traditional ceremonies, which emphasize the distinctive character and uniqueness of the Cossack subculture.

Keywords: ethnic culture, dialect, Don dialects, Don Cossacks, phraseological unit, symbol, rite, tradition.

ДУША И СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Известно, что сфера сознания противопоставляется сфере бессознательного. За пределами предметного сознания и самосознания содержится душа как субъект и центр душевной жизни. Душа противоположна сознанию и в единстве с душевной жизнью образует основу человеческой психики. Понятие духовности человека уже понятие психики как единства душевной жизни и сознания. Духовность выражает соотношение высших нравственных чувств и нравственного сознания.

Ключевые слова: душа, сознание, человек, внутренний мир человека, душевная жизнь, психическая жизнь, чувства, мысли, знания, мышление, интервал сознания.

Проблема осмысления внутреннего мира человека продолжает оставаться одной из главных для философии и психологии на всем протяжении рефлексивного познания человеческого «Я». Это один из «вечных» вопросов, задаваемых человечеством самому себе, ибо его содержание отражает экзистенциальную и трансцендентную тайну, проявляющуюся на поверхности явлений в эксцентричности, иррациональности его поведения и образа жизни, дихотомичности его природы как родового существа.

Экспериментальной психологией накоплен значительный фактуальный материал, остающийся рефлексивно слабо осмысленным, поскольку рационализм в исследовании внутреннего мира продолжает оставаться на позициях картезианской метафизики и руководствуется при

исследовании психического пространства и времени положениями классической механики.

В последнее время проявляется большой интерес к разработке гносеологии и онтологии субъективной реальности: исследованию сознания и бессознательного, переосмыслению ценности – познавательной установки, лежащей в основании современной цивилизации.

Духовный мир человека сложен и многозначен. Сложившаяся в философии нового времени традиция его определения акцентирует внимание на ведущей роли сознания, которое охватывает не только мир идей, но и мир чувств. Возникает вопрос: возможно ли одновременно переживать и размышлять о единичном чувстве?

Ответ на этот вопрос требует анализа результатов классического

эксперимента В. Вундта с метрономом для определения границ ясного сознания [4].

В. М. Бехтерев, экспериментально повторив результаты В. Вундта, обнаружил, что объем ясного сознания колеблется в зависимости от частоты, с которой впечатления следуют друг за другом. Новые открытия, сделанные мюнхенской группой под руководством Эрнста Пеппеля, положили начало выяснению роли слуховой иерархии в структуре и функции мозга.

Нейрофизиологические процессы являются материальным субстратом психических процессов. Предел времени жизни единичного чувства души человека составляет, согласно экспериментам Э. Пеппеля, 0,003 с, что близко к базовой единице биологического времени. Этот целостный процесс жизни чувства может быть назван «квантом жизни чувства».

Л. М. Веккер рассматривает в качестве базовой единицы психического времени акт восприятия ощущений ясным сознанием равным 0,3 – 0,5 с, считая, что в интервале 0,3 – 3 с содержатся одновременность и последовательность [3].

Из экспериментов Э. Пеппеля следует, что основная порция опыта занимает около 3 с – это текущий момент для сознания. Теоретически отрезок содержит 1000 одновременностей ощущений, 100 разделенностей и только 10, а практически лишь 7 ответов сознания на множество эмоций. При этом зафиксировано,

что события, протекающие быстрее или медленнее 0,5 с ясным сознанием не воспринимаются, отражаясь бессознательно, неявно аккумулируются эмоциональной и когнитивной памятью человека.

Возникает вопрос: каким органом осуществляется отбор ощущений, на которые дается всего 7 ответов?

Сознание только отвечает, анализируя полученную информацию о чувствах.

В. М. Бехтерев однозначно отмечает, что введение представлений в сферу ясного сознания зависит прежде всего от переживания. При этом из ряда одновременно воспринимаемых впечатлений, независимо от объективных свойств самого впечатления, в сферу ясного сознания с большой вероятностью будет введено то, которое сопряжено с наиболее сильным чувствованием [2, с. 213]. В. М. Бехтерев подчеркивает, что живая сила психики находится в сфере ощущений, желаний, стимулируя превращение скрытой энергии. Образование запасной скрытой энергии связано с переживанием, где чувство служит руководителем поступков и направления мыслительной деятельности.

Э. Пеппель говорит о множестве одновременности чувств, которые не воспринимаются ясным сознанием, ибо время их жизни от 0,003 до 0,1 с.

На основании этих фактов можно сделать вывод о том, что чувствование и мышление протекают не одновременно (чувства переживают-

ся раньше, а их осознание позже). При этом физиологические процессы ощущения и мышления протекают одновременно, ибо осуществляются в разных подсистемах параллельно, но относительно независимо.

Стрела времени связана с необратимостью жизни чувств. Обратимы понятия о чувствах, которыми оперирует мышление в идеальной сфере. Поэтому сознание невозможно без памяти, ибо его настоящее должно содержать в определенном временном интервале интеграцию прошедшего, настоящего и будущего. Из этого следует, что обратимость времени в сознании основана на механизмах памяти, мышления, воображения.

Сознание является одним из полюсов психического отношения, который не включает в свой состав душевную жизнь. Из-за интервала во времени между чувством и мыслью об этом чувстве трудно представить, каким образом в составе сознания может существовать эмоция, живущая доли секунды, тогда как для ответа на информацию о чувстве требуется как минимум 3 с. Из этого логически вытекает, что содержание сознания в виде понятий о живых чувствах представляет собой отражение уже пережитых чувств, т. е., находится в прошедшем времени или же предвосхищает возможное чувство и находится в будущем времени. В настоящем функционирует мышление, которое протекает параллельно процессу душевного переживания. При этом чувства первичны, а поня-

тия об этих чувствах вторичны. Образно говоря, сознание – это Ахиллес, который не может догнать «черепаху» – всего лишь мгновение живущего чувства души.

В связи с этим чувства души в отношении к сознанию выступают в качестве объекта осмысления, а в отношении к образу воспринимаемой реальности – в качестве элемента душевного переживания.

Таким образом, чувство выступает объектом для сознания в одном отношении в качестве элемента душевного переживания, а в другом отношении реальность и ее соматический образ выступают общим объектом для души и сознания.

Гносеологический статус сознания определяется понятием субъекта. Раздвоение сознания на самосознание и предметное сознание позволяет предположить, что объект отражения и осмысления – это не только внешняя человеку реальность, но и его внутренний мир.

Наличие интервала во времени между чувством души и осмыслением этого чувства в сознании практически доказывает пространственно обособленное существование души и сознания во внутреннем мире человека.

Сфера сознания включает следующие стороны: логико-понятийную, образно-ценностную и телесно-перцептивную.

Элементом, конституирующим понятие «сознание», выступает знание как совокупность образов, понятий. Переживание является источни-

ком знания и поэтому не может включаться в состав сознания. Понятие души человека объединяет живые, реально переживаемые чувства, а не понятия о них. Переживания индивидуальны, единичны и не обладают качеством абсолютной идеальности и всеобщности, которые присущи понятиям. Экспериментальная и теоретическая психология показывают, что доминантой психической жизни человека является душевная жизнь. Сознание как способность мышления выступает в роли зеркала, в котором душа может увидеть себя.

Важной задачей является обоснование существования души человека и определения гносеологического статуса сферы душевной жизни, ее роли в душевно-духовном мире человека.

Эмоционально-чувственная сфера представляет собой поток многообразия эмоций, чувств, ощущений, переживаний, который у многих людей неупорядочен и стихийен. Поэтому душа человека в качестве центра, функционального психического органа, в составе эмоциональной сферы выполняет определенные функции. Представляя собой форму, способ организации стихийной сферы и определяет архитектонику потока чувств, вектор их активности.

Качественное различие сознания и чувств души человека с позиции феноменологического метода, с точки зрения Гуссерля, обращен на феноменальность сознания. Причем феномен у Гуссерля – это данность действи-

тельности непосредственного Anschauung, устремленного на что-либо, то есть действительность взгляда – Anschauung, содержащая непосредственное знание об этом что-либо и ограниченная горизонтальностью сознательной жизни. Однако попытка такого анализа ведет к своего рода эпистемическому сумасшествию: мы наталкиваемся при анализе Lebenswelt на нечто такое, что трудно назвать знанием. Вот именно здесь и начинается этот неприятный и болезненный процесс: сумасшествие, схождение с ума – знание ищут там, где его быть не может. В этих разрывах сознания есть поступок, акция, страсть, ощущение, тело, но ни в коем случае там нет сознания, знания и даже языка.

Как мы видим, горизонтальность сознательной жизни прерывается потоком чувств, страстей, поступков реальной жизни, возникают «разрывы сознания», которые не могут быть заполнены идеально при помощи слов, понятий и образов, человек ведет себя иррационально.

Возникает вопрос: можно ли преодолеть «паралич» сознания априорно на основе действующей парадигмы? Это зависит от ряда факторов. В экстремальных условиях катастрофы, когда налицо экстраординарная ситуация, меняющаяся с «космической» скоростью, «домашние заготовки», сделанные на основе прошлого опыта и для совершенно других состояний и ситуаций, очевидно, непригодны, и априорное знание «не работает». Разрыв сознания может быть вызван и тем, что даже в «нормальных» усло-

виях эмоциональная реакция души человека непредсказуема с точки зрения рациональности. Стрессы, аффекты возникают зачастую из-за какого-то совершенно безобидного пустяка с точки зрения здравого смысла, но это та капля, которая переполняет чашу терпения, – возникает острый психологический кризис. Априоризм, перенесенный из классической механики в философию Нового времени, не учитывал, как показали И. Пригожин и его школа, существования неравновесных диссипативных структур, которые трансформируются в точках бифуркации и к которым применима «стрела времени», то есть его необратимость. Из хаоса «случайно» возникает новый порядок, аттрактор.

Таким образом, переживание вытесняет мысль, а мышление разрушает чувство. Переживание осмысливается при наличии временной дистанции в состоянии отстраненности, после перекодирования в памяти чувства в образ чувства информацию, то есть в идеальное, которое однородно сознанию и с которым оно может работать, когда переживание представлено системно во всей целостности своих предпосылок. Систематизация возможна только при идеализации реальных единичных живых чувств души человека и выявлении их связи. Само же переживание как реальный чувственный процесс представляет собой поток единичных чувств.

Вероятно, следует проводить различие интервалов переживания и

интервалов сознания. Частицей интервала переживания выступает «квант переживания» – время жизни целостного единичного чувства. Эмоциональность первичного переживания, ее интенсивность, сила длящегося чувства на несколько порядков превышают воспоминание о пережитой ранее буре чувств.

Первоначальное длящееся переживание соответствует основным признакам бессознательного: во-первых, это нечто, которое еще не осознано; во-вторых, во времени оно протекает раньше процесса осмысления воспоминания о нем; в-третьих, переживание как аффект качественно отличается от своего образа в мышлении и его понятийного выражения. Следовательно, бессознательное – это не только периферия сознания (темные, смутные идеи). Бессознательное, как показывает ученик З. Фрейда Ш. Ференци, это неосознанные желания и притязания. Он показывает, что в основе эффективной психиатрической практики лежит вытеснение негативных чувств позитивными, а не вытеснение одних представлений другими, как это практикует психоанализ З. Фрейда.

С точки зрения В. Вундта, В. Бехтерева, А. Ухтомского, Ш. Ференци, К. Юнга и др., чувства вытесняются только чувствами, поскольку чувства относятся к реальной действительности мгновения, пульсирующего настоящего, а идеи, понятия – к сфере идеального. Интервал времени 0,3 – 0,5 с достаточен для того, чтобы утверждать, что чувство пер-

вично. Это становится особенно наглядным в экстремальных условиях, когда сознание выключается вследствие аффекта. Интуитивно принимаемые душой как психическим центром душевной жизни решения оказываются единственно правильными.

Известный русский физиолог А. А. Ухтомский разработал теорию доминанты, которая держит в своей власти все поле душевной жизни человека. Она организует характер его поведения и образует механизмы внутреннего склада нравственного развития личности.

Человек практически душой может переживать в течение мгновения одно и то же постоянно воспроизводимое чувство, остальные же чувства живут потенциально в эмоциональной памяти души в качестве способностей к переживанию определенных чувств, а также существовать в виде накопленной психической энергии, необходимой для актуализации какого-то из этих чувств. Можно предположить, что чувстводоминанта осуществляет отбор чувств для их актуализации, осуществляет замену чувств, то есть вытеснение одного изжившего себя и не получающего необходимую энергию для своего воспроизводства другим. Однако все эти чувства должны быть родственными доминанте. Смена самой доминанты будет означать изменение душевного настроения, возможного характера душевной жизни.

Наряду с принципом доминанты А. Ухтомский формулирует понятие хронотопа, которое он связывает

с «поток жизни», проходящим через отдельную личность. Человек способен оценить целостность уходящего в прошлое и будущее, мгновение настоящего бытия благодаря своим эмоциям, которые корнями уходят в бессознательное, где личностное начало человека неотделимо от общего, идущего из предания – семейной, национальной или генетической памяти. Поэтому человек способен чувством постигнуть больше, глубже и дальше, чем разумом. Особое значение в этом процессе принадлежит интуиции, которая дает возможность переживания, понимания жизни в ее исторической протяженности благодаря обостренному чувству времени, позволяющему человеку предчувствовать будущее в потоке текущих событий [7].

На наш взгляд, определение души человека можно выразить через совокупность понятий. Душа – субстанциальная форма организации душевной жизни, процесса переживания внутренних чувств человека. Душа – структура процесса переживаемых чувств, ядром которого выступают чувства хронотопа и доминанты. Хронотоп – ведущее чувство времени переживаемой исторической эпохи, выстраивает связь внешних событий, осуществляет временную связь чувств в потоке душевной жизни, формируя другие чувства в духе доминанты этических переживаний исторического периода. Душа – образно-энергетическая, интегративная форма отражения внутреннего и внешнего мира человека. Душа – центр душевной

жизни, она выступает в качестве функционального психического органа, который выполняет функции регулирования, координации и селекции переживаемых чувств. Душа – субъект душевной жизни и способ конструирования нравственных отношений и смысла жизни человека. Таким образом, душа – интегративное (обобщающее) сложное понятие, раскрывающее процесс переживания через совокупность простых понятий. Сущность души проявляется в ее функциях: *первая* – координация и субординация переживаемых чувств; *вторая* – селекция (отбор) среди них тех, которые необходимо активизировать; *третья* – формирование новых чувств соответствии с переживаемыми событиями; *четвертая* – «выбор» в сфере сознания идей и идеалов, корреспондирующихся с хронотопом и доминантой души; *пятая* – образное, интуитивное, ассоциативное толкование переживаемых чувств, схватывание смысла жизни. Механизм действия души: эфферентный и афферентный интегралы, акцептор действия. Эфферентный интеграл – сигнал, идущий от центра к периферии. Афферентный интеграл – сигнал, идущий от периферии к центру, объединяет все органы одним эмоциональным состоянием. Акцептор действия – аппарат оценки результатов и параметров будущего действия. Этот механизм действия связывает чувства хронотопа и доминанты с душевной жизнью [1]. Материальный субстрат души: сердце, лимбическая система, правое полушарие мозга. Исследова-

ния Э. А. Костандова показали, что правое полушарие быстрее получает информацию и комплексно, качественно ее оценивает. Если правое полушарие пропускает информацию, то левое полушарие дает отклик. Если не пропускает, то она остается в эмоциональной памяти. Дж. Уитроу отмечает, что кровь выполняет не только функцию обеспечения организма питательными веществами, но и информационную и регулятивную функции, причем с прямым подчинением душе человека. Информация передается не только посредством электромагнитных сигналов, но и посредством жидкости, химическим путем. Таким образом, могут взаимодействовать «синапсы» в нервной системе – связь переживаемых чувств и частоты пульса, адреналина в крови, сердцебиение, изменение цвета лица говорят о том, что душа связана со всеми рецепторами и кровеносными сосудами [6]. Душевная жизнь человека имеет высший уровень, где доминируют высшие нравственные чувства, и низший уровень, где доминируют страсти.

Представляется обоснованным вывод: душа – не свойство тела (вещи) и не форма идеального (сферы сознания). Она возникает в отношениях «Я – единое», «Я – Мы», «Я – Ты» и существует через них и в них в качестве субстанциальной формы – полюса отношения к другой душе. Отметим, что в душе человека персонафицируется мир чувств, реализующихся в отношениях «Я – Ты», «Я – Мы», тело же человека есть про-

странство бытия души и сознания. Платон для характеристики связи человека с реальностью использовал образ Пещеры. Пылающий в Пещере костер – это мир человеческих чувств; тени – образы сознания, именно их восприятие, а также тепло и свет от костра дают человеку представление об окружающей его действительности. Духовное же постижение истиной реальности возможно только за пределами Пещеры посредством Солнца, выступающего в качестве образа Единого. Пламя костра, свет Солнца и тени – это противоположные феномены, однако между ними есть причинная связь: тени, как образы реальности, возникают на базе чувств.

Следовательно, душа человека – форма интеграции чувств в единую, целостную систему. Душа – центр душевной жизни человека, представляет собой связь чувств в пространстве и во времени, выступает в качестве функционального психического органа, выполняет интегративную, системообразующую функцию, а также функции регулирования и координации чувств, их селекции (отбора), интуитивного понимания реальности. Вследствие этого душа выступает в качестве доминанты психики человека.

Важно отметить, что душа состоит из подсистем простых, элементарных чувств и высших нравственных чувств. *Сущность души представляет собой единство, качественное содержание которого определяет формы и виды души.* Так, Платон, как известно, выделяет души: мудреца-

правителя, воина, ремесленников, земледельцев.

Понятие духовности человека по объёму уже понятия психики как единства душевной жизни и сознания. Духовность выражает соотношение высших нравственных чувств и нравственного сознания. Духовный мир человека многомерен. Это не только самопереживание и самосознание, самодеятельности и межличностных общений, но и мир культуры, науки, а также объективной духовности (дух нации, общества), персонифицированной общественными институтами и государством. Кроме того, существует ещё трансцендентный духовный мир, данный в личном, духовном опыте. Следовательно, духовность человека – это сложное отношение не только души и сознания, но и человека с миром. Механизм формирования духовности находится во внутреннем мире человека, где появляются два центра, два субъекта (разум и душа) формирования духовности. Этот механизм содержит следующие компоненты: первый – регулирование душой переживаемых чувств, второй – отражение этих чувств в сознании, третий – конституирование сознанием смыслов ценностей, идеалов, четвертый – воспитание чувств и формирование сознания.

Сказанное позволяет дать определение духовности как формы осмысленного, нравственного переживания человеком бытия в мире. Природа духовности человека по своей сути интроспективна, диалогична.

Экзистенциальные ценности в своих истоках эмоциональны. Они функционируют в переживании чувства совести, долга, любви и другом, но осознаются в жизненных смыслах, формулируются личностью. Ценностные переживания человека обладают сильным энергетическим потенциалом, позволяющим притягивать к себе других людей. Осмысление этих переживаний рождает смыслы и ценности других людей, помогая им осознать смысложизненную позицию. Человек выходит за рамки своего духовного мира, расширяя его по горизонтали и вертикали в отношении «Я – Ты», «Я – Мы».

По мнению М. Бахтина, смысл реализуется в диалоге с другим смыслом. Не может быть «смысла в себе» – он осуществляется только для смысла другого человека. Этим объясняется диалог культур, политические диалоги.

В основе воспитания духовности человека должно присутствовать

прежде всего душевное переживание нравственных чувств. Нравственные переживания конституируются в структуре нравственного сознания. Полнота духовности жизни зависит от богатства и разнообразия душевных переживаний человека.

Истоки человеческой духовности помогает раскрыть культура. Практическая задача культуры – преодолеть расклад духовных сил человека. Поэтому в культуре должна звучать тема спасения человека. Культура в себе самой носит свою ценность, содержит в себе неистощимый запас духовных возможностей, из которых каждый человек черпает то, что ему нужно. Культура творится прежде всего в душе, а потом – в голове. Задача человека – творить культуру, озарять землю светом истины, добра, красоты. Задача культуры – пробуждать человеческие души от духовной спячки, озарять жизнь человека светом истины и радостью любви.

№	Наименование признака, свойства	Душа	Сознание
1	<i>Понятие</i>	Душа – субстанциальная форма организации процесса переживания внутренних чувств. Мультипликатор (множитель) духовности человека. Идеально-эмоциональная, образно-энергетическая, интегративная форма отражения внутреннего и внешнего мира. Субъект и способ интенционального, живого переживания чувств «здесь и сейчас». Субъект и способ конституирования нравственных отношений и смысла жизни человека. Способ регулирования, координации потока чувств, их связей между собой. Центр чувственной власти	Идеальная форма отражения и осмысления внутреннего и внешнего мира. Субъект мышления. Индуцированная реальностью форма организации мысленного процесса, акселератор (ускоритель) духовности человека

№	Наименование признака, свойства	Душа	Сознание
2	<i>Элементы (единицы) содержания</i>	Эмоции, чувства (единство эмоции, образа, нравственного отношения)	Понятие – единство образа и смысла
3	<i>Объем понятия</i>	Единичное (индивидуальное)	Всеобщее
4	<i>Формы деятельности</i>	Персональное чувство, переживание, образное, интуитивное понимание	Обобщение, рациональное мышление, синтетическая способность воображения, интеллектуальная интуиция
5	<i>Место в гносеологическом отношении</i>	Объект	Субъект
6	<i>Краткое определение</i>	Субстанциальная форма организации переживаемых чувств	Рефлективная, индуцированная форма организации мышления (познания)
7	<i>Характер понятия</i>	Сложное понятие	Сложное понятие
8	<i>Цель</i>	Характер, глубина, целостность (правда) переживаний	Истина (и заблуждение как возможный результат)
9	<i>Структура</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Единство хронотопа и доминанты чувств. 2. Эфферентный и афферентный интегралы и акцептор действия. 3. Материальный субстрат (сердце, правое полушарие мозга, лимбическая система, периферийная нервная система, кровеносная система) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рассудок и разум; самосознание и предметное сознание. 2. Рациональное и образное мышление. 3. Совокупность образов, смыслов, понятий. Ядро: хронотоп и доминанта (смысл эпохи и основная идея мышления (познания)). 4. Материальный субстрат: правое и левое полушария мозга, периферийная нервная система
10	<i>Функции</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Эмоционально-чувственное отражение реальности. 2. Интенциональное переживание. 3. Конституирование нравственных отношений и смысла жизни. 4. Интуитивное, мгновенное, образно-эмоциональное схватывание смысла событий. 5. Способ регулирования потока чувств, эмоций. 6. Выбор чувств в сфере эмоциональной памяти, способностей и отбор альтернативных идей 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отражение объекта в образах, смыслах и понятиях. 2. Созерцание и интеллектуальная интуиция. 3. Рациональное мышление и синтетическая способность воображения, анализа и планирования. 4. Анализ причин душевных болезней, рекомендации по катарсису души и лечению. 5. Разработка альтернативных идей и идеалов

№	Наименование признака, свойства	Душа	Сзнание
11	<i>Пространство</i>	Совокупность связей сердца, правого полушария мозга, лимбической системы и рецепторы периферии нервной системы, кровеносная система	Совокупность связей обоих полушарий мозга и рецепторов периферийной нервной системы
12	<i>Время</i>	В интервале от 0,003 до 0,5 с	Деятельность мозга в настоящее мгновение, предметно связана с пережитыми как минимум 3 с назад ощущениями и внутренними чувствами или же с прогнозированием будущего
13	<i>Направленность во времени</i>	Необратимость (стрелы времени: от прошлого через настоящее в будущее)	Обратимость (мыслью можно перенестись в прошлое или в будущее)
14	<i>Период жизни</i>	Мгновение у единичного чувства	Длительность жизни идеи
15	<i>Материальный носитель</i>	Сильные электромагнитные импульсы и слабые сигналы, передающие информацию о чувстве в мозг	Слабые электромагнитные импульсы и сигналы с информацией
16	<i>Механизм функционирования</i>	Эфферентный и афферентный интегралы, акцептор действия, мгновенная реакция	Связь мозга с рецепторами и прием сигналов об ощущениях и чувствах
17	<i>Характер отражения</i>	Прямой и косвенный	Косвенный
18	<i>Отношение к бессознательному</i>	Его часть	Его противоположность
19	<i>Взаимодействие с сознанием (душой)</i>	Причинно-следственная связь	Отражение чувств и конституирование ценностей и смыслов, идеалов, становящихся предметом выбора со стороны души (обратная связь)

Библиографические ссылки:

1. Анохин П. К. Эмоции // Психология эмоций. М., 1984.
2. Бехтерев В. М. Избранные труды по психологии личности. В 2 т. Т. 1. Психика и жизнь. СПб., 1999. С. 213.
3. Веккер Л. М. Психические процессы. В 3 т. Т. 3. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 326 с.
4. Вундт В. Введение в психологию. М., 1912.
5. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики : пер. с англ. / под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эстайна. М. : Мир, 1995. С. 82 – 85.
6. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М. : Едиториал УРСС, 2003. 400 с.
7. Ухтомский А. А. Избранные труды. Л. : Наука, 1978. 360 с.

SOUL AND CONSCIOUSNESS OF THE HUMAN BEING

The sphere of consciousness is known to oppose the sphere of unconsciousness. Beyond the consciousness and self-consciousness there is the soul as the object and the center of mental life. The soul is opposite to the consciousness and in the unity with the mental life makes the basis of the human mentality. The concept of human spirituality is narrower than the concept of mentality as the unity of the mental life and the consciousness. Spirituality expresses the correlation between the supreme moral senses and moral consciousness.

Keywords: soul, consciousness, person, inner world of a person, mental life, psychic life, feelings, thoughts, knowledge, thinking, interval of consciousness.

УДК 117

П. Е. Матвеев

ЛЕВИАФАН ГОББСА КАК БИБЛЕЙСКОЕ ЧУДОВИЩЕ И ГРАНДИОЗНАЯ МАШИНА

Статья посвящена анализу понятия «левиафан» в интерпретации Т. Гоббса. Показана связь данного понятия с иудео-кабалистической интерпретацией, с интерпретацией богословов Средневековья, с учениями теологов и философов Новой и Новейшей истории. В исследовании дается критический анализ разных точек зрения на проблему левиафана.

Ключевые слова: левиафан, религия, мистика, теология, государство, абсолютизм, демократия, власть, свобода.

Томас Гоббс (1588 – 1679) – выдающийся английский философ, заявивший о себе в онтологии, гносеологии, и особенно в политической философии. В целом этот человек с грубоватым мужицким лицом, сказывалось плебейское происхождение, оставляет после прочтения его трудов двойственное впечатление. С одной стороны, многие его идеи кажутся простыми, соответствующими здравому смыслу, а с другой стороны, у него встречаются поразитель-

ные по глубине прозрения. Таково его учение о естественном состоянии людей, с которым связана знаменитая «дилемма узника». Данная дилемма представляет собой умственный эксперимент, чтобы показать, каким образом общественный договор предполагает государство и право, которые являются гарантом общественных соглашений и предписаний [5].

Таким же удивительным предстает его умственный эксперимент с воображаемым уничтожением уни-

версума. Т. Гоббс так описывает данный эксперимент: «Предположим таким образом, что все вещи уничтожены, можно было бы спросить: что еще останется некоему человеку (который предполагается избежавшим светопрестваления) в качестве предмета философских размышлений и чему он сможет дать какое-то имя, чтобы иметь возможность размышлять?» [3, с. 138]. Цель данного умственного эксперимента состоит в том, что, по Т. Гоббсу, он якобы доказывает, что «пространство есть воображаемый образ существующей вне нас вещи, поскольку она просто существует» [Там же, с. 140]. Скажем прямо, что «доказательство» не убедительно. Но сам методологический прием, состоящий в использовании «умственного эксперимента» в гуманитарных науках, впечатляет.

Следует также отметить, что Гоббс, будучи гуманистом по профессии и эмпириком по философским взглядам, высоко оценивал математику как науку и все исследования, использующие математические методы. На это обратил внимание Б. Рассел: «Вплоть до нашего времени нельзя найти ни одного философа, который, будучи эмпириком, все же отдавал должное математике. В этом отношении достоинства Гоббса огромны» [4, с. 509].

Аналогичное можно сказать и об образе Левиафана. В 2000-х годах перевели с немецкого языка на русский замечательный труд Карла Шмитта «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» [9]. Сама ра-

бота на немецком языке была издана еще в 1938 году.

Кто такой Левиафан, или что такое левиафан? Левиафан – это библейское чудовище, обитающее в море, описанное в 40-й и 41-й главах книги Иова Ветхого Завета. «Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкой схватить за язык его? – обращается Господь к Иову. – Вденешь ли кольцо в ноздри его? ... На шее его обитает сила, а перед ним бежит ужас... Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; он царь над всеми сынами гордости» [1, гл. 40, 41]. Здесь описан и другой мифический зверь, обитающий на суше, – Бегемот. «Вот бегемот, которого я создал, как и тебя, – говорит Иову Бог, – он ест траву, как вол... Ноги у него как медные трубы; кости у него как железные прутья; это – верх путей Божиих» [Там же, гл. 40].

За этими мифическими животными тянется длинный шлейф толкований от древней кабалистики и средневековых богословов до теологов и философов Новой и Новейшей истории. Как правильно отмечает К. Шмитт, «в подлинно живых мифологических представлениях Левиафан всегда выступает как огромное водное животное, крокодил или кит, вообще как большая рыба, Бегемот же – как животное сухопутное, к примеру, огромный бык или слон» [9, с. 108].

В иудео-кабалистических толкованиях Левиафан и Бегемот символизировали языческие народы. И мировая история здесь трактуется как

борьба между ними, евреи же как народ монотеистической религии находятся вне этой борьбы и наблюдают за ней. Левиафан старается своими плавниками задуть Бегемота, что представляется как блокада сухопутного государства со стороны моря.

Со временем появляются более рациональные трактовки Левиафана. Так, среди немецких ученых уже в XX веке появилось представление о том, что Гоббс вел настоящую войну против политической теологии, особенно против ее католико-римского варианта. И Левиафан является символом этой войны.

Сам Т. Гоббс всего четырежды в своем произведении прибегает к образу Левиафана, если учитывать и название книги. Во-первых, это название произведения «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». При первом английском издании 1651 г. данной книги на титульном листе был изображен огромный, гигантский человек, составленный из множества маленьких людей, смотрящих на него. В правой руке он держал меч, а в левой – епископский жезл. Под обеими руками изображены рисунки со сценами из светской и духовной жизни.

«Введение» Гоббс начинает с описания человеческого искусства, которое «является подражанием природе» [2, с. 6]. Продуктом данного искусства является имитация «наиболее превосходного произведения природы – человека». «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, – пишет Т. Гоббс, –

который называется Республикой, или Государством, по латыни – *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан» [Там же]. Перед этим Гоббс замечает, что все автоматы, «движущие при помощи пружин и колес», есть механизмы, имеющие искусственную жизнь. Все это дало основание исследователям творчества Гоббса сделать вывод, что в «лице» Левиафана «мы имеем дело с тремя образами: большой человек, огромное животное и грандиозная машина, созданная человеческим искусством и изобретательностью» [9, с. 125].

Во второй раз в тексте «Левиафан» упоминается в части второй в главе XVII, когда говорится о происхождении государства. Гоббс описывает общественный договор, результатом которого является «рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [2, с. 133]. Гоббс вообще был благочестивым человеком и знал, что отличительной чертой божественного является бессмертие. Поэтому, называя Левиафана «смертным Богом», он имел в виду, что и государства (Левиафаны) могут «болеть» и даже «умирать». Здесь же Гоббс дает свое определение государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действие которого сделало

себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [2, с. 133].

В третий раз в тексте Левиафан упоминается в части второй в главе XXVIII, где говорится о наказаниях и наградах. Здесь Гоббс дает более развернутую характеристику Левиафану, хотя также довольно краткую. Он пишет об огромной власти господина человека – государства, которое сравнивает с Левиафаном, взяв это сравнение из последних стихов 41-й главы книги Иова, где Бог, описывая великую силу Левиафана, называет его «царем гордости» [Там же, с. 249]. Однако и этот Левиафан «смертен и подвержен тлению, как и все другие земные существа».

Так как же понимал Левиафана сам Т. Гоббс? Как организм, как гигантского человека или как искусственный, созданный людьми механизм, машину? В примечаниях к труду Гоббса, написанных замечательным российским философом В. В. Соколовым, упоминается о двух традициях: *органистической*, распространенной еще с античности, к которой принадлежали Платон, Аристотель, стоики, и о традиции *индивидуалистически-механической*, которая большое место имела в Новое время [Там же, с. 626]. Соколов отмечает, что «сам Гоббс ... – один из главных творцов именно второй концепции, хотя известную силу сохраняет у него и первая» [Там же].

Карл Шмитт в своей книге обращает внимание на то, что когда Гоббс сделал Левиафана символом своей концепции государства, образ Левиафана уже прошел определенные этапы «своего исторического развития» [9, с. 132]. И здесь следует обратиться к знаменитому докладу Карла Шмитта «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций», сделанного им 1 октября 1929 г. в Барселоне на заседании Европейского Культурного Союза [6]. В этом докладе К. Шмитт говорит о «четырех великих, простых, эпохальных шагах», которые сделал европейский дух за последние четыре века. «Первый шаг – теологическое, затем идет метафизическое, далее – гуманитарно-моральное и, наконец, экономическое» [8, с. 49]. К. Шмитт отмечает, что сменяющие друг друга эпохи могут сосуществовать с уже пройденными. «Напротив, – пишет он, – всегда плюралистично сосуществуют различные, уже пройденные ступени» [Там же].

По его классификации данных эпох, время Гоббса, приходящееся на XVII век, выпадает на метафизическую стадию. Таким образом, учение Т. Гоббса о государстве уже не представляет собой ярко выраженного религиозного, теологического учения. И мы знаем, что государство Гоббса строится через общественный договор людей на основе естественных законов, данных человеку в конце концов Богом через природу. Теологический элемент здесь уходит на второй план, хотя и не исчезает вовсе. Это сказывается и на понимании

Гоббсом Левиафана. Карл Шмитт пишет, что «в общем и целом в период между 1500 и 1600 гг. собственно демоническая сила этого образа исчезает» [9, с. 137].

В 1937 г. К. Шмитт пришел к выводу, «что в случае использования Гоббсом образа Левиафана речь идет «о полуиронической литературной находке, рожденной добрым английским юмором»» [Там же, с. 141]. Однако не все исследователи были согласны с такой интерпретацией образа Левиафана. Да и сам Карл Шмитт уже в 1939 г. в книге «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» признается, что, учитывая психологию Гоббса, можно предположить, что за данным образом скрывается более глубокое, тайное значение. И нам кажется, что именно так и обстоит дело с Гоббсом. До конца мистический аспект библейского чудовища английский мыслитель сохранял в своем уме.

В позднейшие века, в XIX – XX вв., религиозно-мистическое содержание религиозных образов все больше отходило на задний план, и они все больше приобретали экзотерическую символичность. В XIX и XX вв. Левиафан многими людьми стал восприниматься как символ грандиозного искусственного механизма, созданного человеком. Левиафан как образ государства – это грандиозная машина, бездушная и безжалостная. Вспомним роман Кафки «Процесс».

И в современном общественном сознании государство воспринимается как совершенный принудительный механизм, который своим

совершенством и мощью внушает священный ужас. Это – Левиафан в его великолепии и безжалостности к маленькому человеку. Так, например, многими было воспринято государство, изображенное в фильме Андрея Звягинцева «Левиафан».

У Гоббса с Левиафаном была связана еще одна идея – это идея абсолютизма. Суверен в обществе может быть только один, с точки зрения Гоббса, и им является глава государства. А как же быть с церковной властью? И здесь сказывается особенность истории и культуры Великобритании. Отгороженная от материка Европы проливами Великобритания захотела иметь и церковь, не зависящую от папы Римского, резиденция которого, как известно, расположена на материке – в Италии. И такая церковь была создана в Англии – это англиканская церковь, главой которой является правящий государь – король или королева, а фактическим правителем – архиепископ Кентерберийский. Англиканская церковь возникает в XVI веке, т. е. в столетие рождения Гоббса. И во времена акме Гоббса проблема взаимоотношения государства и церкви в Англии была еще весьма актуальной.

Т. Гоббс писал, что «власть суверена в государстве должна быть абсолютной» [2, с. 162]. Это и есть главный принцип абсолютизма. Абсолютизм, конечно, ограничивает свободу подданных, и Гоббс это хорошо понимал. – См., например, гл. XXI «Левиафана», которая называется «О свободе подданных». Но абсо-

лютизм обеспечивает стабильность и мир в обществе, а абсолютной свободы воли в принципе нет ни в природе, ни в обществе. При этом Гоббс признавал определенную свободу действий за подданными в межличностных отношениях. В социальной сфере человек обладает правом делать все, что не запрещено законом. Так, «свобода подданных заключается поэтому лишь в тех вещах, которые суверен при регулировании их действий обошел молчанием, как, например, свобода покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать свое место пребывания, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д.» [2, с. 165].

Перечисленные, оставшиеся у подданных свободы очень знаменательны. Во времена Гоббса еще сильны были феодальные отношения, а свободы, отмеченные Гоббсом, характеризуют уже сферу интересов зарождающихся новых обеспеченных людей – буржуа. Буржуазия именно в сфере частных правовых отношений концентрировала свои интересы.

А как быть со свободой совести? Гоббс посвятил третью часть «Левиафана» анализу христианского государства. В этой части большой интерес вызывает глава XXXVII, которая называется «О чудесах и об их употреблении». Абсолютная власть суверена, очевидно, не должна распространяться на божественные дела, примером которых являются чудеса. Но и здесь Гоббс заявил о своей специфической точке зрения. Дело в том,

что к чудесам во времена Гоббса относились более серьезно, чем в наше время, когда общераспространенным стал принцип «чудес на свете не бывает». Гоббс дает следующее определение чуду: «Чудо есть деяние Бога (помимо Его деяний путем природы, установленной при сотворении мира), совершенное для того, чтобы сделать ясной для Его избранных миссию необычайного служителя, посланного для их спасения» [Там же, с. 339].

Таким «необычайным служителем» считался у многих народов во все времена правитель государства, царь или король, император и т. п., а также верховный священнослужитель. В Древнем Египте, например, такая миссия приписывалась фараонам. Карл Шмитт пишет о времени Гоббса, что «чудесные монаршие исцеления с большим размахом практиковали, в частности, Стюарты, и прежде всего опять-таки Карл II, король, с которым Гоббс был связан личными узами. Как в изгнании, так и в период реставрации Карл II произвел множество подобных исцелений, и, к примеру, с мая 1660 г. по сентябрь 1664 г. его монаршей руки коснулось около 23000 человек» [9, с. 185]. Таким образом, обычай приложиться устами к руке правителя или священника – это не просто формальное правило этикета, но и знак веры в благодать, которая может подобным чудесным путем передаться свыше.

В вопросе о чуде Гоббс столкнулся с проблемой соотношения внутренних и внешних факторов, «внутреннего» и «внешнего». У Гоббса можно

выделить ряд таких противоположностей. Это, в частности, нейтральность и толерантность; мифическое существо и машина; вера и исповедание; Левиафан и Бегемот; легитимность и легальность; внутреннее и внешнее. В чудесах сталкиваются вера (внутреннее) и исповедание (внешнее).

Т. Гоббс признает наличие у человека внутренней свободы веры, связанной со свободой мысли. «Отдельный человек, – пишет Гоббс, – волен (так как мысль свободна) верить или не верить в душе тем деяниям, которые выдавались за чудеса» [2, с. 233]. Однако в вопросе об исповедании человек должен подчиниться государству, т. е. исповедовать то, на что указывает воля государя. «Но когда дело доходит до исповедания веры, – заявляет Гоббс, – частный разум должен подчиниться государственному, т.е. разуму наместника Бога» [Там же, с. 343].

Признание свободы веры было серьезным допущением в концепции абсолютизма. Здесь Гоббс как эмпирик следовал фактам, а не умозрительным гипотезам. Некоторые ученые придают данному факту принципиальное значение, считая, что с него начинается конституционализм, получивший в Англии дальнейшее развитие в учении Локка. По мнению К. Шмитта, конституционализм есть «дело оскотления исполненного жизненных сил Левиафана» [9, с. 185].

А какое место в учении Гоббса о государстве занимает мораль? Гоббс проявил в этом вопросе свою последовательность как представитель естественно-правовой доктрины. Мораль,

по его мнению, возникает только в государстве. «Только в государстве существует общая мера для добродетелей и пороков, – пишет Т. Гоббс в другом своем крупном философском произведении «Основы философии». – И такой мерой могут поэтому служить лишь законы каждого государства» [3, с. 258]. Можно сказать, что здесь также проявляется абсолютизм государства, когда именно оно определяет, что есть добро и что есть зло. Трагические следствия подобной концепции хорошо известны истории. Фашизм и сталинизм в XX веке являются продуктами такого подхода к политике и морали.

Для Гоббса и его сторонников как бы и не существуют общечеловеческие моральные заповеди, нет общечеловеческой морали. Подобная точка зрения получила яркое воплощение в так называемой большевистской этике. Одной из работ по большевистской этике, получивших широкую известность, является статья Льва Троцкого «Их мораль и наша» [7]. В своей статье Л. Троцкий жестко критикует учение об общечеловеческой нравственности. С его точки зрения, «мораль есть лишь одна из идеологических функций» борьбы классов. «Господствующий класс навязывает обществу свои цели и приучает считать безнравственными все те средства, которые противоречат его целям. Такова главная функция официальной морали», – пишет Л. Троцкий. Значит, ничего, кроме сознательного обмана, у общечеловеческой морали нет. Собственно, нет и общечеловеческой морали

как таковой, мораль имеет классовую основу. Есть, конечно, общеобязательные нормы морали или «элементарные правила морали». Но, по Л. Троцкому, их действенность ограничена и неустойчива, что особенно ярко проявляется как раз во время гражданской войны. «Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, – писал Л. Троцкий, – которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами».

Однако аргумент Троцкого против общечеловеческой морали, состоящий в том, что она часто нарушается, особенно в период классовых войн, крайней формой которой является гражданская война, *не состоятелен*. Аналогично, если школьники стали чаще нарушать правила грамматики, то это еще не значит, что сами правила устарели, что они разрушаются. Грамматические правила *остаются*, но встает проблема *повышения* уровня *грамотности* среди школьников. Так и с моралью: ее основные ценности и принципы *остаются неизменными*, а вот уровень морали, моральности в обществе и среди людей во время классовых битв, особенно во время гражданских войн, действительно понижается. И возникает проблема *повышения* уровня морали в обществе.

Россию спасло то, что и во время гражданской войны, и в годы сталинизма сохранялась общечеловеческая нравственность, и хранил ее народ, а не власть, не Левиафан. Власть как раз старалась насадить силой иную, классовую, пролетарскую мораль. И в отношении определенного слоя населения это удалось.

Век XVII для Англии был непростым. Прошли по стране гражданские войны, просуществовала определенное время диктатура Кромвеля, был казнен король Карл I. И большинство взрослого населения страны в той или иной степени было замешано в подобных формах зла, и значит несло моральную ответственность. Учение Гоббса было для них психологически и нравственно удобным. Но парадокс истории – учение Гоббса не стало официально принятым и общезначимым на родине. Большее воплощение, хотя часто и без ссылок на Гоббса, оно получило на материке, в том числе в России.

Однако в истории философии, особенно в истории политической философии, учение Гоббса явилось заметной исторической вехой. И можно подытожить заключительными словами Карла Шмитта: «Спустя столетия мы отвечаем ему: «Ты вовсе не напрасно учишь нас, Томас Гоббс!»

Библиографические ссылки:

1. Библия. Иов.
2. Гоббс Т. Левиафан // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2.
3. Гоббс Т. Основы философии // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1.
4. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997.

5. См. о «дилемме узника»: Дж. Ролз. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 293 ; Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998. С. 405 – 409 ; П. Е. Матвеев. Религиозная этика. Ч. 1. Основы общей теории морали. Владимир, 2009. С. 27.
6. См.: журн. «Социологическое обозрение». 2001. Т. 1. № 2. С. 48 – 58.
7. См.: журн. «Вопросы философии». 1990. № 5, а также журн. «Этическая мысль». М., 1991. Критический анализ этой статьи с точки зрения современной российской этики дан в работе А. А. Гусейнова «Этика Троицкого» (журн. «Этическая мысль». М., 1992).
8. Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2.
9. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Т. Гоббса. СПб., 2006.

P. E. Matveev

LEVIATHAN BY HOBBS AS THE SCRIPTURAL BEAST AND A GRANDIOSE MACHINE

The article is devoted to the analysis of the concept of "Leviathan" as it is interpreted by T. Hobbes. The relation of this notion with the Judeo-Cabbalistic interpretation, as well as with the interpretation by the medieval theologians and the teachings of theologians and philosophers of the modern and contemporary history is shown. The study provides a critical analysis of different perspectives on the problem of "Leviathan."

Keywords: Leviathan, religion, mysticism, theology, State absolutism, democracy, power, freedom.

УДК 172.3

Е. И. Аринин, И. Е. Викулов, А. А. Дубровская

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ ВЛАДИМИРСКИХ СТУДЕНТОВ: «ПРАВОСЛАВНЫЕ НЕВЕРУЮЩИЕ» КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Публикация посвящена обзору социологических исследований молодежной религиозности на примере студентов г. Владимира. Предпринимается попытка соотнести показатели религиозности студенчества, полученные в разные годы, и дать философско-религиоведческую оценку их «парадоксальным результатам».

Ключевые слова: религия, религиозность, молодежь, религиозная идентичность, «православные атеисты».

С изменением темпа жизни, усилением процессов глобализации, интеграции, информатизации общества обнаруживается тенденция к изменению и религиозности человека. Это обусловлено целым рядом объективных факторов, среди которых последствия социально-политических изменений XX века, амбивалентность процессов секуляризации и плюрализации общества. В наши дни каждый человек при желании может добратья на другую часть планеты за считанные часы, а может с помощью камер, установленных по всему миру, увидеть, что происходит во всех уголках земного шара, кликнув пару раз компьютерной мышью. Быстрый доступ к гигантским объемам разнообразной информации, мировоззренческое разнообразие социальной среды, ее поликонфессиональность и ослабление механизмов внешнего контроля религиозности порождают феномены, которые раньше были едва ли возможны [5, с. 89]. Своеобразным примером такой «полифоничности» современной информационной среды можно назвать социальные сети, приобретающие в наши дни всё большую популярность. Пользователям открыт доступ к различным объединениям, в том числе религиозным. Цели и задачи самих групп и участия в них могут быть самыми разнообразными. Таким образом, формируются множественные площадки для дискуссий и трансляции смыслов для представителей самых разных мировоззренческих установок, что практически невозможно было бы пред-

ставить себе вне рамок виртуальной среды.

В современный век высоких технологий наблюдается широкий спектр религиозных течений. Несмотря на фактическое доминирование на уровне регионов отдельных конфессий, сам по себе многонациональный и поликонфессиональный характер населения, проживающего на территории Российской Федерации, а также конституционно провозглашенное право каждого человека на свободу вероисповедания обуславливают сетевое религиозное многообразие. Только на территории Владимирской области, согласно данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации, зарегистрировано 397 религиозных организаций. Ведущее место среди конфессий региона занимает Русская Православная Церковь Московского Патриархата: как по данным 2013 года, так и 2017 года, приходы РПЦ МП составляют 79 % всех зарегистрированных религиозных объединений области (в соответствии с официальными данными на 2017 год на территории Владимирской области зарегистрировано 312 таких религиозных объединений). Помимо этого существуют приходы, действующие без получения статуса юридического лица, находящиеся на стадии восстановления. Из приведенных статистических данных можно сделать следующий вывод: большинство людей, проживающих на территории Владимирской области, – православные. Однако социологические исследования показывают, что конфессиональ-

ная гомогенность не так однозначна, как представляется на первый взгляд.

Первое социологическое исследование религиозной принадлежности студенческой молодежи города Владимира проводилось в 2013 году. Данное исследование проводилось на базе кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Было анкетировано 808 студентов (2013) и 852 абитуриента (2014) различных направлений бакалавриата [1, с. 368 – 429]. В монографии «Религия, образование и религиозность во Владимирском регионе» представлены первые заключения исследования. «Под «религией» большинство студентов понимает: отношение с миром таинственного вообще (Бога, непостижимого и т. п.), «религиозный образ жизни» (участие в общинно-приходской деятельности и специфических культовых практиках) или высшие нравственно-эстетические ценности, что можно квалифицировать как преимущественную причастность к «дифференцированной» форме религии и религиозности» [2, с. 378]. Исследователи указывают на то, что студенты в опросах относят себя к «верующим», «православным», «русским», при этом отмечая, что они были крещены, но религиозного воспитания учащиеся не имели. Молодежь не считает необходимым участие в приходской жизни, наоборот, старается установить собственные отношения с Богом. Второе аналогичное социологическое исследование студентов Вла-

димирского государственного университета было проведено в 2017 году также на базе кафедры философии и религиоведения. Данное исследование проводилось в рамках дипломной работы выпускницей направления «Религиоведение» [4, с. 595].

В исследовании приняли участие 500 студентов Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых [3, с. 52]. Из них 62 % представителей мужского пола и 38 % представителей женского пола. Возраст анкетированной группы варьировался от 17 до 29 лет, при этом 55 % группы являлись студентами гуманитарных направлений, а 45 % опрошенных получали техническую специальность. Одним из важных критериев при выборке студентов стала специализация опрашиваемых: задачей ставилось проведение анкетирования как среди «гуманитариев», так и среди «технарей». Таким образом, появлялась возможность сравнить уровень знаний в области религий и сделать вывод, насколько глубоко на технических специальностях затрагивают такой предмет, как религиоведение. Известно, что на таких направлениях обучения очень поверхностно уделяется внимание данной дисциплине. По результатам исследования выяснилось, что 35 % учащихся на гуманитарных специальностях ответили верно на 7-й вопрос: «Что из перечисленного соотносится с мусульманским понятием «джихад»?» и лишь 12 % опрошенных, которые учатся на технических специальностях, выбрали

правильный ответ. Это еще раз показывает проблему, связанную с религиозным образованием. 80 % опрошенных являются учащимися 1 – 2-го курсов. Среди студентов были граждане других стран – 4 % опрошенных (граждане Китая, Молдовы, Палестины, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана), 96 % опрошенных являются гражданами Российской Федерации.

Обратимся непосредственно к вопросам выяснения религиозных представлений. Вопрос номер 1 в исследовании: «Верите ли Вы, что наш мир был создан Богом?». Вариант «да, верю» выбрали 37 %, «нет, не верю» – 22 %, 30 % затруднились с ответом, 11 % пропустили данный вопрос. Вопрос номер 2 звучит следующим образом: «К какому вероисповеданию Вы себя относите?». 68 % опрошенных отнесли себя к православным, 3,4 % к мусульманам, 0,2 % к протестантам, 0,4 % к католикам, 28 % не считают себя верующими. Итак, 27 человек из 337 на вопрос «К какому вероисповеданию Вы себя относите?» отвечали, что православные, но при этом одновременно на вопрос «Верите ли Вы, что наш мир был создан Богом?» отвечали, что нет, не верят, – 8 %, а затруднились ответить 33 % опрошенных. Результаты опроса представлены в приложении.

При сравнении социологических исследований, проведенных в 2013 и 2017 годах, можно выделить несколько общих моментов. Первое, студенты, которые относят себя к православным, выбирают при этом

ответы на конкретные вопросы совсем не те, которые бы выбрали действительно верующие люди. Именно по таким простым вопросам можно определить, является ли человек истинно верующим. Второе, такие студенты создают особую категорию «православных атеистов». При рождении родители делают самостоятельный выбор религиозной принадлежности ребенка, но при этом во время воспитания не акцентируют внимания на выборе веры. Тем самым ребенок именуется себя православным, но практически ничего не знает о сущности, догматах, праздниках православной веры.

По последним исследованиям американского **PEW RESEARCH CENTER**, 71 % Россиян считают себя приверженцами православия, (по исследованиям, проведенным в 1991 году, таких людей насчитывалось 37 %), а 75 % населения России верят в Бога. Американские социологи отметили, что в России большинство респондентов связывают свой выбор веры с национальной идентичностью. Кроме того, согласно данным их центра, мусульмане и атеисты также относят православие к национальной идентичности. Преподаватель философского факультета МГУ, религиовед Павел Костылев считает, что под традиционное понимание верующих попадает только 4 – 8 % населения. Существует разница между теми 130 миллионами, кто относит себя к православным, и 12 миллионами, кто действительно ходит в церковь, причащается и соблюдает посты.

Библиографические ссылки:

1. Аринин Е. И., Петросян Д. И. Пилотное исследование особенностей религиозности студентов ВлГУ // Религия и религиозность во Владимирском регионе : коллектив. моногр. / под ред. проф. Е. И. Аринина. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. Т. 2. 430 с.
2. Аринин Е. И. Религия и религиозность во Владимирском регионе : монография. В 2 т. Т. 2 / Е. И. Аринин [и др.] ; под ред. д-ра филос. наук, проф. Е. И. Аринина. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. 430 с.
3. Добреньков В., Кравченко А. Методы социологического исследования. М. : Инфра, 2016. 768 с.
4. Дубровская А. А., Викулов И. Е. Священная война и джихад в сознании современных молодых россиян: по результатам опроса студентов ВлГУ // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых : сб. материалов науч.-практ. конф. 20 – 31 марта 2017 г., г. Владимир [Электронный ресурс] / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. 1337 с.
5. Латышева Ж. В. Некоторые типологические, семантические и парадигмальные особенности понимания трансцендирования // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2017. №3 (15). С. 88 – 97.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ

Всего методом анкетирования опрошено 500 студентов.

В том числе:

Пол (%)

Мужчины	61,8
Женщины	38,2

Возраст (%)

17	3,6
18	28,0
19	28,6
20	13,2
21	16,0
22	6,6
23	2,2
24	6
25	4
26	4
27	2
29	2

Средний возраст – 22 года

Курс обучения (%)

1-й	43,2
2-й	36,0
3-й	7,2
4-й	11,6
5-й	2,0

Направление обучения (%)

Автоматизация технических процессов	1,4
Администрирование информационных систем	1,6
Биология	0,6

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ*Продолжение*

Государственно-муниципальное управление	3,4
Журналистика	5,8
Инженерия	0,2
Инноватика	3,4
Иностранный язык	8,8
Информационные технологии	2,6
История	9,0
Культурология	1,2
Лазерная техника	2,0
Математика в экономике и финансах	0,6
Материаловедение и технология материалов	0,2
Международные отношения	0,2
Менеджмент	5,2
Музеология	0,2
Наноинженерия	7,0
Нанотехнологии	1,0
Почвоведение	1,0
Приборостроение	1,8
Прикладная математика и информатика	4,4
Психология	5,6
Радиотехника	2,2
Реклама и связь с общественностью	2,4
Религиоведение	5,0
Русский язык	1,8
Социальная педагогика	0,2

ФИЛОСОФИЯ

Окончание

Социальная работа	2,4
Социология	0,8
Строительство	1,6
Технологии машиностроения	1,8
Туризм	0,4
Управление персоналом	2,2
Управление системами	0,8
Филология	5,2
Философия	1,6
Экономика	4,4

Гражданство (%)

Китай	0,2
Молдова	0,2
Палестина	0,2
Российская Федерация	96,8
Таджикистан	0,2
Туркмения	2,0
Узбекистан	0,4

2. РЕЛИГИОЗНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РЕСПОНДЕНТОВ

Относят ли себя респонденты к определенному вероисповеданию (%)

Православие	67,8
Ислам	3,4
Протестантизм	0,2
Католичество	0,4
Другое (укажите какое)	0
Не считаю себя верующим человеком	28,2

**СОГЛАСИЕ ИЛИ НЕСОГЛАСИЕ СТУДЕНТОВ С НЕКОТОРЫМИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ**

Верят ли студенты, что наш мир был создан Богом (%)

Да, верю	37,4
Нет, не верю	22,0
Затрудняюсь с ответом	30,0
Нет ответа	10,6

КАК ЧАСТО МОЛЯТСЯ РЕСПОНДЕНТЫ (%)

Никогда не молюсь	43,6
Молюсь	56,4

Молюсь своими словами (%)

Раз в месяц или реже	57,3
Раз в неделю и чаще	31,7
Каждый день	11,0

Молюсь традиционными молитвами (%)

Раз в месяц или реже	51,9
Раз в неделю и чаще	30,7
Каждый день	26,9

E. I. Arinin, I. E. Vikulov, A. A. Dubrovskaya

**SOCIOLOGICAL RESEARCHES OF RELIGIOUS FAITH OF STUDENTS
IN THE CITY OF VLADIMIR: «ORTHODOX ATHEISTS
AS A RELIGIOUS IDENTITY»**

The publication is devoted to a survey of sociological studies of the youth religiosity by means of the example of students of Vladimir. An attempt is made to correlate the indicators of student religiousness obtained in different years, and to give a philosophical and religious assessment of their «paradoxical results.»

Keywords: religion, religiosity, youth, religious identity, «Orthodox atheists».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ (CONTRIBUTORS)

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
eiarinin@mail.ru

БАРАНОВА Лариса Михайловна – кандидат философских наук, доцент зав. кафедрой социологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
baranovalm@yandex.ru

БОГРОВА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
kmbogrova@mail.ru

ВАЛЕРОСО Ольга Фернандовна – магистрант кафедры литературы филологического факультета УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
olga.valeroso@bk.ru

ВИКУЛОВ Иван Евгеньевич – старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ivan.vikulov@gmail.com

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук доцент факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань)
Demidoffs@rambler.ru

ДУБРОВСКАЯ Анастасия Андреевна – магистрант группы РВм-117 Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
dubr.nastya@yandex.ru

ГЛАДКОВА Анна Александровна – кандидат филологических наук доцент кафедры литературы УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»

ГОРСКАЯ Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент Смоленского государственного университета
gorskaya-n@yandex.ru

ДЬЯКОВА Татьяна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
diako122@rambler.ru

ЕРЕМЕЕВ Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
eremeev_ae@mail.ru

КАТУНИНА Надежда Сергеевна – доктор философских наук профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
nskatunina@gmail.com

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
mail@matvei.elcom.ru

ОРЛИК Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
enorlik@mail.ru

РУЦИНСКАЯ Ирина Ильинична – доктор культурологии доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
irinaru2110@gmail.com

ЩИТКОВСКАЯ Арина Алексеевна – студент Педагогического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
Zidgovska@gmail.com